Saviors and Destroyers

AN ENEMY BOOK FOR DEMON: THE FALLEN™

Спасители и истребители

Перевод и сноски выполнены — khe12

Содержание

Введение

Глава первая: Настали последние дни

Глава вторая: За правое дело

Глава третья: Нет мира нечестивым

Глава четвертая: Под тяжестью креста

Глава пятая: Один во тьме

... повсюду демоны и демонские проклятья...

- Тертуллиан

Демоны на протяжении тысячелетий были частью нашей культуры. Не важно, считаем ли мы их помощниками "Сатаны" или же жестокими, докучливыми духами; их уродливые рыла появляются в мифах многих народов. Но везде демонам противостоят их основные противники, те, кто преследует их, - экзорцисты. Демонов изгоняли древние греки, африканцы и египтяне, экзорцизмы были хорошо известны в культуре Востока (и сейчас, и в прошлом), и, конечно же, это умение не прошло мимо иудеев и христиан. Именно экзорцист должен был изгонять злых духов и сражаться с демонами, смущающими человеческие души. Некогда в иудео-христианской культуре было принято проводить экзорцизм над всеми младенцами, чтобы преградить путь возможным соблазнам (в конце концов, речь шла о последствиях первородного греха). Для взаимодействия с демонами во всех их видах было введено специальное "низшее рукоположение" – экзорцистат.

Но постепенно эта традиция угасла. Наступила эпоха Просвещения. Зачем приглашать экзорцистов, если в демонов больше не верят? Земля круглая, на нас действует сила тяжести, а демоны – это игра воображения, верно?

Неверно. Демоны существуют. Люди просто забыли об этом. Но все же есть мужчины и женщины, которые берут крест, поднимают знамя и вступают в борьбу с темными силами. Они – современные экзорцисты, раньше бывшие простыми домохозяйками, строителями, программистами и священниками. Они видели нечто, с чем не в силах смириться, и теперь они хотят *изгнать демонов прочь*.

Эта книга знакомит Рассказчика и игроков с теми, кто противостоит демонам, - с охотниками.

Современные охотники на демонов

Было время, когда изгнанием злых духов занимались жрецы и знатоки тайных искусств; проводились длинные литургии и писались толстые тома, призванные должным образом направить волю экзорциста, чтобы изгнать демона из тела человека, вышвырнуть его назад во тьму, из которой

он явился. Если у вас были причины заподозрить, что соседа или возлюбленную терзает нечистый дух, всегда находились люди, которых можно было позвать на помощь.

Это время давно прошло. Вера в незримое теперь уже не та. Тайные искусства затерялись в туманах времени, а Церковь сейчас скорее служит отражением общества, чем указывает иной путь. Святые мужчины и женщины больше обеспокоены сбором денег на расширение своих соборов да стычками с теми, чьи взгляды на спасение отличаются от их собственных, пусть и совсем незначительно. Литургии преданы забвению, их тексты гниют в темных закутках папских библиотек. И хотя до сих пор есть священники, в чьи обязанности входит изгнание злых духов из верующих, эта практика не поощряется старшими членами Церкви, стремящимися придать своей религии современный вид. Эти мудрецы говорят, что в 21 веке нет места вере в демонов.

Современные охотники на демонов – это не специально подготовленные представители Церкви и не посвященные, вкусившие древних тайн. Они – обычные люди, столкнувшиеся с адом во плоти. Так или иначе они познали истину: демоны существуют и ходят по Земле в людском обличии. От остальных людей этих потенциальных экзорцистов отличает то, что они не стали прятаться от открывшегося им ужаса. Они решили сражаться. Пользуясь всем, что только попадается под руку, от бейсбольных бит до Библии, современные экзорцисты сражаются с демонами, уничтожая их смертные тела и изгоняя духов в Бездну, или же противопоставляют им свою волю, вынуждая нечистых покинуть этот мир. Но у всего есть своя цена, и у победы тоже. Война с демонами оставляет на душе экзорциста неизлечимые шрамы, и рано или поздно даже сильнейшие умы разрушаются под грузом ужаса, отчаяния и боли. Еще страшнее поддаться искушению. Кому лучше экзорциста знать, какие дары может предложить коварный демон? Многие охотники на демонов уступают, поверив в обещания знаний и власти, часто с самыми благими намерениями, а потом вдруг понимают, что стали рабами тех самых чудовищ, с которыми поклялись сражаться.

Те экзорцисты, кто пережил первое столкновение с падшими, слишком хорошо понимают, что судьба играет против них, но альтернатива кажется им еще более пугающей. Лучше погибнуть в бою, чем сидеть и смотреть, как весь мир катится в ад.

Эти охотники – фабричные рабочие, библиотекари, учителя и, да, даже священники. Они столкнулись с правдой и изо всех сил пытаются сделать хоть что-то. Им не хватает знаний и средств, у них нет высокопоставленных друзей, нет доступа к военным исследовательским лабораториям. У них есть семьи, выплаты по ипотеке, режущиеся зубы мудрости и проблемы с алкоголем.

Они сражаются с демонами, потому что выбора у них нет. Большинство из них гибнет. Те, кому повезло.

Тема

Темами "Спасителей и истребителей" в равной степени являются героизм и высокомерие. Экзорцисты многими своими темными сторонами схожи с падшими. Если некоторые демоны пытаются преодолеть боль и безумие, стремясь к искуплению, то экзорцисты, движимые стремлением к героическому самопожертвованию, могут погрузиться в ужас и насилие. Часто оба эти пути приводят к трагедии, когда и демона и экзорциста затягивает в вихрь разрушения, который разносит все вокруг.

Экзорцисты верят в то, что они делают. У них могут быть разные мотивации, но они вступают в битву, веря в справедливость своего дела. В этой никому не видимой войне они сражаются с древним и ужасным врагом не только ради семьи или друзей, но и ради будущего всего человечества, не надеясь на благодарность. Часто им приходится расставаться с семьей и друзьями, терять сбережения и прерывать с таким трудом выстроенную карьеру.

Но чем дольше длится сражение, тем сильнее то разрушительное воздействие, которое оно оказывает на охотников, не говоря уже о соблазнах, исходящих от преследуемых ими духов. Охотники слишком часто говорили себе, что они выше тех мелочных желаний, из-за которых другие поддаются демонам, но эта гордыня зачастую предвещает падение. Иногда они теряют рассудок, даже не понимая этого, превращаются в чудовищ куда более страшных, чем их бывшие противники.

От рук своих товарищей гибнет почти столько же экзорцистов, сколько и в битвах с демонами, и не одна группа охотников была уничтожена из-за предательства одного из них.

Настроение

Настроение "Спасителей и истребителей" – это отчаяние, совмещенное с мрачной решимостью. Многие экзорцисты верят, что близится конец света. Некоторые из них считают, что смогут остановить этот процесс, если уничтожат достаточное количество демонов. Другие думают, что битва уже проиграна, но все равно продолжают сражаться. Мало у кого из них сохраняются иллюзии относительно выбранного пути – скорее всего, они умрут в темном переулке, одинокие, всеми покинутые, или же проведут остаток жизни в палате с мягкими стенами. Они из тех ребят, которые приберегают последнюю пулю для себя и клянутся убить своих товарищей, чтобы те не попали в лапы к врагу. Но если уж им суждено умереть, но, видит Бог, в Ад они отправятся не в одиночку.

Как пользоваться этой книгой

Книга разделена на несколько глав, в каждой из которых рассматривается и объясняется один из аспектов игры. Помните, что самая важная "глава" игры-рассказа – это ваше воображение. Ничто из прочитанного в книге не должно препятствовать вашему творчеству.

Глава первая: Настали последние дни рассказывает о том, как самые разные мужчины и женщины могут столкнуться с падшими и обрести мужество, чтобы изгнать демонов назад в Бездну.

Глава вторая: За правое дело повествует о ежедневных опасностях, с которыми сталкиваются экзорцисты, сражающиеся с ангелами Бездны, а также о тех необычных тактиках, которые им порою приходится использовать. В главе показано, какая опасность подстерегает охотников на демонов, когда им приходиться применять "вражьи" методы ради того, чтобы склонить чашу весов в свою сторону.

Глава третья: Нет мира нечестивым описывает судьбу, которая поджидает многих экзорцистов в их битве с проклятыми. Счастливы те охотники, за кем пришла смерть. Их постоянно подстерегает безумие и опасность попасть в рабство, а также угроза тюремного заключения со стороны властей, которые считают охотников опасными преступниками.

Глава четвертая: Под тяжестью креста предоставляет руководство и советы по созданию экзорцистов, которые могут выступать в ваших хрониках как в качестве игровых персонажей, так и в качестве антагонистов, а также системы изучения и проведения разного рода экзорцизмов. В ней также содержится краткий список священных предметов, которыми могут пользоваться охотники на демонов.

Глава пятая: Один во тьме содержит описания персонажей-экзорцистов, которых Рассказчик может включить в свою хронику или использовать в качестве образца при создании собственных персонажей.

Источники

Безнадежное сражение с силами Ада – это любимая тема как в литературе, так и в кино. На основе предлагаемых ниже источников можно составить представление о жестокой и мучительной битве между людьми и демонами.

Рекомендуемые книги:

"Заложники Дьявола: пять случаев одержимости и экзорцизма в современной Америке", Малахия Мартин[1]. В этой полной трагизма книге подробно описывается пять случаев одержимости, якобы имевшей место в наши дни, а также предпринятые усилия по изгнанию демонов. Книга, в которой содержится полный обряд изгнания дьявола, принятый в католической церкви, может стать весьма полезным источником информации по современной практике экзорцизма.

[1] Hostage to the Devil: The Possession and Exorcism of Five Contemporary Americans, by Malachi Martin.

Сборник Г. Ф. Лавкрафта. Особое внимание стоит обратить на рассказы "Из глубин мироздания" (*From Beyond*), "Шепчущий во тьме" (*The Whisperer In Darkness)* и "Ужас в Данвиче" *(The Dunwich Horror).* Эти тексты Лавкрафта посвящены отчаянной борьбе обычных людей с древними и неведомыми силами, что делает их весьма полезным источником информации. Часто его персонажи расставались если не с жизнью, то с рассудком.

"Одержимый дьяволом", Томас Б. Аллен[2]. В книге содержится отчет о случае одержимости в 1949 году, который лег в основу книги "Изгоняющий дьявола" (*The Exorcist)*, и о попытке священника Уильяма С. Боудерна изгнать демона из тела 14-летнего мальчика. События в книге поданы не столь волнующе, как в фильме, но от этого производят еще более сильное впечатление.

Ты придешь, когда я позову, Дуглас Клегг[3]. Дети, которые некогда столкнулись с демоном, на протяжении всей своей жизни испытывают разрушительное воздействие от этой встречи. Некоторым так и не удается вырваться из-под губительного влияния, другие же находят в себе силы противостоять ему.

Рекомендованные фильмы:

"Изгоняющий дьявола"[4]. Классический фильм 1973 года с Линдой Блэр и Джорджем К. Скоттом, полная напряжения пугающая (иногда слишком явно) история борьбы святого человека и проклятого духа.

"Одержимый дьяволом[5]*"*. Еще одна экранизация романа Томаса Аллена с Тимоти Далтоном. Этот фильм уступает "Изгоняющему дьявола" в эффектности, но в нем прекрасно показано, как отец Боудерн пытается сохранить веру, проводя современный экзорцизм.

"Порок[6]*"*. В этом мрачном фильме рассказывается о человеке (чью роль исполняет Билл Пэкстон), который поверил в то, что Господь сделал его своим избранником и повелел сражаться с демонами на Земле. По мере того, как разворачивается сюжет, зрители все чаще задаются вопросом, что же на самом деле происходит с героем Пэкстона – он просто сошел с ума или же действительно видит демонов?

"Стигматы[7]*"*. Гэбриел Бирн играет священника-иезуита, который расследует случаи проявления сверхъестественных сил по поручению католической церкви и увлекается молодой американкой, на чьем теле проступают стигматы – символы крестных ран Христа. Хотя наиболее вероятная причина одержимости не подтверждается, фильм может стать отличным источником информации для тех, чьи экзорцисты должны будут столкнуться с клубком интриг, плетущихся в Церкви.

[2] Possessed, by Thomas B. Allen.
[3] You Come When 1 Coil You, by Douglas Clegg.
[4] The Exorcist, 1973 г., США.
[5] Possessed, 2000 г., США.
[6] Frailty, 2001 г., США, Германия, Италия.
[7] Stigmata, 1999 г., США.

EXIT

Дом, где лежит умирающий, наполнен дьяволами. Они стекаются туда и пытаются сокрушить душу находящегося при смерти человека сильнейшими соблазнами. Святая вода, благословленная Церковью, может изгнать дьяволов.

- Св. Альфонс

Несущие слово

Дорогая Рахиль,

По ночам я сплю со светом. Но все равно не чувствую себя в безопасности.

Я прошу прощения. Все, что я хочу сказать тебе, сказать всем, так это что я прошу прощения за то, что случилось, чему я позволил случиться. Я бы попросил тебя вспоминать меня в своих молитвах, но, подозреваю, когда ты прочтешь эти слова, будет уже слишком поздно для молитв. После всего, что я сделал, я уже не могу с открытой душой молиться Б-гу. Может быть, ты поймешь, почему, когда прочтешь мою историю.

Рахиль, с тех пор, как я написал последние предложения, прошло некоторое время. Мне показалось, что я слышал, как кто-то скребется в дверь этой убогой комнатушки. Я придвинул к двери комод и стол, а сам пишу тебе, стоя на коленях на полу в изножье кровати. Амулет, который я исписал Непроизносимым Именем, плотно обернут вокруг моей руки, и сквозь рукав я чувствую, как впиваются в кожу шнурки.

Теперь я понимаю, что никогда по-настоящему не ценил свой дом. Даже во время поездок в Балтимор и Иерусалим я не испытывал такой тоски по дому. В последние дни я часто закрывал глаза и мысленно переносился на Тейлор-стрит. Юноши выстраиваются в очередь к утреннему автобусу, чтобы ехать в иешиву, шепотом повторяя заученные предыдущим вечером отрывки из Торы. На рынке Кляйна женщины, болтая и смеясь, покупают продукты к шаббату. Старый мистер Нуссбаум сидит, нахохлившись, как ворона, на скамейке перед небольшой синагогой как раз напротив его дома. Он раскачивается взад-вперед, читая молитву, и поджидает брата, который ни разу в жизни не

пришел в синагогу раньше времени. Даже отец и мать, которых я давно лишился, в моих воспоминаниях прогуливаются по Тейлор-стрит.

Но воспоминания не могут даровать мне сон. Скорее уж, они не дают мне заснуть. Яаков сказал как-то, что одиночество – это тайная суть ада. Тогда я решил, что знаю, о чем он говорит, но на самом деле даже не догадывался о смысле его слов. Завтра я встречусь с человеком, который, как говорят, охотится на злых духов, как волк охотится на кроликов. Я надеюсь, что он сможет защитить меня от того, что я сейчас держу в голове. Хотя, скорее всего, он – очередной шарлатан.

Я не перестаю спрашивать себя, должен ли я вообще был встретиться с Яаковом. Моего возраста, сын Лизы, сестры моей матери… ребенком я воображал его своим двойником, который постоянно участвует в каких-нибудь приключениях, пока я молюсь и учу Талмуд у себя в Бруклине. Ты, возможно, знаешь, что моя мать не была хасидкой с рождения; она была *баалат тешува*, еврейкой, которая, по милости Б-жьей, вступила на праведный путь. Она часто с теплотой говорила о тете Лизе и ее детях. Когда-то она надеялась, что они, подобно ей самой, обратятся к вере. Но когда они уехали в Тель-Авив, надежда покинула ее.

Когда в то утро я нашел среди прочей почты письмо от тети Лизы, я не узнал обратный адрес. Я почти могу поверить в то, что, не открой я тогда письмо, события развивались бы совсем не так, как на самом деле, и сейчас я бы сидел в комнате рабби Брауна, сравнивая переводы Книги о праведнике. Но думать так глупо. Все мы – рыба в сетях Б-га. Мы можем плыть, куда хотим, но сеть такая большая, что никакой разницы нет.

Тетино письмо заставило меня расплакаться. Я рвал на себе воротник. Да, я знал, что так иногда случается. Но письмо сделало это знание реальным. Я пришел в ужас, поняв, что человек возраста Яакова – моего возраста – может испытывать такие страдания. Все произошло в лагере для беженцев, где подразделение Яакова должно было поддерживать комендантский час и арестовывать бунтовщиков. Яаков единственный из всех своих товарищей пережил нападение.

Состояние, которое называют "посттравматическим стрессовым синдромом", – это страшно, Рахиль. Когда Яакова выписали из госпиталя, тело его было почти здорово. Но он был уже не тем парнем, который записался в армию девять месяцев назад. Он не получал удовольствия от жизни, не интересовался ничем из того, что его окружало. Он днями сидел у себя в комнате, едва прикасался к еде и не участвовал ни в разговорах, ни в молитвах. Через несколько недель такой жини тетя Лиза и дядя Давид решили, что лучше отправить Яакова куда-нибудь за пределы Израиля, подальше от бесконечных обсуждений бомбежек и кровопролития.

Казалось, эта идея вызвала у Яакова проблеск интереса, и его родители испытали облегчение, когда он связался с другом, который проходил обучение в Америке. Вскоре все было улажено. Так как Яаков должен был поселиться в Бруклине – его друг учился в Колумбийском университете, - тетя в письме спрашивала меня, не смогу я ли время от времени навещать его. Мог ли я отказать в столь малой *мицве*[8]? Конечно же, для этого мне пришлось бы выйти за пределы нашего района. Но меня это не волновало, ведь я путешествовал по стране и пересекал океан. До того, как поселиться с рабби Брауном, я три года проработал на Манхэттене. Неужели же после этого я затруднился бы пройти несколько кварталов?

Найти здание, в котором он поселился, было совсем не трудно. Я всегда гордился своим умением самостоятельно добираться до нужного места. Сейчас я со стыдом сознаюсь, что тогда мой разум был исполнен гордыни, а не восхищением перед красотой и святостью обычных вещей. Яаков встретил меня с большей теплотой и сердечностью, чем я ожидал. Я едва успел сказать ему, кто я такой и зачем пришел к нему, как он уже пригласил меня войти и усадил на самое удобное место в своей маленькой квартире. Я несколько растерялся, так как думал, что он будет подавленным и угрюмым, каким описала его тетя. Мы проговорили два часа, конечно же, не о том, что с ним случилось, но о разных мелочах и семейных новостях. Очень приятное времяпровождение.

Когда я спросил, не хочет ли он пройтись со мной и посмотреть, где я живу, он сразу же загорелся энтузиазмом. Меня это удивило. Слишком часто нерелигиозные евреи не проявляют никакого

[8] Мицва́ (мн.ч. мицво́т; от *ивр.* «повеление», «приказание») — предписание, заповедь в иудаизме. В обиходе мицва — всякое доброе дело, похвальный поступок

интереса – а то и враждебно относятся – к хасидским кварталам. Я решил, что ему, наверное, любопытно, как бывает любопытно посетителю музея, разглядывающему окаменелости. Конечно же, мне не стоило приписывать другому человеку такие недостойные мысли. Может быть, не погрузись я в эти греховные размышления, я бы проявил больше внимания к мотивам Яакова… может быть.

Прежде чем покинуть квартиру, я помог Яакову убрать кое-что из его имущества, какие-то кухонные приборы, одежду, всякую мелочевку, которая сейчас была ему не нужна. Я был рад помочь ему. Мы сложили вещи в картонную коробку, которую Яаков затем поставил поверх большого деревянного ящика. "Я тебя немного обманул", - сказал он с усмешкой. – "В основном мне надо помочь с этим ящиком. Там вещи моего соседа по комнате – книги и все такое. Он очень тяжелый. Сосед собрал свои пожитки, чтобы освободить мне место, так что я сказал, что с ящиком управлюсь сам. Надеюсь, ты не возражаешь".

Вместе мы вытолкали сундук в коридор и затащили его в лифт. Я не могу назвать себя физически сильным. Тогда мне показалось, что большую часть нагрузки Яаков взял на себя, моя же роль заключалась в том, чтобы поворачивать наш груз в нужном направлении.

Подвал был таким же сырым и захламленным, как верхние этажи были чистыми и современными. Я помню, что, когда мы вышли из лифта, к моему лицу прилипла паутина, но убрать я ее не мог, потому что руки были заняты. Это ощущение сводило меня с ума.

- Так где сейчас твой сосед? – спросил я, надеясь отвлечься от вызывающей зуд паутины. Произнеся эти слова, я обеспокоился, не слишком ли они похожи на жалобу, словно я хотел, чтобы сосед двигал ящик вместо меня.

- А, - ответил Яаков, - где-то здесь. Он обычно держится в тени. Может, встретишься с ним в другой раз.

Он держал ящик за передний край и шел спиной вперед, повернувшись ко мне лицом. Я едва видел, куда мы идем – под потолком горела только одна тусклая желтая лампочка, - но Яаков передвигался совершенно свободно.

- Давай поставим его там у стены, - сказал он мне. Я кивнул, понимая, что больше не в силах нести ящик. В подвале было очень жарко, и я страстно желал выйти из этой темноты назад к свету дня.

Сегодня я отрезал пейсы, я уже писал об этом? Мне понадобилась неделя, чтобы собраться с духом. Я долго пытался их спрятать, но в конце концов пришлось от них избавиться. У меня всю жизнь были пейсы, и теперь, задумавшись, я иногда тянусь к ним пальцами… Завтра я сбрею бороду. Я должен как можно сильнее изменить внешность. Если форма действительно отражает содержание, тогда, возможно, значительные перемены не только замаскируют меня. Может быть, так я смогу изменить душу, самую сердцевину души, чтобы те, кто охотится за ней, не смогли найти меня.

Вопросы и ответы

Рахиль,

Я впервые в жизни сплю на улице. Это ужасно. Постоянно лают собаки. Они что, подбираются ко мне? Я так устал. Потом напишу еще.

Я немного поспал.

Должны быть и еще люди вроде меня, Рахиль. Которые видели то же, что и я. Я пытаюсь отыскать их, но это так утомительно. Я читал труды и статьи, написанные учеными, святыми людьми. Я ходил в библиотеки и слушал лекции и выступления. Я потихоньку наводил справки в миквах[9] и синагогах. Я даже заглядывал в убогие магазинчики и сувенирные лавки, где невежам продают разные безделушки и снадобья. Я подумывал, не отправить ли мне тщательно составленное объявление в одну из религиозных газет. Только время покажет, принесут ли мои усилия плоды. Но, боюсь, именно времени у меня и нет.

[9] Ми́ква - водный резервуар для омовения с целью очищения от ритуальной нечистоты.

Но я рассказывал тебе о том дне, когда впервые встретил Яакова. Я повел его к рабби Брауну. Это было здравое решение, дом располагался на самой окраине нашего квартала, и мы сначала заглянули туда. Рабби дома не было, но я познакомил Яакова с миссис Браун. Она вела себя довольно сдержанно, но все же вежливо. Она не выходила за пределы квартала уже несколько десятков лет, так что, наверное, почувствовала себя неуютно, встретившись с чужаком, пусть даже и евреем. Яакова это вроде бы не смутило, хотя она и не смотрела ему в глаза, а сам он знал достаточно, чтобы не протягивать ей руку для рукопожатия. Он с похвальбой отозвался о ее доме, чистом и скромно обставленном.

Под теплым апрельским солнцем тротуары блестели, как корка свежего хлеба. Яаков задавал уйму вопросов. Я показывал ему самые интересные места и рассказывал, кто где живет, отвел его на рынок, а потом в парк, где рабби Браун и его ученики – и я в том числе – часто собирались для беседы. Мы встретили нескольких моих знакомых, и они, казалось, были шокированы, увидев меня в обществе чужака. Большинство из них просто кивали мне и шли дальше. Поначалу Яакову вроде бы нравилась прогулка, но потом я заметил, что он как-то изменился. Он побледнел. Начал задавать меньше вопросов. Постепенно замедлил шаг. Я подумал, что он не так уж давно выписался из госпиталя и решил, что он устал.

Я уже собирался заговорить, когда мы повернули за угол, образованный Пятой улицей и Бликер-стрит. Перед нами возникла синагога, и я решил показать ее Яакову. Но стоило нам только ступить на Бликер-стрит, как Яаков вдруг задергался, словно его ударило током. Он согнулся пополам и буквально упал на колени. Я обхватил его за плечи, не давая рухнуть навзничь.

- Мне… нехорошо, - простонал Яаков. Он пробормотал еще несколько слов, которые я не разобрал.

- Ты хочешь отдохнуть? – спросил я.

- Нет, - ответил он. – Нет… пошли назад.

Я помог ему встать и мы заковыляли назад к дому рабби. Где-то на середине квартала Яаков начал приходить в себя. Он весь вспотел, был бледен, хватался за живот и явно чувствовал себя не слишком хорошо, но все же мог идти сам.

- Прошу прощения, - сказал он мне. – Не надо было переутомляться. Я еще не совсем поправился после ранения.

- Это я виноват, - ответил я. – Мне не следовало брать тебя на такую длинную прогулку. Я должен был…

- Все в порядке, - отмахнулся он. – Со мной все будет хорошо. Может, зайдем к тебе, чтобы я мог передохнуть?

И мы вернулись в мою комнату в доме рабби Брауна.

Яаков задержался у меня на несколько часов, и все это время мы разговаривали. Его, похоже, сильно заинтересовали наше сообщество и моя учеба. Я рассказал ему, что рабби Браун отыскал меня после смерти моих родителей и что, если будет на то воля Б-жья, я сам когда-нибудь стану раввином. Я вспомнил, как сам ребе[10] однажды похвалил меня за усердие, хотя и знал, что хвастаться этим значит проявлять гордыню. Яаков расспрашивал меня о нашем "дворе", о том, когда он был образован, и я рассказал о шестом ребе, который вместе с семьей бежал из Варшавы в 1940, взяв с собой только то, что было на нем надето, да еще самое ценное свое имущество – рукописи и свитки, сохранившиеся до наших дней.

После этого я несколько недель не видел своего двоюродного брата. Я готовился к экзамену по Толедоту[11] и провел немало вечерних часов за учебой. К тому же тогда все наше сообщество охватило беспокойство из-за здоровья ребе. Его уже почти месяц не видели на людях. Рабби Браун объяснил, что ребе простыл, что простуда несерьезная, но все же ему нужен покой. Лучше будет, сказал рабби Браун, если ребе полностью выздоровеет, прежде чем снова погрузиться в дела.

[10] В хасидизме - титул духовного главы хасидского течения, «двора» или «династии».
[11] Буквально значит "родословие".

Поначалу, немного поколебавшись, мы согласились с ним. Но теперь, когда болезнь длилась уже несколько недель, начало нарастать волнение. Не то чтобы рабби Браун не был уважаемым и любимым старейшиной нашего сообщества. Но не видеть ребе, не слышать его голос, не иметь возможности прикоснуться к его пиджаку – это для нас было тяжким испытанием.

Потом я как-то после полудня отправился за покупками для миссис Браун. Подходя к рынку Кляйна, я вдруг ощутил желание повидаться с Яаковом. Мне стало интересно, как у него дела, а еще почувствовал себя виноватым из-за того, что не присматривал за ним. Я решил пройдись до его дома и ненадолго заглянуть к нему, а потом, на обратном пути, купить продукты. Мне это показалось правильным решением – на самом деле я чувствовал, что выбора у меня нет, я просто должен был прямо сейчас пойти к нему. Так что вскоре я уже стоял у его квартиры. Когда лифт остановился на нужном этаже, я с удивлением увидел, что на площадке стоят двое полицейских. Один из них был женщиной; я опустил глаза и посторонился, давая им пройти.

Яаков совсем не удивился, увидев меня. Возможно, ты не поверишь, Рахиль, но я помню каждое слово из наших разговоров. Я ведь с самого раннего возраста упражнял память. В 11 лет я мог наизусть перечислить все 613 *мицвот*, как на английском, так и на иврите.

- Яаков, - спросил я его, - как ты? С тобой все в порядке?

- Ты не читаешь газеты, да, Рубен? – он сидел напротив меня, посередине софы, раскинув руки поверх спинки.

- Только "Альгемайне Джорнал", - ответил я.

- Похоже, Чарльз пропал.

Я не совсем понял, о чем он говорит, и он увидел это по моему лицу. Он пояснил:

- Мой сосед по комнате. Его уже три недели никто не видел. Его родители с ума сходят. Он просто ушел и не вернулся.

- Он… в смысле,.. – я не знал, что сказать. – Думаешь, с ним все в порядке?

- Уверен, что нет, - сухо ответил Яаков. Затем, уже с большим чувством в голосе, добавил: - Я хочу сказать, люди не исчезают просто так, чтобы затем объявиться как ни в чем не бывало.

Я подумал о полицейских у лифта.

- Полицейские поэтому приходили?

- В общем-то, да. Они тебе что-нибудь сказали?

- Нет. Ни единого слова, - я молился про себя.

- Это хорошо, - сказал Яаков. – Наверное, они не поняли, что ты пришел ко мне.

- Не понимаю.

- Я тебе не говорил, что Чарльз – этот мой сосед – что Чарльз был арабом? Прошу прощения, я хотел сказать, что он араб.

- Нет, не говорил. Яаков, ты сам на себя не похож. Ты,.. – я хотел спросить, не страдает ли он опять от того психического расстройства, которое возникло после ранения, но не смог придумать, как лучше задать вопрос.

- Араб, - продолжил он. – Американец арабского происхождения, конечно же. Его семья уже пять поколений живет в США. Они даже не мусульмане – агностики, так он говорил. В школе мы над этим смеялись. Нас такие вещи не интересовали. Мы образованные люди. Само собой, полиция так не думает.

- Полиция? – мысли словно вязли в густой подливе. Казалось, что его слова замедляют мыслительный процесс.

- Да. Они видят, что араб и еврей живут в одной квартире, потом араб исчезает, и кого, по-твоему, они начинают подозревать? В убийстве?

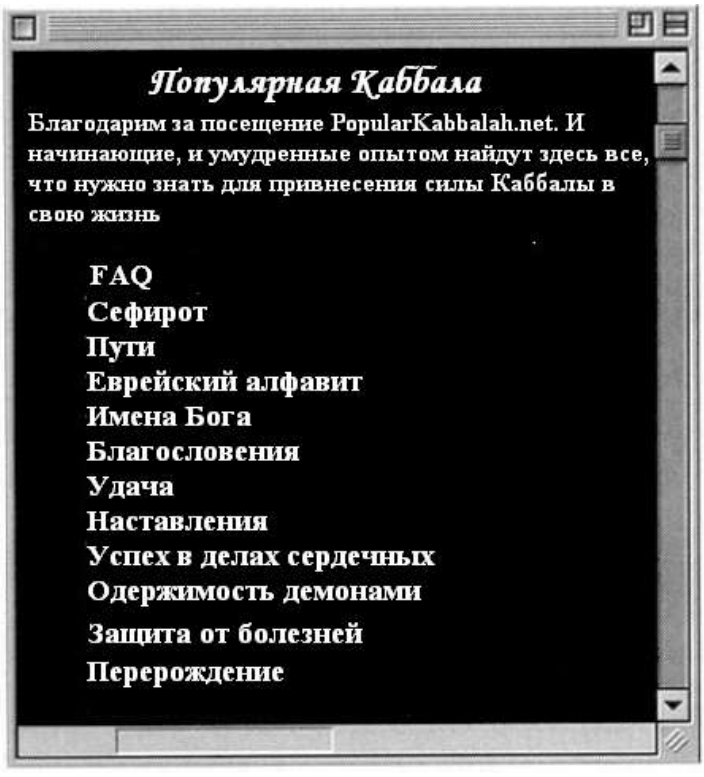
- В убийстве? – я хотел вскочить, но не смог сдвинуться с места. – Убийстве? Они думают… они думаю, его убили? И они считают, что это сделал ты?

- Ну, не так многословно. Они ничего такого не говорили. Но думают именно так. Я знаю.

- Яаков, мы должны молиться. Идем со мной, пообедаем у рабби Брауна. Он придумает, что…

- Я не молюсь! - закричал он, лицо его внезапно исказилось, став похожим на морду зверя. В следующее мгновение он снова был спокоен, почти безмятежен, глаза полуприкрыты, тело расслаблено. – Прошу прощения, - сказал он. – Прошу прощения, я не хотел тебя обидеть. Ты ведешь жизнь праведника, а твой родственник бросает тебе в лицо богохульства. Что ты должен обо мне думать…

- Все… все в порядке, - ответил я. – Я знаю, что ты многое пережил. Ты так до конца и не поправился. Но мы должны помнить, что всюду есть искры Б-его света, даже во тьме.



- Рубен, - сказал он. – Мне нужно кое-что тебе показать.

И мы направились в подвал.

Откровения

Дорогая Рахиль,

Тебе тяжело будет разобраться в событиях, о которых я собираюсь рассказать. Так и должно быть. Я, который пережил все это, пожертвовал бы чем угодно, чтобы заменить воспоминания сладким оцепенением незнания. То, что я видел в тот день, не предназначалось для человеческих глаз. Увидев это, я осознал, что, если хотя бы одна такая тварь может ходить по Земле, мы очень, очень далеки от дня Искупления. Верно, наши

молитвы не в силах сделать мир чище и подготовить его к приходу Мессии.

Яаков отвел меня в подвал, не объяснив, в чем дело. Помещение показалось мне еще более зловещим, чем я запомнил его. Единственным источником света была тусклая оранжево-желтая лампочка, свешивавшаяся с потолка, как труп в петле. В ее свете стены казались покрытыми ржавчиной и кровью. Яаков провел меня через лабиринт ящиков и коробок к его сундуку, тому самому, который мы снесли сюда несколько недель назад.

- Открой его, - сказал он.

Я ничего не понимал. Мне все это казалось полной бессмыслицей. Зачем мы пришли сюда? Здесь было так жарко, а на мне был черный костюм.

- Давай же, - он был похож на разговаривающего со слабоумным отпрыском родителя, готового вот-вот потерять терпение. Я открыл было рот, чтобы задать вопрос, но потом просто подчинился. Вроде бы раньше сундук был закрыт на висячий замок, но теперь замка не было. Я откинул защелку и поднял крышку.

Я не мог понять, что за темная масса заполняет сундук. Внезапно на нее упал круг света – это Яаков зажег фонарик. Толстое серое одеяло прикрывало содержимое сундука, под ним виднелись какие-то выступы, но я так и не смог определить, что же там было.

- Я не знаю, что это, Яаков. К чему все это?

- Под одеялом.

Я потянулся к одеялу; почему-то я не хотел прикасаться к нему дольше, чем необходимо, поэтому ухватился за край и осторожно потянул. Под ним было еще одно покрывало, возможно, нижняя часть первого. Я снова нащупал край и потянул за него. Еще одно покрывало. Я пытался найти угол, и тогда мои пальцы наткнулись на нечто, что заставило меня отшатнуться назад, словно меня укусили. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что же я нащупал. Паутина? Мех?

Нет. Волосы.

Яаков подошел поближе, направляя в сундук луч света. Теперь я видел место, где сходились края двух покрывал. Между ними торчал клок густых волос длиной в несколько дюймов, по цвету похожих на коричневую шкурку мыши. Волосы лежали поверх одеяла, курчавясь, как виноградный усик. Я нащупал человеческие волосы. Я смотрел на них, и выступы и впадины под одеялом сложились в некую форму, которую мой мозг мгновенно опознал – и не пожелал принять.

- *Эйн од милвадо*[12],.. – забормотал я.

- А вот этого не надо, - сказал Яаков, легонько стукнув меня по затылку. Я отпрянул от сундука. Ноги у меня подкашивались, я едва мог стоять.

- Почему..? – простонал я. – Ох, Яаков, почему…

- Потому что мне нужна твоя помощь, - ответил он.

- Яаков, ты болен. Тебе нужна… тебе нужна помощь. Мы свяжемся с властями, они помогут тебе…

- Ты ни с кем не будешь связываться. Ты теперь тоже влип в это дело.

- Тоже? О чем ты?

- Ты – соучастник. Отпечатки пальцев, Рубен. Ими теперь весь сундук покрыт. А помнишь ножи, которые ты помогал мне спрятать? На них тоже есть твои отпечатки. Ты помог мне убить его, Рубен. Так я им и скажу, если ты не будешь слушаться меня.

- Но… ты… это неправда!

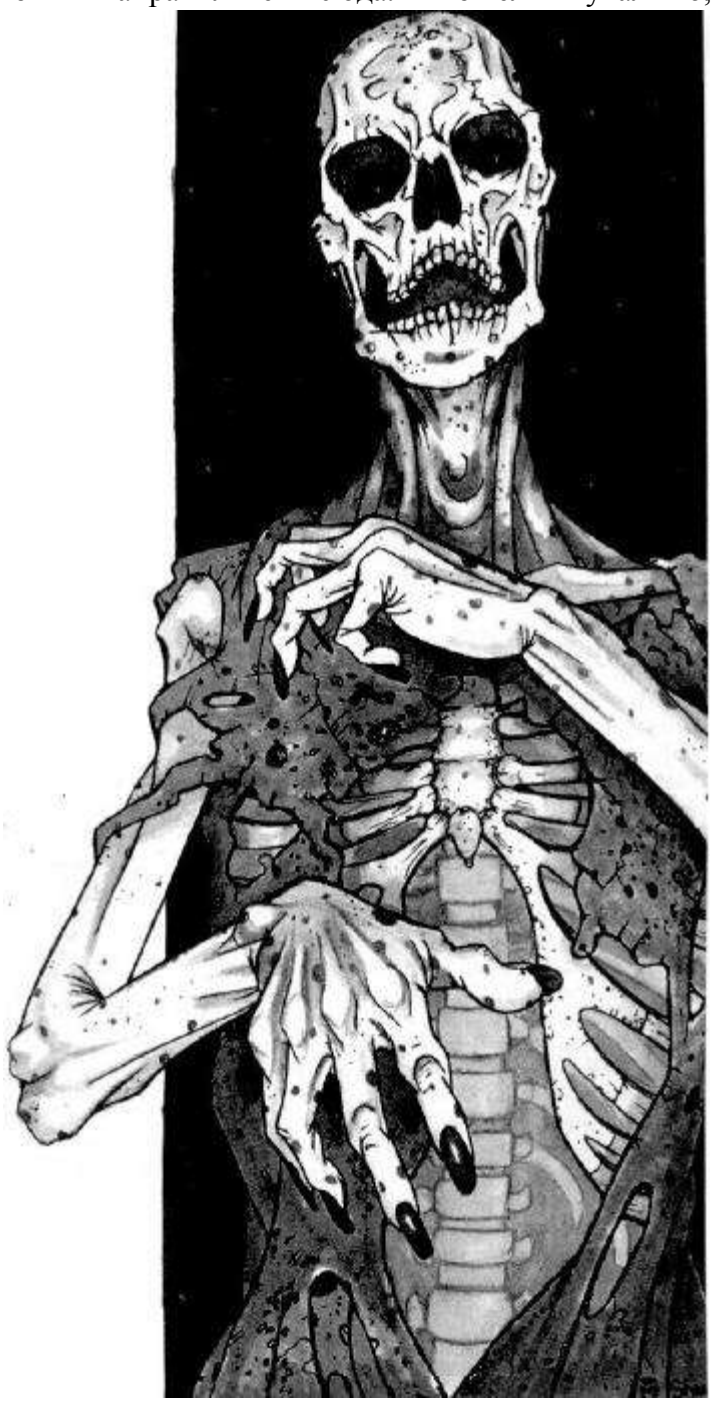
- Какая ерунда. Это будет правдой, если я так захочу. Думаешь, полиция станет тебя слушать? Посмотри, как ты одет, как живешь. Тебя же воспринимают как члена опасной секты. Никто не

[12] Нет никого, кроме Бога.

поверит, что ты не помогал мне убить этого араба. Так что прекращай ныть, и я скажу тебе, что делать.

Решения

Покидая подвал, я едва мог дышать, а сердце у меня стучало, как кузнечный молот. Я был в одном доме с трупом. Я прикасался к мертвецу и осквернил себя. Мой двоюродный брат был сумасшедшим. И убийцей. Голова не работала. Я, который в восемь лет страницами цитировал "Похвалы Бешту[13]", не мог заставить себя думать. Я словно забыл, что на Небесах есть Б-г. Не понимая, где я, куда иду, я брел по улицам, пока наконец не обнаружил себя стоящим напротив миквы. Это несколько успокоило меня. Верно, это Б-г направил меня сюда. Я вошел в купальню, заставив себя забыть обо всем, кроме деталей ритуала. Молитвы, омовение и погружения вытеснили из головы все мысли. Когда я закончил, я уже знал, что делать дальше.



Конечно же, те, кто знал меня, никогда бы не поверили, что я убийца. Но если меня арестуют, привлекут к суду… для нас это будет страшным потрясением. Наше сообщество было небольшим, одним из самых маленьких среди хасидских дворов. Я работал на Манхэттене, в "бриллиантовом" и "швейном" районах. Я выезжал за пределы страны, однажды даже побывал в Святой Земле. Я очень хорошо знал, как внешний мир, даже другие евреи, относятся к хасидам. Если Яаков выполнит свою угрозу, наше сообщество привлечет к себе ненужное и постыдное внимание. Вредное, как яд в колодце.

Ребе, конечно же, мог дать мне совет. У него обязательно должны быть ответы на мои вопросы. Но он в последнее время был слишком болен, чтобы встречаться с кем-либо. Шептались даже, что скоро он покинет нас. Да даже если бы он был здоров, едва ли он сразу же смог бы прервать свои изыскания и отложить в сторону дела. Так что выбора у меня не было. Мне придется помогать Яакову. Я принесу книгу, о которой он говорил, и это успокоит его, удержит от дальнейших злодеяний. Потом у меня будет время поговорить с рабби Брауном, а может быть, и с ребе. Они должны знать, что делать. А через день-другой за Яакова возьмутся власти, и все будет улажено.

Видишь, гордыня – вот что привело меня к падению. Вместо того, чтобы довериться воле Б-га, я вцепился в якобы логичное решение и с

[13] Исраэль Бааль Шем Тов (*ивр.* "Добрый баал шем" или "Добрый человек, знающий тайное имя Б-га", настоящее имя — Исраэль бен Элиэзер; 27 августа 1698, Окоп, Подолье, Речь Посполитая – 22 мая 1760, Меджибок, Речь Посполитая) – основатель хасидского движения в иудаизме, раввин. «Похвалы Бешту» - сборник преданий о нем, первое и наиболее авторитетное собрание полулегендарных историй о жизни создателя хасидизма.

его помощью попытался вырваться из лап ужаса, который охватил меня в подвале.

Я предупредил рабби Брауна, что работаю над комментарием к четвертой заповеди и что мне нужно найти кое-какую информацию в книгохранилище храма. Я соврал ему прямо в лицо, в его собственном доме. Рабби Браун принял мою выдумку за чистую монету и отпустил меня сразу после ужина. Идя к храму, я чувствовал себя так, словно на шее у меня висел мельничный жернов. Во рту у меня пересохло, ладони вспотели.

Едва ли рабби Браун знал, что мне известно, где хранится ключ от задней комнаты. Но я не раз видел, как он сам снимает ключ с крючка за шкафом с картотекой. Мое присутствие в библиотеке ни у кого не должно было вызвать вопросов. Никто бы даже не узнал, что я заходил в заднюю комнату, где хранились писания величайших наших учителей. Украсть их будет совсем просто.

Как и сказал мне Яаков.

Так что я стоял под храмом. Ждал. Пытался заставить себя войти внутрь и совершить грех. Поцелую ли я книгу, прежде чем взять ее, или уже потом? Б-г следит за мной. И…

Ребе. Я бросил взгляд на его окно на верхнем этаже выстроенного из песчаника особняка, расположенного напротив храма. Когда он только заболел, люди каждый вечер собирались под его окнами, надеясь хоть мельком увидеть его. Но он не показывался, и рабби Браун сказал, что нам лучше проводить время в молитвах, чем в бесцельном бдении. Так что на углу не было никого, кроме меня.

Сегодня ребе был там. Я видел в окне его силуэт. Быть может, он наблюдал за мной?

Смотрел, как я предаю его?

Когда я вернулся, дверь в квартиру Яакова была открыта.

- Я здесь, - его голос был немногим громче шепота. – Заходи.

Я прошел через небольшую прихожую в его комнату. Там горела одинокая лампа.

- Прошу прощения за беспорядок, - сказал Яаков. В комнате царила разруха. Софа была перевернута, кофейный столик разломан. Повсюду валялись книги и газеты. Под книжным шкафом валялась разбитая бутылка. Холодный воздух врывался сквозь разбитое окно, усыпанный обломками пол покрывала тень. Яаков сидел на единственном уцелевшем стуле и, сцепив пальцы, разглядывал меня. Правый рукав его рубахи был оторван, голую руку покрывали синяки и кровоподтеки. Остальная одежда, хоть и помятая, оставалась целой. Он улыбался.

- У меня были гости, - сказал он. – А теперь отдай мне книгу, и мы вернемся к делам нашим скорбным.

- Я…

- Что? – по его голосу было понятно, что он догадывается, о чем я собрался говорить.

- Я не принес книгу, Яаков. Я не смог. Просто не смог.

- Вижу, - он перевел взгляд на потолок. – Ты не смог. Потому что...?

- Яаков, - почти прокричал я. – Яаков, тебе нужна помощь. Тебе плохо. Позволь мне помочь. Яаков, повторяй за мной *тефилла зака*…

- Ни единого слова! – выкрикнул он, вскакивая на ноги. Затем его голос снова стал спокойным. – Рубен, брат, там, откуда я пришел, неудачи недопустимы. Одна ошибка – и ты становишься парией. Но этим вечером тебе повезло. У меня есть для тебя еще одна работенка.

Он направился ко мне, и я вдруг ощутил испуг. Я внезапно понял, что был подобен мухе, добровольно летящей в паучью сеть. Я отступил назад и оказался прижатым к стене. Куда делать дверь? Я боялся оглянуться и посмотреть, боялся того, что он сделает, если я отведу от него взгляд.

- *Барух ата*,.. – начал я.

- Я тебе что сказал? – голос больше не был голосом моего брата. И сам он не был Яаковом. Там, где раньше стоял Яаков, теперь возвышалось нечто. Темная фигура, напоминающая человеческую.

Руки как у скелета. Глаза как два черных тоннеля. И запах… вонь гниющего мяса. Разложения и болезни.

- Смотри, Рубен, сын Менделя и Анны, - произнес он. – Смотри, что я нашел среди трупов, там, где дети Исаака и Исмаила каждый день убивают друг друга. Смотри, что нашло меня. Теперь ты понял, Рубен? В твоих книгах рассказывается о таких, как я? – голос его был подобен падающей в могилу грязи.

- Диббук[14], - прошептал я. Я хотел отвернуться. Воззвать к Б-гу, но губы меня не слушались. Я сполз вниз по стене, скорчился на полу, чувствуя, как по лицу текут слезы. Так я чувствовал себя в тот день, когда умерла мама – в ее такси врезался грузовик. И тогда, когда стоял у могилы отца, умом осознавая Б-жье провидение, но в сердце отчаянно проклиная Его имя. На какую-то долю мгновения Земля предстала предо мной в образе огромного кладбища, где под тонкой, жалкой живой оболочкой таятся глубины, заполненные костями, трупами и гниющей плотью.

Когда я открыл глаза, в комнате было чисто, мебель стояла по своим местам, разбитое стекло снова было целым. Чьих это рук дело? Моих? Яаков сидел на софе, спокойно прихлебывая кофе из чашки. Рука у него была здоровой. Я стоял, положив руку на дверную ручку.

- Ну что ж, - сказал Яаков, - я думаю, теперь мы друг друга поняли. Ступай домой, Рубен, помолись и ложись спать. Завтра ты займешься тем, о чем мы тут говорили. Не надо приносить ее сюда. Я сам приду к тебе и заберу ее. Увидимся через 24 часа.

В ГОРОД ПРИБЫЛ МУДРЕЦ!

С огромной радостью сообщаем о прибытии его ученого преподобия Йозефа Элицера Херца, учителя и цадика. Советы по всем духовным вопросам. Помощь во всех духовных битвах. Кэнел-стрит, 15.

Порванные узы

Почему я не покончил с собой, когда была такая возможность? Не перестаю себя об этом спрашивать. Я бы положил конец своим мучениям. Мне надо было всего лишь нажать на курок – и я был бы свободен.

А я тянул время. Выжидал удобный момент, чтобы покончить со всем этим. Когда я решил, что такой момент настал, была суббота. Я сидел в своей однокомнатной квартире и держал в руке пистолет, который купил в закладной лавке дальше по улице. Чуть раньше в тот же день мой босс в кофейне вынес мне еще одно предупреждение. Или я берусь за ум, или меня вышвыривают нахрен.

Я взвел курок, щелчок нарушил пахнущую плесенью тишину. Всего один выстрел, сказал я себе, и все будет кончено. Тогда я увижу Господа и узнаю свой окончательный приговор. Я никогда не верил Джил, когда она рассуждала об исчезновении Бога. Я знал, что Он смотрит на меня и что я подвел Его.

И все же я колебался. Я мерил шагами захламленную квартиру, выискивая место, где можно выпустить себе мозги. Может, у стенки, которая выходит на улицу, чтобы не подвергать опасности соседей? Или в ванне, в надежде, что она остановит пулю? Написать записку? Поверит ли хоть кто-нибудь в то, что я напишу?

Почему я так и не смог решиться? Как мог я по-прежнему хотеть жить, после всего, что натворил? Я помог демону, вырвавшемуся из Ада. Я позволил ее злу разрушать невинные жизни.

В конце концов я растянулся на узкой кровати так, чтобы голова была обращена к выходящей на улицу стене. Поднеся пистолет к нижней губе, я забормотал молитву. Очень скоро я избавлю этот мир от жалкой твари – от себя самого.

Зазвонил телефон.

[14] Диббук (*ивр.* "прилепившийся") — злой дух в еврейском фольклоре, являющийся душой умершего злого человека.

Не надо было отвлекаться на него. Аппарат продолжал звонить. Три звонка. Пять. Восемь. Он не затыкался. Я мог бы спустить курок, но не сделал этого. Может быть, мне хотелось верить, что звонок этот был от Господа. А может быть, я был трусом, который не смог сделать последний шаг в небытие.

Так что я взял трубку, надеясь, что звонящий сможет мне помочь.

- Да, - тихо произнес я.

- Это Пол О'Коннор? – голос принадлежал молодому парню, лет 20, а может, и младше.

- Да. Я сейчас немного занят.

- Я знаю. Вам повезет, если эта дешевая пушка вообще сработает, - сказал парень. Я подпрыгнул на кровати.

- Вам надо было задернуть шторы, - продолжил он.

- Кто вы? – требовательно спросил я. "Господи", - мелькнуло у меня в голове. – "Неужели еще один демон?"

- Вы не узнаете меня?

Я на секунду задумался:

- Нет. А должен?

- Я вас хорошо помню. Наш общий... – он сделал паузу, - друг много о вас рассказывал. Помните тот вечер в балете?

Я начал что-то вспоминать. В трубке продолжили:

- Вы сидели рядом с Джил. Помните, как раз перед тем, как началось представление, она оглянулась на балкон и кивнула кому-то на дешевых местах? Это мне она кивнула.

- Я все еще не…

- Да, наверное. Но я вас помню. Я видел, какие у вас тогда были глаза. Вы хотели держать ее в своих объятьях, но не могли, потому что находились в приличной компании. Вы хотели ощутить…

- Кто вы? – проорал я.

- Пол, мы с вами родня. В какой-то мере, - он продолжил говорить. – Тем вечером я ревновал к вам. Вы были рядом с ней. Я знаю, вы были ее любимцем. А я был тем, кто делал для нее грязную работу.

- Если вы не скажете, кто…

- Мне известна ваша боль, Пол.

Меня охватила дрожь. Откуда он знает?

- Поверьте мне, что бы она ни заставляла вас делать, я делал вещи в десять раз хуже. Она зачаровала меня. Я бы убил свою семью ради того…

- Мне плевать, что она с вами сделала! Оставьте меня в покое! – завопил я. Я попытался бросить трубку, но почему-то не смог пошевелиться. Часть меня хотела выслушать его, услышать голос еще одного человека, прошедшего через то же, что и я сам.

- Пол, подождите! – взмолился он с отчаянием в голосе. – Я был таким же, как и вы. Хуже, чем вы. Но я нашел выход. Выслушайте меня. Я хочу дать вам шанс искупить то, что вы натворили.

Сердце у меня сжалось. Я шевелил губами, но не мог выдавить ни звука. Вот оно, то спасение, которого я так желал?

- Вы меня слушаете?

Я молчал, не в силах сбросить оцепенение.

- Пол?

- Да, - прошептал я.

Он продиктовал мне адрес круглосуточного магазина.

- Подходите туда этим вечером, между 10.30 и 11.00. Сможете?

- Да, - слабым голосом отозвался я.

- Пистолет приносить не надо. Приходите один. Если с вами кто-то будет, мы узнаем об этом.

- Мы? – спросил я.

- Скоро вы все поймете.

- Но…

Он повесил трубку.

Я в изнеможении опустился на пол. Еще несколько мгновений назад я собирался покончить с собой. Должно быть, я все же надеялся на чудо. Теперь чудо произошло. Настойчивые гудки в телефонной трубке вывели меня из оцепенения.

Может быть, это какая-то хитрость? Эта мысль пришла мне в голову, пока я вешал трубку. Что, если кто-то демонов пытается заполучить меня? Джил перед своей гибелью упомянула о других демонах. Не мог ли один из них меня выследить? Чтобы снова погрузить меня в кошмар?

Я раздумывал над всем этим почти час, рассматривая все возможности. Затем, ближе к назначенному времени, я решился. Если я не пойду, то снова буду чувствовать себя виноватым и рано или поздно опять попытаюсь покончить с собой. Звонивший парень предложил мне выход, поманив спасением. Я просто обязан был разузнать, что к чему.

Я должен был узнать, могу ли я спастись. Так что я решил пойти. Лучше бы я принял другое решение.

Назад пути нет

Через несколько минут я уже стоял под круглосуточным магазином. Стены здания были выкрашены в грязно-белый цвет, тротуар растрескался, как дно высохшего пруда. С одной стороны от меня виднелись вполне приличные дома. По другую сторону располагались куда более убогие строения и жилища. Магазин казался своеобразной границей между богатством и обездоленностью.

Я подошел к стеклянной двери. Вывеска на ней гласила "Вход с оружием разрешен". Интересно, так владелец чувствует себя в большей безопасности? Мысль мелькнула и пропала.

Когда я вошел, продавец посмотрел на меня и сухо поздоровался. Больше в магазине никого не было, и даже можно было догадаться, почему. Выбор был так себе, разве что вы любите чипсы и дешевое пиво.

Посмотрев на часы, я прошел по липкому полу к задней стенке. Если никто не появится, я прикуплю упаковку какого-нибудь пойла и пойду домой.

Стоило мне сделать несколько шагов, как я услышал звон дверного колокольчика. Я повернулся и увидел крупного мускулистого афроамериканца, облаченного в просторную майку с надписью "Даллас Старз". Он посмотрел на продавца и улыбнулся. С удивлением я заметил, что продавец расслабился и тепло поздоровался с парнем.

Я снова развернулся к полкам с пивом, и тут мое внимание привлек дешевый журнал на газетной стойке. Там была фотография пожара, случившегося где-то к западу от нас. Дым принял форму рогатой головы. Заголовок гласил: "Шокирующее доказательство: Сатана обращает Землю в ад!"

Я подошел поближе. Ад на Земле? Несколько месяцев назад я бы посмеялся над этой глупостью. Сейчас… я уже не знаю. Может быть, что-то в этом было. Я вдруг вспомнил о тех людях, которых из-за Джил вверг в беду. Наверное, у нее была какая-то цель. Может быть, она собиралась создать свой собственный, личный ад?

И все же я не мог забыть того, что она мне говорила. Она вынуждала меня творить жуткие вещи потому, что, по ее словам, это было *необходимо*. Людям нужно было показать правду, иначе победа досталась бы *настоящим* чудовищам. Я смотрел на журнал и не мог представить никого, кто был бы злее ее, разве что самого Сатану.

Внезапно я почувствовал, как кто-то остановился у меня за спиной.

- Продолжайте смотреть на журнал, - голос принадлежал тому афроамериканцу. – Не оглядывайтесь.

Я уставился на изображение Сатаны. Сзади послышался вздох:

- Интересное совпадение.

Я не ответил, не зная, что он собирается делать дальше.

- Наверное, вы не меня искали, - прошептал я.

- Вы Пол, так? – мягко спросил он.

Я колебался.

- Так? – повторил он настойчиво.

Наконец я кивнул.

- Хорошо, тогда слушайте, - сказал он. – Вы еще можете не ввязываться во все это и притвориться, что в жизни о нас не слышали. Может, вам удастся вернуться в прежнюю жизнь.

Я никогда не смог бы забыть того, что она со мной сотворила. Но часть меня все же хотела уйти. Я боялся. Боялся этого незнакомца, стоявшего у меня за спиной. Боялся, что он заведет меня в ловушку.

- Потому что если вы пойдете за мной, пути назад не будет. Понимаете?

Я коротко кивнул.

- Рядом с вами никто не будет чувствовать себя в безопасности. Вообще никто. Ваша родня и друзья станут мишенями. Вы встретитесь с чудовищами. Они могут убить вас на месте, что бы вы ни делали. Они будут выглядеть как люди. Чтобы избавиться от них, вам, возможно, придется уничтожить их оболочку. Выглядеть все будет так, будто вы кого-то убили. Вам придется соблюдать осторожность, - он огляделся. – Черт, если вы будете умней, чем я, вы расстанетесь во всеми, кого любите. Вы понимаете?

- Да, - прошептал я.

- Подумайте об этом, - он сделал шаг назад. – Мы считаем, что вы можете нам помочь. Но выбирать вам, и выбор этот должен быть добровольным.

Я ничего не ответил. Да и что тут скажешь? Я не хотел верить, что он говорил об охоте на демонов. Разве мы можем победить? Я своими глазами видел, на что они способны.

- Я ухожу, - сказал парень. – Через квартал отсюда есть старый театр. Если захотите присоединиться к нам, подождите пять минут, потом приходите туда. Если нет, вы больше о нас не услышите.

Я слышал, как удаляются его тяжелые шаги. Он сердечно попрощался с продавцом, затем вышел из магазина.

Я опустил взгляд на фотографию дымного демона. Разве можно сражаться с такими тварями? Джил прикасалась к силам мироздания. Я знал, что она могла заглянуть в человеческую душу. Она видела слабые места. Бог свидетель, мои слабости она видела.

А теперь эти незнакомцы хотят, чтобы я сражался с демонами? Это самоубийство.

Я едва не рассмеялся. Несколько часов назад я готов был покончить с собой, а теперь я боялся встретиться с демоном, который может меня убить.

Всмотревшись в глаза дымного демона, я внезапно ощутил что-то вроде откровения. Может быть, Господь наконец обратил на меня свой взор и показал мне путь. Возможно, отдать себя на растерзание демонам Ада – это единственный способ доказать, что я достоин божьего прощения.

Я отвел взгляд от журнала. У них может быть какой-нибудь план. Если этот план сработает, я смогу остановить то зло, которое слуги дьявола причиняют людям. Может, у меня получится защитить хотя бы одного человека от той вины, которая сейчас терзает меня.

Впервые за много месяцев у меня появилась надежда. Да, когда-то я принял неверное решение. Но сейчас все будет по-другому. Должно быть. Тогда я верил, что дорога к театру была дорогой к спасению.

Если бы я только знал, во что ввязываюсь, я бы вернулся к себе на квартиру и покончил со всем этим. Если бы я только знал, насколько тщетными окажутся все мои усилия.

Правда или вызов

Я купил журнал, чтобы он напоминал мне об откровении. Продавец поинтересовался, кем я прихожусь Лу – другом? Я соврал и сказал, что да. Он немного оттаял и разрешил мне держать машину у него на парковке столько, сколько мне надо.

- Он мне тут порядок поддерживает, - пояснил продавец.

Я вышел из магазина и, забросив журнал в машину, вернулся на тротуар. На той стороне улицы, где-то в квартале от меня, я увидел здание старого театра. На вертикальной вывеске было написано "Звездный свет", и даже на таком расстоянии я заметил разбитое стекло. Чуть ниже, на навесе, виднелась надпись "В достойные руки".

Я пересек улицу и пошел к театру. Подойдя ближе, я заметил, что забранные досками окна были сплошь расписаны символами банд, как и многие другие дома на этой улице.

Когда я подошел к кассе, дверь со скрипом приоткрылась:

- Давай быстрей, - послышался голос Лу. – Заходи, пока никто не видит.

Я быстро проскользнул в дверь. Там было темно, я ничего не видел, но остановиться не мог. Смерть или спасение – меня равно устраивали оба варианта.

Закрыв дверь, Лу включил фонарик. Все фойе, за исключением отбрасываемого фонариком пятна света, было погружено во мрак. У меня возникло чувство, что я стою на краю пропасти.

Лу вручил мне матерчатый мешок.

- Надень его, - приказал он.

У меня глаза на лоб полезли.

- Зачем? – спросил я.

- Это будет твоим последним испытанием, - ответил Лу. – Нам без предосторожностей никак.

Он жестами показал, чтобы я надел мешок. Я заколебался.

- Если ты такой, как мы думаем, ты пройдешь проверку. Все, что тебе надо, это ответить на несколько вопросов.

- А если не пройду? – поинтересовался я.

- Скажем так: у тебя будет больше шансов попасть на небо, если мы убьем тебя, чем если бы ты покончил с собой, - Лу двинулся ко мне, намереваясь натянуть на меня мешок.

Неохотно я надел просторный мешок на голову. Терять мне было нечего.

- Теперь заложи руки за спину, - сказал Лу.

Я подчинился, и он туго связал мне запястья веревкой. Затем Лу повел меня вглубь театра. Через несколько минут, которые показались мне бесконечными, он заставил меня подняться по короткой лестнице, а затем мы прошли еще несколько футов по скрипучему деревянному полу. Тут он

отпустил меня, и через пару секунд я увидел свет. Наверное, он был довольно ярким, учитывая плотность ткани.

- Этот мужчина желает стать нашим братом, - выкрикнул Лу.

Ко мне пробилось еще несколько лучей света. Я услышал шаги. Кто-то обошел вокруг меня пару раз, прежде чем остановиться.

- Ты – Пол О'Коннор? – этот голос я слышал по телефону. – Студент Оклахомского университета?

- Да. А вы кто?

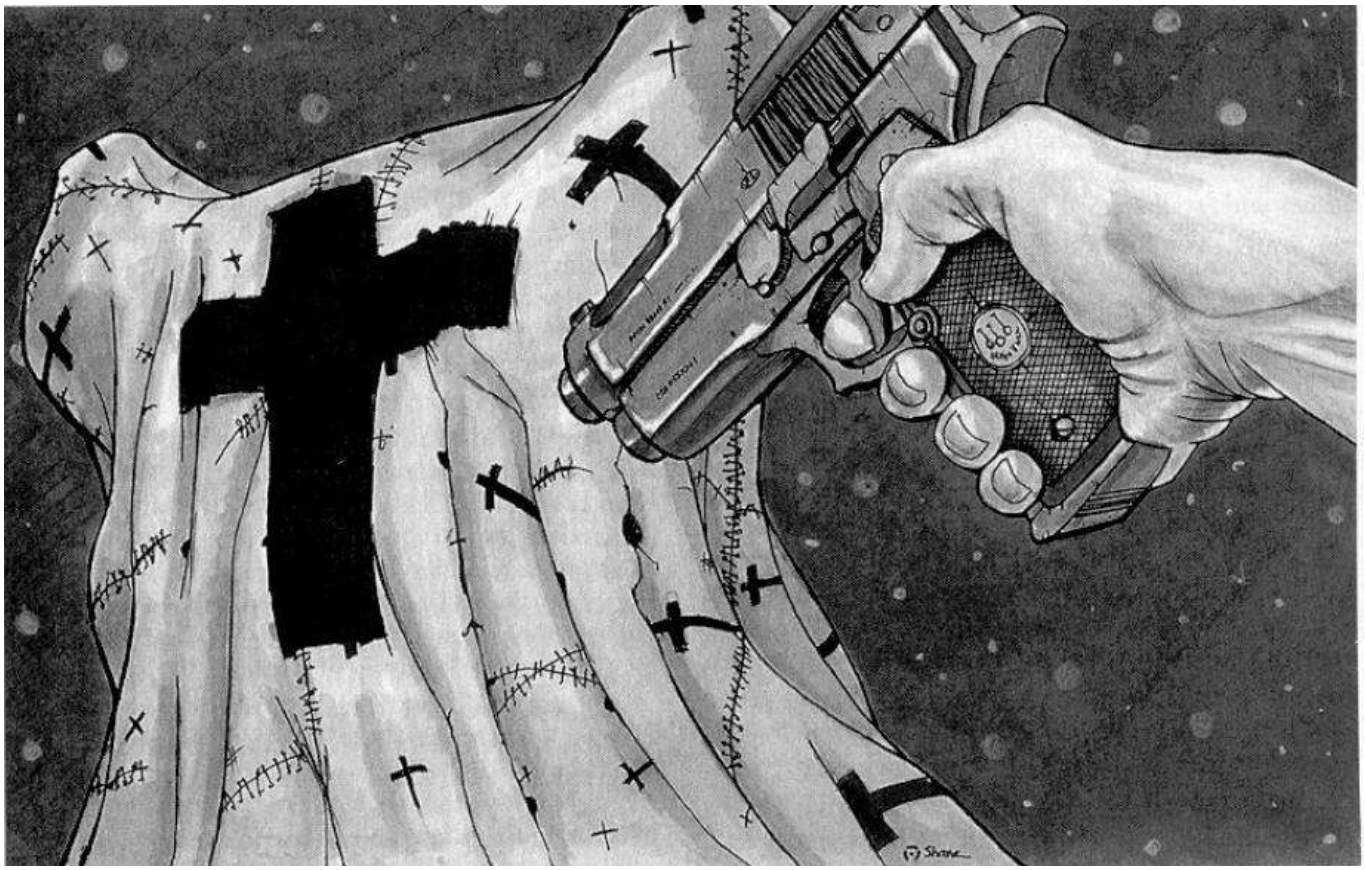
Он фыркнул:

- Пока можешь звать меня мистером Блэком, - он отступил назад. – Мы оба знали Джил, уверен, ты об этом не забыл. А теперь скажи, ты веришь в Бога?

- Да.

- Ты считаешь себя хорошим христианином?

Я ответил не сразу:



- Больше нет.

- Конечно же, нет, - хмыкнул мистер Блэк. – Когда ты принял дар Джил, ты отвернулся от Господа и дел Его. Раньше ты мог считать себя хорошим христианином?

- Да.

- Тогда скажи мне, как так получилось, что тебя соблазнил демон.

Ее лицо стояло у меня перед глазами.

- Она пришла в кафе, где я работал. Джил всегда приходила, когда была моя смена. Ей надо было, чтобы именно я ее обслуживал.

- И как это ей удавалось, - ответил мистер Блэк с ноткой отвращения в голосе.

Я продолжил:

- Она была такая красивая. Казалось, я ей по-настоящему нравлюсь. Она… у нее был такой взгляд, понимаете? Как будто ты – единственный человек в зале. И только ты имеешь значение. Потом она сказала мне, что у нее есть муж. До сих пор не знаю, зачем. Может, для нее это было частью игры. После этого я старался держаться от нее подальше, но, похоже, у меня просто не было сил сопротивляться ей.

- И что произошло?

- Как-то она сказала, что может дать мне все, что я пожелаю. Она даже сказала, что может это доказать. Я спросил, как. Джил ответила, что может кое-что показать мне. Просто так. Даром.

- Первая порция всегда даром.

- Тихо! – приказал женский голос. – Пусть он договорит.

- Она сделала меня гением. Всю неделю задания казались не сложнее, чем в начальной школе. Одногруппники с их вопросами выглядели как идиоты. Лекции были скучными, потому что я на лету схватывал концепции, непонятные профессорам.

- А потом?

- Неделя закончилась, и я опять стал нормальным. Для меня это было настоящим ударом. Я так много знал, а потом вдруг эти знания исчезли. Я хотел вернуть их. На следующий день я встретился с Джил. Она сказала, что может дать мне все, что угодно. Эта неделя была всего лишь первым шагом. Я спросил, почему она помогает мне. Мне хотелось верить, что она ангел, который спустился на землю ради таких людей, как я.

Мистер Блэк горько рассмеялся:

- Ты слишком много смотрел телевизор, Пол.

Я продолжил:

- Поначалу она отмалчивалась. Сказала, что я не пойму. Но потом в разговоре обронила несколько намеков. Постепенно я заподозрил, что она – не ангел, а кое-кто еще. Я не хотел в это верить, но никакого другого объяснения тому, что она сделала, придумать не мог. Я испугался, да, но она сказала, что может дать мне все, что я захочу. Я знал, что она может обратить мои мечты в реальность.

- И какими же были твои самые потаенные мечты, Пол?

По моим щекам катились горячие слезы:

- Я хотел ее. Только ее.

Мистер Блэк снова хмыкнул:

- Ну разве можно было быть таким дураком? Ты же сказал, что догадывался о том, кто она на самом деле. Ты что, собирался бежать с ней в Вегас, чтобы пожениться? С *демоном*?

- Я хотел ее, вот и все! Я знал, что делаю ошибку, но я поддался ей. Я был слаб. Я был одинок, - слезы катились все быстрее. – Я сказал "да".

- И что произошло после этого?

- А вы как думаете? Она прокляла меня. Она наделила меня умением извлекать самые худшие из человеческих эмоций. За ее любовь я расплачивался тем, что ходил на встречи с людьми и вытягивал из них секреты. Иногда она заставляла меня узнавать слабые места тех, кем потом собиралась манипулировать. В другое время я просто натравливал этих бедолаг на окружающих. На банкетах там, или во время выступления.

- Уверен, ты пытался сопротивляться ей, - холодно сказал мистер Блэк. – Джил силой принуждала тебя, да, Пол?

Я покачал головой.

- Говори, Пол! Ты пытался освободиться?

- Нет. Не пытался, - я плакал. – Но когда она умерла…

- Ты был слаб! – сказал мистер Блэк. – Ты был слаб, и ты проиграл!

Я не ответил. Что я мог сказать? Он был прав.

- Ты и миллионы других слабаков. Вы отвернулись от истинного Бога! Это такие люди, как ты, выпустили этих демонов из Ада и теперь питаете их собственными душами!

- Вы-то хорошо разбираетесь в таких вещах, да, мистер Блэк? – холодный женский голос прервал причитания Блэка, как ножом отрезал.

- Но я видел, что пути мои ошибочны. Я сумел нанести ответный удар, - ответил Блэк. Руками он стиснул мою голову. – Научился ли ты быть сильным? Ты здесь для того, чтобы умереть, или чтобы искупить свой грех? Потому что мы не можем даровать тебе спасение. Если мы убьем тебя, знаешь, что произойдет? Ты попадешь в ад, где и будешь гореть с остальными проклятыми. От даров демона нельзя освободиться. Ты понимаешь, Пол? Ты будешь страдать за те краткие мгновения удовольствия, которыми она одарила тебя.

- Я знаю, - всхлипнул я. – Я знаю, что поступал неправильно.

- Тогда чего ты хочешь? – рявкнул мистер Блэк.

- Я хочу…

- Я тебя не слышу!

- Дай ему ответить! – прохрипел Лу. Мистер Блэк отпустил меня.

- Я хочу искупить то, что натворил! – прорыдал я. – Я хочу искупить свою вину перед всеми, кому причинил вред.

- Достаточно ли ты силен?

- Я не знаю, но буду пытаться.

- Здесь нет места попыткам. Или у тебя есть сила, или нет. Если хочешь, мы можем убить тебя прямо здесь. Я не собираюсь рисковать своей жизнью из-за того, что ты *пытаешься* быть сильным.

- Хватит! – выкрикнул Лу. – Так ты не добьешься того, чего хочешь.

- Что… - мистер Блэк внезапно замолчал. Я слышал, как он отходит от меня, а его место занимает кто-то еще.

- Пожалуйста, прости моего друга, - сказал Лу. – Он просто хочет знать, на самом ли деле ты собираешься исправить то, что сделал. Все мы бываем слабы, - продолжил он. – Даже Джей.

Я слышал чьи-то удаляющиеся шаги.

- Вот, например, возьми меня. Я когда-то хотел быть самым крутым бандитом в городе. Тогда я был как слепой щенок, и когда Нейт, мой бывший… хозяин, предложил мне силу, я согласился. Поверь, тогда последствия меня не интересовали. Я просто хотел быть самым сильным бандюком в Оклахома-сити, - он помолчал пару секунд. – И знаешь что? Мне повезло. Нейт, вообще-то, пытался навести тут хоть какой-то порядок. Он убедил меня, что банды и "товар" – это еще не все. Нейт показал мне, что жизнь есть не только на улицах. Можешь назвать это новым Эдемом. Мы собирались построить этот новый Эдем, начиная с моего района. Но есть и другие демоны, Пол. Демоны, которые хотят превратить нас в рабов. Я помогал Нейту сражаться с ними, но в конце концов его убили. Я освободился, да, но я-то знал, - он наклонился ко мне поближе. – Я знал, что эти демоны хотят поработить всех, кого я любил. Я не мог этого так оставить, Пол. Ради тех, кого я любил. Ради того Эдема, который мне показал Нейт. Я должен был попытаться. Даже если я проиграю, попытка того стоит, понимаешь?

Я кивнул.

- А теперь как следует подумай над всем этим. Мы собираемся выслеживать и убивать демонов, которые носят человеческие личины. Если понадобится, мы будем убивать их рабов. Другие демоны будут пытаться уничтожить нас и наши семьи. Это не слишком-то приятная жизнь. Я тебе уже говорил, что назад пути нет. Вот и подумай об этом. Ты достаточно силен для того, чтобы сражаться? Чтобы искупить свою вину, пусть даже через страдания и смерть? Если нет, - продолжил

Лу, - я помогу тебе уйти. Я не совсем согласен с Джеем насчет Небес. Может, ты на некоторое время окажешься в чистилище, пока война не закончится. Может, ты попадешь в ад. А может, Господь и правда всепрощающий, и ты отправишься на Небеса. Как я и сказал, у тебя больше шансов попасть на небо, если я убью тебя, чем если бы ты покончил с собой.

Это был мой билет на тот свет. Шанс избавиться от боли. Мне всего лишь надо было сказать "нет". Но стоило мне подумать о Джил и моих грехах, как желание умереть стало слабеть. Может быть, ко мне вернулась сила духа. Или же я слишком боялся смерти. Нет, все же я хотел исправить содеянное. Господь увидел бы, что я, получив второй шанс, взялся за ум и готов нести ответственность за все то зло, что помог причинить. Но хватит ли мне сил?

- Да, сказал я.

- Что "да"?

- Да, я хочу помочь вам. Я хочу сражаться с… демонами, которые ходят по Земле. Я хочу очистить свою душу.

Лу с силой выдохнул. Несколько секунд он молчал.

- Слава тебе, Господи. Я не хотел, чтобы твоя кровь была на моих руках. Но у меня есть еще один вопрос. Джей со мной вряд ли согласится, и это его право, но мне кажется, что сейчас идет война. Война, которая охватывает всю Землю. Кое-кто из демонов, возможно, в самом деле хочет помочь нам. Нейта сильно интересовало все, что происходит с людьми. Может, он такой был один, но это вряд ли. Так что, Пол, ты должен кое-что мне пообещать. Пообещай всегда думать головой. Перед тем, как тянуться к оружию? Я хочу быть уверен, что мы сражаемся с тем, с кем надо, понимаешь?

- Но разве не все они слуги Дьявола? – спросил я.

- Вряд ли слуга Дьявола пытался бы создать для нас новый рай. Так что пообещай мне, что будешь пользоваться мозгами. Договорились?

Я с трудом мог представить "хорошего" демона и даже демона, который заботился бы о людях. Может, такое и бывает. Или же Нейт просто использовал Лу.

- Обещаю, - ответил я, мысленно надеясь, что не пожалею об этом.

Лу сжал мне плечо.

- Хорошо, - сказал он и отошел в сторону.

Послышались легкие шаги – ко мне приблизился кто-то еще.

- Слушай его, - сказал женщина. – Падший ангел, который благословил меня, искренне заботился о людях. Он тоже хотел создать новый рай, а не ад. Он всегда относился ко мне с уважением, и я всегда с благодарностью буду вспоминать проведенные с ним мгновения.

У меня кровь застыла в жилах. Я тоже любил демона и заплатил за это. Быть может, она до сих пор под чарами? Если так, то что же тогда говорить обо мне?

- Другие демоны ненавидят нас, обвиняют нас в своих мучениях. Я их видела, Пол. Они убили моего падшего ангела. Мои друзья могут не согласиться со мной насчет хороших ангелов и чудовищ, но разница между ними есть. Они способны как на великое добро, так и на великое зло.

Я понял, что киваю. Кем бы она ни была, убеждать она умела. Внезапная мысль заставила меня похолодеть. Что, если она, да и *все остальные*, до сих пор порабощены? Как мне узнать об этом, пока не стало слишком поздно?

- Теперь моя очередь спрашивать тебя, Пол. Я ради дела оставила семью, - она помолчала. – Не проходит дня, чтобы я не думала о дочери и муже. Думаешь, мне не хотелось увидеть, как она растет? Думаешь, я с легким сердцем оставила мужа?

Я потряс головой.

- Я поступила так ради их безопасности. Так что я хочу быть уверена, что ты не предашь нас, Пол. Не только тех, кто собрался здесь, но и наши семьи. Я должна быть уверена, что ты не попытаешься убить мою семью.

Моей головы коснулось дуло пистолета.

- Потому что если ты сделаешь хоть что-нибудь, что будет угрожать моей семье, пусть даже случайно, я убью тебя!

Она с силой вдавила ствол пистолета мне в голову.

- Убеди меня, что ты нас не предашь.

Я не сразу смог ей ответить:

- Как я могу убедить тебя? Ты решишь…

- Просто ответь на вопрос. Ты поймем, врешь ты или нет.

Я закрыл глаза:

- Я обещаю, что не предам ни вас, ни ваши семьи, - я напрягся в ожидании выстрела, потому что не был уверен, что мои слова ее убедят.

Она убрала ствол и коротко сказала:

- Не передумай, - потом отошла прочь.

Снова шаги. Кто-то развязал веревку у меня на запястьях. Освободив мне руки, этот человек снял с меня мешок. Перед собой я увидел мужчину, которому на вид было чуть за 30. На нем была черная футболка с логотипом университета и потертые, застиранные джинсы. На шее он носил тяжелое золотое распятье. С узкого, гладко выбритого лица холодно сияли темные глаза.

- На колени, - наконец сказал он. – Пожалуйста.

Я подчинился, все еще не понимая, прошел я проверку или нет. Мужчина прикоснулся к распятию:

- В твоих словах я услышал истину. Я знал, что ты будешь достоин нас.

Я вскинул руку:

- Подожди. Как вы нашли меня?

- Мы искали слуг тех, кто отправился назад в преисподнюю. О Джее мы узнали из записей покойного демона. Потом Джей вывел нас на тебя.

- Но как…

- Позволь мне закончить. Как уже сказал Лу, всех нас коснулись падшие ангелы. Под их влиянием мы творили жуткие вещи или отдавали нашу веру тому, кто не был ее достоин. Мы услышали вину в твоем голосе, Пол. Мы знаем, что ты чувствуешь. Даже Джей знает.

Я посмотрел на остальных. Все они держали в руках фонарики, направляя на меня лучи света. Сердитый мужчина в форме разносчика пиццы смерил человека с распятьем тяжелым взглядом, но все же кивнул, соглашаясь.

- Пол, я верю, что у всего в этом мире есть своя причина. Нам стало известно о демонах, ходящих по Земле. Мы смогли вновь обрести свободу воли. Присоединившись к нам, ты поможешь использовать это знание против них. И ради спасения, и ради человечества.

Женщина убрала фонарик и подняла с пола нечто, оказавшееся старым фонарем. Пока она шла к нам, я смог ее разглядеть. У нее были высветленные волосы, а сквозившее в ее взгляде страдание заставило меня думать, что она старше, чем выглядит. Она поднесла фонарь к моему лицу.

Затем вперед выступил Лу, держа в руках коробку спичек.

- Меня зовут Брюс, - сказал мужчина с крестом. – Иногда меня называют преподобным, но мне больше нравится Брюс.

Лу вручил мне спичечный коробок. Брюс продолжил:

- Зажигая этот фонарь, ты соглашаешься стать маяком надежды. Ты соглашаешься сражаться с тьмой и стать одним из нас, - он повернулся к женщине. – Бесс.

Бесс открыла фонарь. Я взял спички и зажег одну из них. Глядя на нее, я вспомнил ужины при свечах, которые были у нас с Джил. Когда-то я думал, что она в самом деле любит меня, но это было неправдой. Я зажег фонарь, и Бесс закрыла его. От него исходил теплый, мягкий свет

- Теперь ты можешь встать, Пол, - сказал Брюс. – Ты на пути к искуплению.

Вот так я встретил Брюса, Бесс, Джея и Лу. В целях безопасности мы пользовались только именами и знали, как связаться только с одним человеком в группе. Со мной мог связаться только Джей.

После этой встречи я был уверен, что Господь привел меня туда, чтобы я смог обрести спасение. Впервые за несколько месяцев я чувствовал себя хорошо, и это чувство сохранилось до конца вечера.

Когда я лег спать, мне приснилось, что я стою в центре огромной бури. Бежать было некуда. Надо мной постепенно формировалась облачная воронка, которую пронзали молнии. В каждом ударе грома я слышал, как Джил зовет меня. Я закричал и проснулся.

Брюс был прав. Я был на пути к спасению, но я даже не представлял, насколько трудным окажется этот путь.

Друзья и соседи

Моя история началась до записки, но именно из-за записки я оказался втянут во все это. Кто-то увел мою дочь. Мою девочку. Тогда я не знал, в чем дело, знал только, что вчера у меня была красавица-дочь, а на следующий день осталось только огромное пустое пятно в жизни, и, возможно, моя вина тут была больше, чем мне хотелось бы. После этого жизнь превратилась в вереницу дней, восходов и закатов, между которыми я пытался разбить поменьше тарелок на кухне да уснуть хоть на несколько часов. Я уволился из конференц-центра. Работа охранника – это много длинных, наполненных одиночеством часов. Каждый раз, совершая обход, я думал о Трейси, о совершенных ошибках, и однажды просто плюнул на работу – в буквальном смысле слова - и стал ждать, когда день подойдет к концу. Он закончился, и на работу я больше не вернулся.

Теперь я днями сидел без дела, пока моя жена Марджори была на работе. Думаю, она меня ненавидела и считала, что это я виноват в побеге Трейси. Она никогда ничего такого не говорила, но любовь от нас ушла, и это только усилило мою депрессию. А потом в почтовом ящике появилась записка. Она гласила: *"Я знаю, где ваша дочь. Я могу помочь вернуть ее. Скажете об этом письме хоть одной живой душе – и шансы найти ее резко сократятся. Через 10 дней, 7-го декабря, приходите по указанному ниже адресу, и, возможно, еще до Рождества она вернется к вам"*.

Подписи не было, только адрес. Где-то в Шарлотт[15]. Шарлотт от нас минутах в двадцати езды на север по 77 шоссе. Ничего сложного, стоит только выбраться из Форт Милл. Я поеду. Я что угодно сделаю. В записке сказано, ничего никому не говорить, ну и ладно. Даже жене? Пусть. Моя девочка пропала, и если кто-то что-то об этом знает – ну хоть что-то, - то я поеду, потому что иначе я свихнусь от боли и отчаяния. Пять месяцев я сидел дома, не зная, что с моей дочерью – может, ее изнасиловали, убили, сбили машиной, и готов был умереть. Мне нужна была причина жить.

Это было глупо. Когда получаешь такую записку, первым делом надо позвонить в полицию. Откуда мне знать, может, это очередной Чарльз Мэнсон[16] решил поиграть со мной. Но копы умом не блещут. И в записке сказано – *никому не говорить*. Если я расскажу полиции, не сделаю ли я хуже? Что, если из-за этой ошибки я никогда больше не смогу обнять Трейси? Тогда я решил, что ничего никому не скажу. Я не знаю, почему Трейси пропала, может, потому, что я был плохим и слишком

[15] Город на юге штата Северная Каролина, 540,8 тыс. жителей.

[16] Чарльз Миллз Мэнсон (род. 12 ноября 1934 год, Цинциннати, штат Огайо) — американский преступник, лидер коммуны «Семья», отдельные члены которой в 1969 году совершили ряд жестоких убийств, в том числе известной киноактрисы Шэрон Тейт.

сердитым отцом, а может, потому, что ее украли прямо из спальни. Я должен был узнать, и будь что будет.

Я уже собирался убрать записку в карман, повторяя про себя дату и время, когда кое-что заметил. На обратной стороне листа было написано что-то еще. Жирными черными буквами: Псалтирь 105:37. Отсылка к Библии, черт бы их всех побрал.

Той ночью, пока Марджори спала, я вытащил из ящика на кухне пыльную копию нового исправленного стандартного издания Библии.

"... и приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам". Вот что там было написано, в этой "доброй" Книге. Я опустился на старое скрипучее кресло-кровать и проплакал до тех пор, пока не заснул.

Утраты

Через десять дней я отправился туда, куда и собирался. Уже начались снегопады, пока что небольшие, но здесь, в Каролине, даже небольшой снег может отрезать вас от большинства мест.

У меня с собой была целая охапка рождественских подарков для Трейси. Да, пока что я ее не вернул, но верну обязательно, так и будет. Не знаю, чего нравится 14-летним девочкам, так что я купил всего понемногу. Несколько кукол Барби, какие-то CD-диски (с девчачьей поп-музыкой), пустую толстую тетрадь, которую я взял в CVS[17] за пару баксов.

Нужный дом стоял на Южном бульваре – небольшое коричневое офисное здание, втиснутое между забранным досками магазином с порнографией и закрытым универсамом с товарами для домашних животных. По мне, не самая лучшая дорога в городе. Сердце у меня стучало, как барабан, кровь звенела в ушах. Я уговаривал себя сделать то, что собрался, какой бы глупостью это ни казалось – все равно что выпрыгнуть из самолета. Давай, пройди через это и попытайся не умереть. Я готов был молиться, но даже не представлял, как это делается, так что прекратил дурацкие попытки. Надо было взять с собой нож.

Снаружи ждали двое мужчин; они дышали себе на руки, чтобы согреть их – явно было холоднее, чем они рассчитывали. Неделю назад было 62[18] градуса, сегодня 20[19], к тому же шел снег. Ладно, мне хотя бы хватило мозгов натянуть толстый свитер. А эти идиоты были в ветровках и бейсбольных шапочках.

Один из них, невысокий, тучный парень с рыжей бородой, жесткой, как стальная мочалка, с подозрением оглядел меня и сунул свои обезьяньи ручищи в карманы спортивной куртки "Шарлотт Чекерс[20]". Я подумал, что он сейчас выхватит пистолет и пристрелит меня, но этого не случилось. Второй был высоким и худым и выглядел так, будто только что вышел из подросткового возраста. На его лице виднелся легкий светлый пушок, который, как я предположил, должен был изображать бородку. Оба они казались напуганными, и, сдается мне, винить их в этом было нельзя. Первым заговорил худой:

- Вы – это он? – спросил он. – Это вы нам записки послали?

Я уставился на него:

- Записки? Вы оба получили записки? Какого черта тут происходит?

Молодой протянул мне потную ладонь с длинными пальцами, и я пожал ее.

- Меня звать Томми Спрингхаус, - голос его оборвался. Я заметил, что говорит он как янки.

Я заколебался:

- Ройс. Уилл Ройс.

---

[17] распространенная в США сеть магазинов аптечных товаров и товаров повседневного спроса.
[18] Примерно 17 градусов по Цельсию.
[19] Примерно -7 градусов по Цельсию.
[20] профессиональный хоккейный клуб из города Шарлотт, Северная Каролина, выступающий в Американской хоккейной лиге (АХЛ).

- Вы потеряли ребенка, Уилл Ройс? – спросил обладатель бороды-мочалки, глядя на меня так, словно на голове у меня выросли рога.

Тут творилась какая-то хрень.

- Может быть, - ответил я.

Томми нервно переступил с ноги на ногу:

- Ребенок убежал?

Руки у меня сжались в кулаки. Я об этом почти не говорил, ни с кем, даже с Марджори. Но тут просто не сдержался. Я начал говорить. Выплеснул все, что знал о Трейси, даже описал туфли, которые были на ней за день до исчезновения. На глазах у меня закипели слезы, и я сморгнул их.

- Хоть бы она никуда не убегала, - сказал я.

- Скорее уж, ее похитили, - ответил бородатый. Он схватил меня за руку. – Я Дарнелл Спаркс. Можете называть меня Спаркс. Я водитель, по большей части работаю в Гастонии[21]. У меня дети близнецы, Джексон и Тайлер. Сейчас им должно быть по 17 лет. В марте будет два года, как они пропали. После школьной вечеринки их подобрал и увез какой-то фургон. От полиции почти не было толку.

- Мою дочь украли этим летом, в июне, - сказал Томми, вытряхивая из мятой пачки сигарету и зажимая ее губами. Зажигать ее он не стал. – Ей всего семь, вот так-то.

- Почему вы думаете, что они еще живы? – спросил я, уже зная ответ. Я-то не считал, что Трейси умерла. Я бы не допустил даже мысли об этом. Тысячу раз я представлял себе ее размозженную голову и залитые кровью глаза, но никогда не позволял себе поверить, что она мертва. С этими двумя, похоже, было то же самое, но я должен был услышать, что они скажут.

Спаркс бросил на меня быстрый взгляд и потряс у меня перед лицом сосискообразным пальцем:

- Даже не упоминай при мне о подобных мерзостях. Мне не о чем говорить с людьми, у которых нет веры. Мои мальчики живы, и я не собираюсь слушать тех, кто с этим не согласен. Все дело в том, Ройс, что мои ребята – самые лучшие из всех, кого ты…

Томми перебил его:

- Кто-то подъехал.

Снежную пелену разорвал свет фар. К нам подъехал серый минивэн с надписью "Эйрборн Экспресс" на борту. Шелестя шинами, он резко сбросил скорость и становился, по диагонали заняв сразу несколько парковочных площадок. Мотор продолжал работать, но дверь со стороны водителя открылась и оттуда выбрался высокий мужчина в туго подпоясанной шерстяной шинели. Он направился прямиком к нам, оставляя в белой пороше на асфальте четкие отпечатки тяжелых рабочих ботинок. Выглядел он так, словно не брился неделями. Один глаз у него налился кровью – белок прорезали красные прожилки.

- Джентльмены, - заявил он. – Рад, что вы трое смогли придти сюда. Должны были подойти еще двое, но их до сих пор нет, и это плохо. Нам надо кое-что сделать.

- Что? – спросил Томми.

- Эй, минутку, - начал Спаркс, выступая вперед и выпячивая грудь. – Сначала расскажите, в чем дело.

Я стоял сзади, наблюдая за происходящим, от напряжения у меня зудело все тело.

- Меня зовут Колин Пелхэм, - ответил мужчина, вытаскивая из заброшенного на плечо рюкзака какие-то папки. Еще один янки, подумал я. Каждому из нас он вручил по папке. Я краем глаза заметил серебряный крест, еврейскую звезду и какой-то восточный символ на тонкой цепочке, надетой у него на шее. – Посмотрите. Почитайте. Если вас это заинтересует, мы продолжим.

[21] Город в США на юго-западе штата Северная Каролина. Входит в городскую статистическую зону Шарлотт - Гастония - Рок-Хилл.

Я уже распахнул папку, и сердце у меня замерло. Там была фотография Трейси, которую какой-то ублюдок усаживает в черный Кадиллак. Они держались за руки. Она казалась напуганной. А этот выродок, который был с ней… он выглядел как шкаф с антресолями. Здоровый, лысый, шесть с половиной футов[22] росту. Три сотни фунтов[23] мускулов, упакованных в черный фрак.

- Трейси… - едва слышно прошептал я.

Потерянные взгляды остальных двоих сказали мне, что именно было в их папках. Пелхэм сказал:

- Снимки немного нечеткие, но общий смысл вы, я думаю, уловили. Мужчину на фото зовут Оверхольт. Годфри Оверхольт. Ваши дети у него. Хотите поучаствовать – скажите мне, и мы загружаемся в этот фургон и отправляемся по делам. Если вас это не интересует и вы думаете, что я – мешок с дерьмом, пусть. С меня не убудет. Но я должен знать ответ – сейчас.

Я готов был согласиться, принять его слова за чистую монету ради одного туманного обещания снова увидеть Трейси.

Первым заговорил Спаркс:

- Ну и какого хрена вам от нас надо?

- Я хочу вернуть Бетси, - сказал Томми, вытирая слезы со щеки. Я решил, что Бетси звали его дочь.

- Я могу показать вам человека, который похитил ваших детей, - ответил Пелхэм. – Но только сейчас, этим вечером. Если согласны, забирайтесь в фургон. Если нет – до свиданья.

Отчаяние решило за меня.

- Я иду, - сказал я.

Спаркс бросил на меня косой взгляд и повернулся к Пелхэму:

- Если со мной и моими случится какое-нибудь дерьмо, я тебя убью. Учти, нас тут трое, а ты один, - он зло оскалился.

Пелхэм пальцем указал на стоящий фургон:

- Идем.

Мы пошли за ним. Он открыл боковую дверь:

- Еще один вопрос, джентльмены. Вы верующие? Бог, Небеса, дьявол, ад, все такое?

Я неопределенно кивнул, зная, что вру. Похоже, ему это было важно, так какая разница? Спаркс выдал "Черт, да", и вид у него был такой, словно все, кто думают иначе, слова доброго не стоят. Томми просто пожал плечами. Сказал, что сам не знает.

- Скоро узнаете, - пообещал Пелхэм.

Крайние меры

Фургон направился к центру города. Не в спальные районы. В районы, где живут богачи. Мы проехали универсам, потом направились к Майерс-парк. Мне казалось, что нам морочат голову, но Спаркс был прав – нас трое. Может, мы и справимся. Во мне пробудилась какая-то искра, которую я не ощущал уже много месяцев.

- Вы работаете на "Эйрборн Экспресс"? – прокричал я Пелхэму с заднего сиденья. Он неопределенно помахал рукой.

- Работал.

Томми бросил на меня взгляд. Выглядел он как застигнутый светом фар олень. Я отвернулся. Я его понимал. Несчастный молодой отец, которого внезапно втянули в какое-то сомнительное предприятие, – его чувства совпадали с моими. Это было все равно что кататься на американских

[22] Почти 2 метра.
[23] Приблизительно 136 кг.

горках. Медленный подъем на вершину в ожидании быстрого спуска. Меня затошнило. Может, мы допустили ошибку?

Пелхэм поманил нас рукой и указал на что-то.

- Там сзади есть ящик, завернутый в простыню. Разверните его и откройте крышку.

Делать это пришлось мне, так как остальные двое колебались. Передо мной стоял невысокий жесткий чемодан. Я открыл защелку.

Оружие и книги. Обычно их не ожидаешь увидеть в одном месте. Похоже, дробовики. У книг не было названий. Это были большие, старые, мрачные тома, вроде тех, на которые натыкаешься в самых дальних закоулках библиотеки.

- Какого черта? – спросил я. Остальные придвинулись ко мне, заглядывая в ящик.

- Ружья и книги? Вы спятили?

- Отличное сочетание отличных вкусов! – проорал Пелхэм через плечо. Мы свернули в Майерс-парк. Вдоль улицы выстроились старинные богатые дома. Впереди я заметил свет от габаритных фонарей, пробивающийся сквозь снежную пелену. За исключением той машины, дорога была пуста. Я почувствовал, что фургон набирает скорости. – Я бы на вашем месте разобрал оружие и приготовился.

Мена охватила паника, наполнившая мои вены адреналином. Габаритные огни становились ближе с каждым мгновением, а когда передний автомобиль свернул к Куинс-колледжу, мы срезали угол через чью-то лужайку. Тогда я заметил, что мы гонимся за лимузином. Я попытался взять себя в руки и услышал крик, который, как я вдруг понял, сам и издал.

Томми тоже что-то прокричал, когда наш фургон врезался в бок лимузина. Я ударился головой и упал, раздался звук, какой бывает при трении металла о металл. На секунду все перевернулось вверх ногами. Окровавленный Томми лежал на полу, Спаркс что-то зло орал. Потом все кончилось. Наступила тишина. Боковая дверь скользнула в сторону, и в проеме показался хлопающий в ладоши Пелхэм:

- Живо! Живо! Хватайте стволы и выбирайтесь отсюда! – Он сунул патрон в ружье, потом всучил ружье мне и пропал. Я выбрался наружу. Голова кружилась. Болела передняя челюсть. Я подумал, не выбило ли мне зубы.

Из фургона выпрыгнул Спаркс, ругаясь на чем свет стоит:

- Что, во имя Господа и творений его, ты…

Пелхэм выглядел так, словно вот-вот потеряет сознание. Он стоял, подняв дробовик и направив его на водительскую дверь лимузина. Из-под капота черной машины слышалось пощелкивание и вырывались клубы пара. Зеленый антифриз, похожий на кровь инопланетянина, тек на снег. Пелхэм, широко раскрыв глаза, махнул нам рукой, как какой-нибудь армейский сержант, и указал на лимузин, на открывающуюся дверь. Не знаю, почему, но я прижал приклад к плечу и нацелился на машину. Я не стрелял фазанов уже лет шесть, но ружье в руках действовало неожиданно успокаивающе.

Чувствовал я себя так, словно вот-вот обоссусь. Мы стояли перед большим белым домом. Мы просто проехались по лужайке! На верхнем этаже одно за другим загорались окна. Значит, без полиции не обойдется. Я снова взглянул на лимузин. Воображение рисовало мне того здорового лысого парня, который мог вернуть мне дочь, но из машины вышел вовсе не лысый придурок. Из салона показался худой паренек, одетый в плохо подобранный костюм и выглядевший крайне измотанным. Его лицо с круглыми глазами напоминало лисью мордочку. На голове косо сидела водительская фуражка. Он ухмыльнулся, демонстрируя полный набор ослепительно-белых зубов:

- Пелхэм, - с усмешкой сказал он. - Вижу, нашел себе новых друзей.

- Спокойно, Виг. Что там у тебя в лимузине? – Пелхэм дробовиком ткнул в сторону задних сидений. Водитель только рассмеялся в ответ. Все это казалось безумием.

- Ничего, дружище. Не забивай этим свою милую головку, - он стер кровь, капавшую у него из носа. Наверное, он ударился о руль. Потом он облизал руку. – Знаешь, до Оверхольта тебе не добраться. Красные школы есть повсюду. Как и наши дети. Так чего ты дергаешься? На этот поезд выдается только один билет.

Он сказал "наши дети". От этих слов меня бросило в жар.

Спаркса они, похоже, тоже зацепили. Он бросился вперед, вскинув над головой ружье, как чертову биту. Я попытался остановить его, крикнуть "не надо", но тут произошло что-то непонятное.

Когда Спаркс добежал до машины, парень по имени Виг уже не был похож на человека. На его лице и теле выступили жирные синюшные кисты и опухоли. Вот их не было – а через мгновение он уже сплошь был покрыт ими. Часть из них прорвалась сквозь ткань костюма. Я услышал, как где-то завопил Томми. Я одновременно чувствовал все – и ничего. Благоговение, страх, тошнота, даже какое-то странное сожаление, которого я не мог понять. Спаркс взревел и снова бросился вперед.

Эта тварь пригнулась и ударила Спаркса в живот, отбрасывая его назад. Я подумал, что надо бы выстрелить, но не смог пошевелиться. А потом Виг оказался у меня перед носом. Он стоял в нескольких ярдах от меня, но преодолел это расстояние за мгновение. Он отвел мое ружье в сторону, и оно выстрелило. В следующую секунду я уже летел сквозь падающий снег. Плечо с силой ударилось об асфальт. Я решил было, что уже умер, но потом понял, что у меня весь воздух из легких вышибло, и с трудом восстановил дыхание.

Я оглянулся на Пелхэма, который до сих пор ни хрена не сделал – или мне так казалось. Он стоял, зарывшись носом в одну из этих своих книжек, и произносил какие-то слова. Чудовище – Виг – посмотрел на него, и на его покрытом наростами лице проступила ухмылка. Он походил на быка, который вот-вот сорвется с места, но тут Пелхэм выкрикнул что-то на латыни – наверное – и выбросил вперед руку с четками. Он проорал последнюю часть своей тарабарщины, а потом оно заработало.

Тварь замерла, забавно склонив голову набок. Она пыталась пошевелиться. Пыталась поднять ногу, но не могла. Пелхэм по-прежнему что-то бормотал, не отрываясь от книги. В паузе он вбросил на нас со Спарком взгляд, в котором читалась паника:

- Он связан! – сказал он таким тоном, каким говорят о чем-то общеизвестном. – *Пристрелите его*!

Я не хотел ни в кого стрелять, но все же выстрелил. Это было все равно что смотреть на выстрел на экране телевизора, только теперь стрелком был я. Я вскинул ружье, и перед моим мысленным взором предстала Трейси. Забавно, но вскоре после того, как она пропала, я начал забывать, как она выглядит, и в конце концов уже не мог представить ее лицо. Но то фото все исправило. Теперь я помнил. Золотистые волосы. Крохотные веснушки. Слегка оттопыренная нижняя губка, такая милая.

Я спустил курок.

Раздался выстрел, отдача ударила мне в плечо. Я попал "Вигу" аккурат в покрытую волдырями шею. Из раны вырвался черный гной, тварь отшатнулась назад, но осталась стоять. Я глазам своим не верил. Он повернулся ко мне и оскалился, показывая эти свои белые зубы, кое-как прикрытые кусками разорванных губ. Спаркс тоже это увидел, и теперь он стоял, прижав приклад к плечу. Пелхэм приказал нам стрелять еще раз, и спорить мы не стали. Тварь по-прежнему стояла на одном месте, вопя и дергаясь. Я стрелял до тех пор, пока из патронника не выскочила последняя гильза. Наконец Пелхэм опустил книгу, и тварь рухнула на землю. Тело его шипело и булькало. Звук был такой, словно из мокрой шины выходит воздух.

Я стоял, не в силах пошевелиться. Не знал, что думать. Не мог понять, что же тут произошло. И до сих пор не могу, по правде говоря. Это засело у меня в мозгах, как какой-нибудь клещ под кожей.

Пелхэм был счастлив:

- Ройс, проверь лимузин. Посмотри, как там дети.

Дети. Я бросил ружье в снег и побежал к машине. Почти врезавшись в нее, я с силой распахнул заднюю дверь. Сиденье было заполнено детьми. Человек десять, выглядят так, словно их напичкали какой-то дрянью, рты приоткрыты, глаза широко раскрыты, взгляд несфокусирован. У толстого

мальчугана с уголка губ свисает ниточка слюны. Мне показалось, что я вижу Трейси, в груди стало тесно, но когда я развернул девочку к себе, то понял, что это не моя дочь. Еще одна малышка со светлыми волосами и крохотными точками зрачков.

Я начал по одному вытягивать детей из машины. Трейси среди них не было. И все же я шепотом ободрял их, говорил, что с ними все будет в порядке, что плохой человек ушел. Я понимал, что бормочу какую-то бессмыслицу. Одну из них, ту, что была похожа на Трейси, я обнял. Все дети выглядели потерянными и сбитыми с толку. Мне захотелось найти тех, кто в этом виноват.

Вдалеке завыли сирены.

Томми плакал у фургона. Спаркс стоял у распухшего тела, орудуя дробовиком как молотком для отбивания мяса. Пелхэму пришлось подвинуть его, чтобы полить труп бензином. Потом они разожгли огонь – погребальный костер для чудовища. Труп шипел, как поджариваемый бекон. Пелхэм крикнул:

- Как там дети?

- Нормально, - прохрипел я. При этих словах Спаркс вроде бы начал приходить в себя. Он бросился к лимузину, все еще держа в руках окровавленный дробовик. Сначала он уставился на детей, потом заглянул в салон, выкрикивая имена своих мальчиков. Через несколько секунд он вытащил голову наружу и ударил кулаком по автомобилю. Я знал, что он чувствует.

- Моих нет! – крикнул он.

- Никто и не говорил, что будут, - сказал Пелхэм, подходя ближе и пожимая плечами. – Но ублюдка мы сделали. И мы вернем твоих детей. Это была только пробная попытка. Нам пора уходить. Я знаю, что при снегопаде шоссе тут пустые, но попадаться не хочу, - он захлопал в ладоши, как какой-нибудь чертов школьный учитель. – В фургон!

Спарксу эта идея явно не понравилась, потому что он внезапно набросился на Пелхэма, впечатав того в бок лимузина. Дробовик он приставил Пелхэму к подбородку:

- Тебе лучше рассказать, что к чему, - прорычал Спаркс. – Где, черт возьми, мои ребята?

- Спокойно, мистер Спаркс, - процедил Пелхэм сквозь стиснутые зубы. – До сих пор нам везло, но вы слышите эти сирены? Вы собираетесь спасать своих ребят, сидя за решеткой? Вряд ли.

Спаркс не отступал. Его трясло, лицо покраснело. Рана у него на лбу потемнела и начала сочиться кровью. Я сделал по направлению к нему несколько шагов и прочистил глотку:

- Оставь его, Спаркс, - голос мой дрожал. – Он все объяснит, иначе он покойник, и он об этом знает. Я прав, а, Пелхэм?

Тот кивнул, насколько позволял ему упиравшийся в подбородок ствол.

Спаркс отвел дробовик и снова ударил кулаком по лимузину. Затем он, ругаясь на чем свет стоит, запрыгнул в фургон, оттолкнув Томми. Пелхэм потер челюсть и посмотрел на меня:

- Спасибо, - кивнул он.

Я нахмурился:

- Спаркс прав. Вам придется объяснить, в чем тут дело.

Я бросил взгляд на детей, и меня затошнило при одной только мысли, что нам придется оставить их здесь. Но полиция со всем разберется. Вот только мне хотелось, чтобы среди них был и мой ребенок.

Выхода нет

- Чудовища существуют, - сказал Пелхэм, выруливая на дорогу. – Я не знаю, как они называются, но, по-моему, слово "дьяволы" им подходит. Мы всегда о них знали. Только не хотели в них верить.

Часть меня не верила ему. Часть меня не хотела ничего знать. Вторая часть хотела убежать, убить этого парня или же поклониться и поблагодарить его. Остальные сидели, потрясенные. Томми привалился к задней двери, обхватив колени руками. Я не знал, верит ли Спаркс словам Пелхэма или просто слушает его. Взгляд у него был такой, словно он находился за тысячу миль от нас.

- Я не знаю, говорим ли мы сейчас о библейском Сатане, - продолжил Пелхэм, - или о старых добрых чудовищах из страшилок. Но одно я знаю точно: они дьяволы, если не по названию, то по делам. Им нужны наши дети. Не знаю, для чего. Зато знаю, что мы можем помешать им. Они не слишком-то обращают на нас внимание. Мы для них… - он на мгновение задумался, - как жуки. Они думают, что могут просто отмахнуться от нас. Но до нас были другие, и они написали книги. Я кое-что читал. Там описываются фокусы вроде того, что я использовал сегодня. Поначалу все это кажется полной ерундой, но когда видишь то, что видел я, начинаешь относиться к этому серьезно.

Я не знал, о чем он говорит, но верил ему. Я вспомнил, что почувствовал, когда тот парень превратился в чудовище. На меня обрушился целый шквал эмоций. Я одновременно ненавидел его, любил, хотел склониться перед ним и уничтожить его. Даже воспоминания об этом вызывали у меня тошноту.

Пелхэм что-то протянул нам. Это оказалась глянцевая фотография, один из тех постановочных снимков, которые обычно делают в универсамах. Очаровательная девчушка. Рыжие волосы, мелкие кудряшки. Зеленые глаза.

- Моя дочь, - сказал он. – Кристина. Этот Оверхольт один из них, но он намного хуже той твари, что вы сегодня видели. Он кое-что отобрал у меня. И я хочу это вернуть.

Я услышал, как Томми, которому я передал фотографию, с шумом втянул воздух. Спаркс лишь крякнул и пробормотал что-то о своих сыновьях.

- Мне жаль, - сказал я Пелхэму. Прозвучало это глупо.

- Оверхольт управляет этими заведениями, которые называются Красными школами. Я не знаю, зачем им нужны дети. Я никогда в такой школе не был. Они появляются, а потом так же внезапно исчезают. Мне нужна ваша помощь, чтобы найти его, отыскать эти заведения, вернуть наших детей. Вы теперь тоже в деле. Вы видели эту тварь. Вы уже не сможете вернуться к нормальной жизни. Вот

такие вот дела. Хорошая новость заключается в том, что вместе мы справились с одним делом – и у нас есть шанс разобраться во всем этим. Так что вы скажете?

Первым, к моему удивлению, заговорил Томми. Спаркс ничего не сказал. Я, подчинившись какому-то инстинкту, ответил, что не вполне уверен.

Честно говоря, обдумывать мне было нечего. Не знаю, почему я так ответил. Может быть, именно такой ответ я и *должен был* – или *хотел* - дать. Пелхэм продиктовал мне телефон и сказал, что подождет, пока остальные соберут вещи. Этим вечером они уедут из города, а я должен буду позвонить ему тогда, когда приму решение.

Я поехал домой. Машина жены стояла на подъездной дорожке, но в доме свет не горел. Она не стала дожидаться меня. Жаль. Если бы она не заснула, я мог бы рассказать ей обо всем, а она бы посмотрела на меня и убедила остаться, чтобы не причинять нашей семье еще больше боли. Но, зайдя в спальню, я увидел, что она лежит, с головой закутавшись в одеяло, и снова спустился на первый этаж.

Моя дочь находилась неизвестно где. Жена спала и не могла ничего мне сказать, так что я убедил себя, что улажу все позже, что я совсем скоро вернусь. И тогда мы снова будем все вместе.

Пелхэм ответил после первого же гудка. Он знал, что я позвоню, так он сказал. Они за мной заедут.

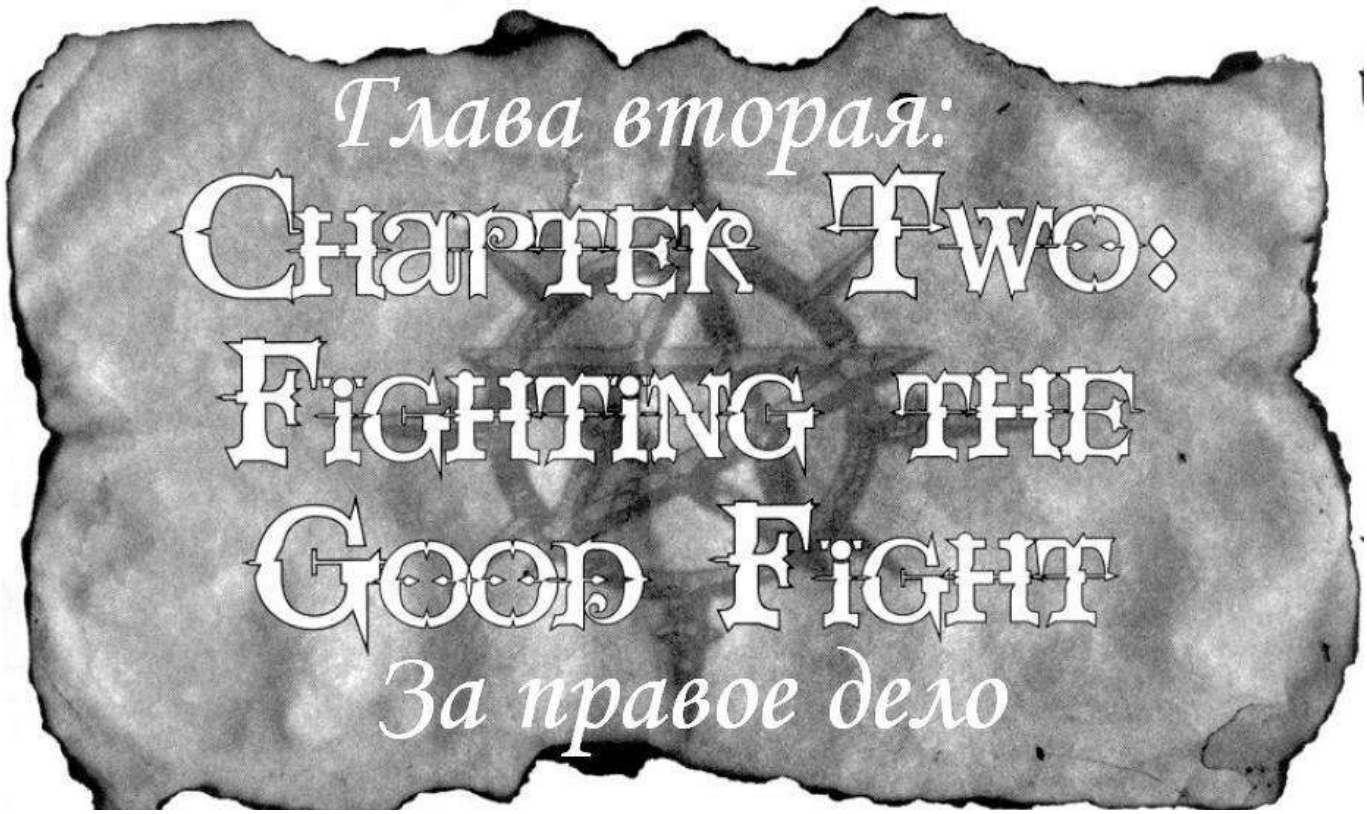
Я решил не собирать сумку. У меня была карточка, позволявшая делать покупки в кредит. К тому же я не хотел будить жену. Марджори не поняла бы меня. Она была женщиной разумной, а то, что я собрался сделать, едва ли можно было назвать разумным поступком.

К дому подъехал фургон, я забрался в него. Томми и Спаркс уже сидели сзади, Томми в углу, уставившись в никуда, а Спаркс с ружьем, которое он чистил шомполом. Я сел на пассажирское сиденье рядом с Пелхэмом.

- Только честно, - сказал я. – Я верну свою дочь? Она жива, так?

- Она жива, - ответил он. – И ты вернешь ее. Обещаю.

И мы уехали.



Они ведут войну именем Христа, их единственного владыки, не страшась согрешить убийством и не опасаясь погибели в случае смерти, так как наносят ли они смертельный удар или же получают его, нет на них вины в преступлении, но лишь слава.

- Св. Бернар

Несущие слово

Дорогая Рахиль,

Зло бродило по Земле, и только я знал об этом. Речь шла не о греховности склонных к ошибкам людей, нет. И не о головоломных этических задачах, которые я решал всю свою жизнь, тех сложных вопросах, ответ на которые можно дать только при ясном понимании наиболее тонких моментов Торы. Нет. Настоящее зло. Зло, которое знало, чего оно хочет, и готово было поглотить все на своем пути.

Я должен был пойти к рабби Брауну. Я должен был пойти к ребе. Я хотел, как же я хотел этого. Но не смог. Может быть, Дьявол сделал так, чтобы я хранил молчание. А может, и нет. На самом деле мне было слишком стыдно. Я был запятнан, нечист, и даже миква не вернула бы мне чистоту. Само мое пребывание в сообществе загрязняло живущих здесь людей, как если бы я был прокаженным. Большую часть того утра я провел у себя в комнате, погрузившись в молитву. Когда в обед я вышел оттуда, казалось, все уже знали, что я плохо себя чувствую. Несколько человек спросили, не заболел ли я. Другие интересовались, почему я такой бледный. Я отвечал, что подхватил простуду. Простуду.

Чего я действительно хотел, так это бежать прочь от всех, кто подходил ко мне. Мне казалось, что, дотрагиваясь до меня, они касаются зла, как коснулся его я. Я словно был запятнан кровью и ощущал себя тем козлом, который может привести все стадо к гибели, если не поостережется. Впервые в жизни вид знакомых лиц не успокаивал меня. Лучше бы меня окружали тысячи незнакомцев.

Ты должна понять, что учеба была смыслом моей жизни. Конечно же, все хасиды знают, что Тора – это мир, а мир – это Тора. Но для ученого Тора поистине является хлебом и вином, дыханием самой жизни. Мог ли я не искать в ней ответов? И я начал убеждать себя, что справлюсь с этим. Что я смогу прогнать этого демона, будь на то Б-жья воля, ради блага всего нашего сообщества. Это был единственный ответ. Зачем еще, думал я, Б-г поместил меня в такие обстоятельства, если не для того, чтобы я преодолел их? Как иудей и служитель Б-жий я обязан был противостоять этой злобной твари, которая завладела моим двоюродным братом.

Так что я читал древние тексты и занимался разными приготовлениями – так, как я понимал их.

Когда наступил назначенный час, рабби Брауна с женой и детьми дома не было, к моему глубокому облегчению. Рабби вел занятия. Миссис Браун понесла суп заболевшему соседу. Дети ушли к друзьям. А потом он просто появился у меня в комнате. Дверь не открывалась. Не было никакого шума. Я почувствовал чей-то взгляд, оглянулся и увидел его.

- Рубен, - сказал он. – Мне не доставляет никакого удовольствия злиться на тебя.

Это прозвучало почти как извинение. Он казался каким-то опустошенным, от него буквально веяло усталостью. Может быть, все дело было в том, как он говорил. Он словно был на грани изнеможения.

- Я заберу книгу, - продолжил он. – А потом уйду. Ты меня больше не увидишь.

- Яаков, - сказал я, - ты знаешь историю рабби Ханина Бен Доса? Злой дух как-то оказал ему услугу. Позже рабби снова встретился с этим духом, когда тот терзал нищего. Дух спросил рабби, помнит ли тот об услуге, - голос у меня задрожал. Я замолчал, чтобы сглотнуть застрявший в горле комок.

- Ладно, - ответил Яаков, - я тебе подыграю. И что же ответил рабби?

- Он сказал "Не причиняй более зла этому сыну Авраама", - я посмотрел на книгу, которую держал в руках, и попытался запомнить, что Б-г любит меня. Я начал читать псалом, произнося слова как можно громче и четче. - Да услышит тебя Господь в день печали…

- Прекрати, - сказал Яаков. – Что ты делаешь?

Я бросил на пол перед ним бобы, потом – соль и травы. Это послужило сигналом. Они вышли из потайных мест за книжными полками – Ицхак и Моше Коген. Два брата-здоровяка из нашего сообщества. Оба тупые как пробки, Г-ди прости, но непоколебимы в вере. Я велел им повторять простейшие молитвы, и хотя они были худшими моими учениками, этим вечером их иврит был безупречен.

- Что это? – спросил Яаков, и его голос перекрыл наши заклинания. – Магическое шоу? Вы что, думаете, на меня это подействует?

- Я не боюсь тебя, диббук, - сказал я, надеясь, что говорю правду. – Сила Господа одолеет тебя. Да будешь ты покорен Ему. Моше, не выпускай его.

Яаков, не делая попытки уйти, смотрел, как Моше становится у двери. Его брат встал напротив Моше, так, что Яаков оказался между ними. Они не переставая читали молитвы, которые я записал для них.

- Меня это раздражает, - сказал Яаков.

Я продолжал читать молитву, одно за другим выкрикивая имена ангелов. Постепенно во мне крепла уверенность. Яаков не пытался бороться с нами. Он даже выглядел обеспокоенным.

А потом его руки сжались на шее Ицхака.

Все произошло очень быстро. Ицхак вцепился в Яакова и попытался оттолкнуть его. Руки у Ицхака были как у циркового борца. Хватка Яакова вроде бы начала слабеть. Моше подскочил к Яакову сзади и схватил его за плечи, стараясь оттащить от брата.

Яаков шевельнул плечами, и Моше, издав короткий жалобный крик, впечатался в стенку, голова его с треском ударилась о дверной косяк. Ицхак, побледнев от ужаса, посмотрел на своего брата, и тогда Яаков отшвырнул его прочь, как ненужную тряпку.

Потом Яаков подошел ко мне.

- Хватит, - он сделал какое-то движение, и книга выпала у меня из рук. – Рубен, Рубен, - продолжил он, качая головой. – Ты что, вообразил себя цадиком? Чудотворцем? Ты возомнил, что ты сильнее меня, а ведь даже сам Б-г не смог удержать меня в Аду. Что, теперь мир поддерживает твоя добродетель и радуга нам больше не нужна? Какое чудо ты сотворишь, чтобы защитить себя?

Я продолжал читать молитву, которую знал наизусть.

- Прекрати, - сказал он, и глотка у меня пересохла, а губы онемели. – Я не убью тебя, Рубен. Так просто ты не отделаешься. Ты будешь видеть, как умирают твои близкие. Как этот паренек, чьи мозги растеклись по твоему ковру. По одному соседу каждый день, до тех пор, пока ты не принесешь мне то, что мне нужно. А потом… а… потом…

Он схватился за голову.

- Я… - ноги у него подкосились, и он рухнул на пол.

От его кожи шел пар. На лице появились волдыри.

- Рубен, - позвал он меня. – Что со мной? Я не могу…

Дверь в спальню открылась. Рабби Браун окинул взглядом представшую перед ним картину: Ицхак, скорчившись на полу, цепляется за тело брата, Яаков посреди комнаты бьется в конвульсиях, я, задыхаясь от ужаса, оперся на кровать, чтобы не упасть.

- Что ж, - сказал рабби, - благословен есть Тот, кто дал нам жизнь. Все произошло так, как сказал ребе.

После этого я потерял сознание.

Джентльмены, приветствую вас от имени его святейшества, нашего господина и учителя, да живет он долго и счастливо.

От его имени я должен просить вас отложить все текущие занятия и встретиться со мною завтра в доме у ребе. Дела, касающиеся благополучия всего нашего сообщества, требуют вашего незамедлительного внимания. Дела эти грозят нам большой бедой и могут подвергнуть испытанию нашу веру и доверие Б-гу.

Я также должен просить вас от имени ребе ни с кем не обсуждать это письмо и все, что с ним связано. Ни с семьей, ни с друзьями, ни с советчиками. Да утаите вы ото всех это письмо и вызванные им последствия, как сейчас, так и до самого конца ваших жизней.

Прошу вас проявить в отношении этого послания такую же скрытность, которую я охотно проявлял по отношению к неким совершенным вами проступкам, которые стали известны мне, но, если будет на то воля Б-га, не станут известны никому другому, пока жив и хожу по Земле.

Кальман Браун

Соляная преграда

Дорогая Рахиль,

Куда бы я ни поехал, мне кажется, что они отстают от меня всего на неделю-другую. Лица разные, но всегда одинаковые уставшие, испуганные глаза. Обычно я замечаю этих людей в толпе, когда они подбираются ко мне. Я не знаю, кто они. И не знаю, как они меня находят.

Пока я приходил в себя, Моше похоронили.

Следующим воспоминанием после того, как я лишился сознания, стало пробуждение в моей собственной кровати. Комната была чисто прибрана. Тот день я провел в постели, страдая от слабости и лихорадки, но на следующее утро проснулся с ясной головой. Вскоре после рассвета я встал и оделся. Пока я молился, ноги у меня слегка дрожали, а голос плыл. Все произошедшее казалось не столько сном, сколько случайно услышанной историей о каком-нибудь незнакомце.

Рабби Браун рассказал мне, что, пока я боролся с Яаковом у себя в комнате, он с несколькими помощниками обходил улицы, растягивая проволоку. Они временно вынесли *эрув*, священную

границу нашего квартала, за пределы Бликер-стрит, чтобы включить в нее дом рабби. "Мы заперли его за ограждением, как муху в бутылке", - сказал он. Это придумал ребе. Ребе все знал о Яакове.

Я шел по Тейлор-стрит, чувствуя себя глупцом. Конечно же, ребе знал. Разве мог он, цадик, не ощутить присутствия зла? Мне с самого начала надо было пойти к нему. Если бы я не попытался справиться со всем сам, Моше был бы жив. Я шел к кладбищу, и встречные прохожие не заговаривали со мной. Они смотрели на меня с выражением, которого я не мог понять. За спиной я слышал их шепот.

Не доходя до кладбища, я увидел рабби Брауна, который махал мне рукой с противоположной стороны улицы. Когда он подошел, я не смог посмотреть ему в глаза.

- Рубен, - сказал он. – Я как раз искал тебя. Идем.

Пока мы шли, я говорил о своей вине, не в силах прервать поток слов. Грехи окружали меня. Рабби слушал, не перебивая, пока я сам не замолчал, испугавшись, что сейчас рухну в изнеможении под тяжестью горя.

- Рубен, - сказал он наконец. – В каждом грехе есть семя раскаяния. Так Господь обращает проступок в благое деяние. Разве Тора возникла не благодаря ошибкам детей израилевых? Вот мы и пришли…

Я не обращал внимания на то, куда мы идем. Теперь я понял, где мы оказались: перед фасадом заброшенного магазина на пересечении 9-й улицы и Маркет-стрит. До недавнего времени там была лавка религиозной литературы. Новые обитатели еще не успели занять помещение.

- Зачем мы пришли сюда, рабби?

Он достал ключ и отпер металлическую решетку, потом открыл переднюю дверь.

- Чтобы ты увидел последствия принятых тобой решений. Здесь тебя ждет работа во славу Б-жью. Вместе мы, во имя Его, освободим душу от захватившего ее зла.

Он быстро шагала вперед, и я последовал за ним. Мы прошли через пустую лавку в заднюю комнату. Там была узкая дверь, а за ней – лестница. Поднявшись на три пролета, мы оказались на чердаке, где рабби отпер еще одну дверь. За ней нас ждали. Там был рабби Корнфилд, наверное, самый уважаемый человек в сообществе после ребе. Там был Гершель Сильверман, учитель и ученый, чьи комментарии я читал с тех пор, как мне исполнилось 12. Там был рабби Миллер, который вроде бы должен был находиться в Западной Вирджинии, помогая переселенцам из нашего сообщества.

И там был мой брат Яаков.

Его поместили в центр комнаты, наручниками

приковав к тяжелому дубовому креслу, в которое сгрузили тело. В комнате было одно большое окно, закрытое белой простыней, и дневной свет образовывал на полу желтый квадрат, в середине которого сидел Яаков. Он казался худым, как тряпичное чучело, бледные губы были сжаты. Я боялся встретиться с ним глазами, но он не поднимал головы, уставившись в пол.

- Рабби…

- Не бойся, Рубен. Ребе все предусмотрел.

- Ребе…

- Как и сказал нам ребе, мы перенесли его сюда, за пределы *эрув*, чтобы диббук не был уничтожен до того, как освободит душу твоего брата. Мы держим его тело в нужде, чтобы он не смог призвать ужасные силы, - рабби поцеловал молитвенник, который держал в руках. – Мы обратились к подходящим текстам. Он не сможет пересечь круги.

Теперь я заметил несколько концентрических окружностей, нарисованных краской на деревянном полу. Между ними были вписаны священные буквы: пять *хе*, двойной *йуд*, 12-буквенное Имя, 22-буквенное Имя.

- Но… - я никак не мог понять, что тут происходит. – Это что… В смысле, что люди скажут?

- Никто не узнает об этом, Рубен, - сурово ответил он. – Знание о том, что здесь произойдет, мы унесем с собой в могилы.

Он подождал, не заговорю ли я, потом добавил:

- Это древнее знание. Верующие люди следуют высшим законам, а не уложениям бренного мира. Ты понимаешь?

- Вы… вы хотите сказать, что раньше уже делали что-то подобное?

Рабби покачал головой:

- Нет, Рубен. Но наши деды, прадеды, все те, кто был до нас, они знали, что нужно делать. Ребе вспомнил их слова и дал нам нужные наставления. Нам нечего бояться.

Я ожидал, что меня попросят остаться с ними и читать молитвы. Но задание оказалось более простым, соответствуя как моей неопытности, так и состоянию. Я должен был наблюдать за Яаковом между ритуалами. Помогать ему в удовлетворении физических нужд. Подносить ему воду и хлеб в тех малых количествах, которые были предписаны ребе для того, чтобы ослабить демона. Опорожнять ведро, которое ему подставили для отправления естественных надобностей. Убирать за ним, когда его вырвет. И следить за тем, чтобы он не попытался прервать свою жизнь – жизнь Яакова.

Я порадовался приземленности и унизительности этих поручений.

В тот день, когда я впервые оказался на чердаке, молитвы читались шесть часов подряд. Мужчины стояли в четырех точках, соответствовавших четырем сторонам света, с Яаковом посередине. Один из них громко читал молитву, а остальные молча раскачивались взад-вперед. Где-то раз в пять минут они сменяли друг друга. Я стоял в углу комнаты, наблюдая за ними и повторяя про себя знакомые молитвы. Таких было мало.

Прошло два часа, прежде чем Яаков заговорил.

- Рабби Браун, - сказал он. Голос его был подобен шуршанию наждачной бумаги, тихий, как птичий писк. Я не всегда мог расслышать его. – Рабби Браун, вы неправильно произносите эти слова.

- И во имя Уриила, и Рафаила, и Михаила, - читал рабби Браун, - И во имя Гавриила, и Зауриила, и Цефона, и Иммиила…

- У вас ужасное произношение. Когда мы впервые привнесли во тьму 10 сефирот, мы говорили не так.

- Господь воинств, Господь ветров, Господь вод повелевает тебе. Он, кто создал звезды на небе, Творец гор и океанов…

- По воле вашего Творца мы поместили сефирот в основание реальности, как камни кладут в основание фундамента, рабби. Разве вы не хотите овладеть всеми 32 путями? Я могу научить вас.

- Назови свое имя и положение, назови истинное имя, и звание, и воинство, по воле нашей. Повелеваем тебе назвать себя, во имя Метатрона и Офиила…

- Это просто, рабби. Так же просто, как перейти улицу. Годы и годы учебы и размышлений не дали вам ничего. Какая жалость. Но я могу вознести вас на вершину мироздания. Вы заслужили этого, рабби. Вы вели праведную жизнь. Почему бы не покинуть этот крохотный уголок мира и не посмотреть, что лежит за ним? Почему бы не перейти от оламот[24] к нешамот[25]?

Рабби Браун прервал молитву.

- *Шаддай, Шемира, Шемура*[26]*,* - прошептал он. Потом резко кивнул рабби Корнфилду, который продолжил моления.

Закончив, четверо мужчин перенесли кресло с Яаковом к узкой койке, которая стояла под скосом крыши. Тело его было податливым, как тряпка, глаза закрыты. Они отстегнули наручники и переложили его на кровать, затем приковали за лодыжку к спинке. Он даже не пошевелился.

- Оставайся с ним, - сказал мне рабби Браун. – Может дать ему хлеб и воду, которые лежат на столе, но ничего больше не давай. Мы вернемся на рассвете. Скорее всего, до тех пор он будет спать Если же он проснется, не пытайся разговорить его. Если он начнет буйствовать, позови меня. И молись как можно больше.

Я пообещал, что не подведу их.

- Себя не подведи, - ответил он с грустной улыбкой.

Поначалу сама мысль о том, чтобы остаться наедине с Яаковом, привела меня в ужас. Я думал о том, что видел тем вечером в его квартире, и исступленно молился. Потом я подтащил к койке стул. Наступила ночь. Лампочка на потолке отбрасывала пятно света, наполняя почти всю комнату тусклым сиянием. Когда я посмотрел на Яакова, страх немного отступил. Он казался слабым и беззащитным. Губы у него потрескались, кожа была желтой, почти как при желтухе, под глазами залегли темные круги. Во сне он тихонько стонал. Когда я больше не смог выносить этого, я взял часть воды, стоявшей на столе, смочил платок и прижал ткань к его губам.

Через минуту я поднял голову и увидел, что он смотрит на меня. Глаза у него были открыты, но прищурены и налиты кровью.

- Рубен, - прошептал он. Я не ответил.

- Рубен, - снова сказал он. – Я солгал тебе.

Я в недоумении уставился на него. Мне хотелось, чтобы он умолк. Но он, видимо, прочел замешательство на моем лице и продолжил, как если бы я попросил его объяснить, что он имеет в виду.

- В том ящике не было тела, Рубен. Только парик и несколько банок из-под супа, - он закашлялся, и мне показалось, что он пытается засмеяться. – Не было никакого убийства, Рубен. И никакого соседа по комнате. Все это было розыгрышем.

Я больше не мог молчать:

- Ты врешь, - выкрикнул я, не задумываясь о нелепости своих слов. – Ты пытаешься запутать меня.

- Я вру, - ответил он. – Я только что в этом сознался. Ну же, подумай. Разве можно хранить разлагающийся труп в деревянном ящике? Из-за него весь дом вонял бы, как скотобойня. Ты знаешь, как пахнет гниющая плоть? Сейчас эта вонь пропитала всю Святую землю.

- Это говорит Яаков? – спросил я. – Или проклятый дух? Я знаю, что ты такое.

---

[24] термин для обозначения различных степеней "желания получать".
[25] высший компонент души, обусловленный постижением божественного.
[26] буквально "Всемогущий", "защита", "щит".

Минуту он молчал, потом сказал:

- Прости.

- Я больше не буду с тобой разговаривать.

- Прости, - повторил он. – Тебе трудно поверить. Но мне и в самом деле жаль. Я вынужден был поступить так. Я знаю, как это звучит. Я… можно мне воды?

Я протянул ему стакан, но руки у него дрожали слишком сильно для того, чтобы удержать стеклянный сосуд. Так что я прижимал стакан к его губам, пока он пил.

- Они велели тебе не разговаривать со мной, - когда он напился, голос у него стал громче. Я не ответил. – Ну разумеется. Но они же не сказали, что мне нельзя говорить, да? Я просидел в этой комнате три дня, Рубен. И за все это время никто из твоих старейшин не удосужился выслушать меня. А теперь я вижу здесь тебя, перед которым я виноват сильнее всего. Конечно же, с моей стороны не будет наглостью воспользоваться этой возможностью и поговорить с тобой? Попытаться извиниться за то, что я сделал? Ты же не встанешь на пути у грешника, который хочет искупить свой грех? Это само по себе было бы грехом.

Я не ответил, но все же вынужден был согласиться с его логикой. Развернув стул я устроился так, чтобы не видеть его лица.

- Я очень слаб, Рубен. Это тело не получало пищи вот уже несколько дней. Долго я не протяну.

С огромным трудом я удержался от вопроса: кто не протянет? Яаков – или эта тварь в его теле?

- Ад не таков, каким ты его представляешь, - сказал он так тихо, что я едва смог разобрать слова. – Совсем не таков. Забудь про огненные озера. Забудь про каббалу и всю эту дребедень с сефиротами, которую я попытался скормить рабби Брауну. Ад – это одиночество. Ад – это ничто.

Я услышал, как он завозился на койке. Днище под ним затрещало, как если бы он попытался сесть и не смог.

- Ад, - сказал он, - это ничто. Или, иными словами, это то, что остается, когда все остальное у тебя отняли. Тепло. Холод. Свет. Тьма. Пространство. Время. Пустота. Ни одно из этих слов не годится для описания. Там у нас не было ничего. Ничего, кроме нас самих. Я не знаю, было ли это единственным проявлением милости со стороны Б-га или же жесточайшим наказанием. Все, что у нас было, это мы сами. Вообрази, каково это – купаться в чьей-то жалости, или ненависти, или гневе, или отчаянии. Через некоторые время ты уже не можешь отличить свои страдания от страданий тех, кто тебя окружает.

Он придумывает все это, сказал я себе. Мне хотелось думать о нем как о человеке с галлюцинациями, как о своем кузене, пострадавшем на войне. Или как о гипнотизере, которому на время удалось убедить меня в реальности своих видений.

- Когда я… когда Яаков учился в университете, у студентов была расхожая шутка. Почему на факультете так много подсиживаний и интриг? Да потому, что ставки слишком низкие. Так оно все и было. Запертые в пустоте, мы заключали сделки и союзы друг с другом, словно в нашей власти были целые королевства. Сильные подавляли слабых, слабые обманывали сильных. Союзы создавались, распадались, восстанавливались – и все ради чего? Чтобы убедить самих себя в том, что мы – не бессильные позабытые узники, которыми мы и являлись.

Сколько еще до рассвета? Я не носил часов. В комнате часов тоже не было. Я подумал, не сходить ли мне за рабби Брауном.

- А я, - продолжал он, - я был низшим среди низших. Мои обязанности и ранее были весьма скромны, а теперь я значил не больше, чем скамейка, которую владыки ставят себе под ноги. Я думал, что придет день, когда это изменится. Хотя дней там, само собой, не было.

Яаков закашлялся, прервав рассказ. Я повернулся, чтобы посмотреть на него. Его тело содрогалось от затяжных приступов кашля. Потом он слабым голосом попросил:

- Рубен, там еще есть хлеб?

Хлеба не было. Я отрицательно покачал головой. Он тоже покачал головой, словно подражая мне, а потом уставился в потолок. За следующие полчаса он не сказал ни слова. Потом он снова заговорил, словно и не замолкал, и голос у него был слабым, но ровным:

- Настал день, когда что-то изменилось. Перемена, после столь долгого безвременья. Мой… мой господин отправил меня к тому месту, где пустота… сузилась. Словно что-то давило на нее со всех сторон. Мой господин был слишком велик для того, чтобы пройти по этому коридору почти-пустоты. Но он повелел мне войти туда и посмотреть, не ведет ли проход, как на то указывали все признаки, к тому месту, где границы Ада соприкасаются с реальным миром.

Предвкушение, волнение, даже надежда - я так давно не испытывал этих чувств, что с трудом смог вспомнить их названия. Я запретил себе вспоминать о земном рае, но теперь передо мной была дверь, которая, возможно, вела в это утраченное королевство. Гармония. Свет. Сотворенная материя, озаренная любовью Творца. Неужели же я снова увижу это?

Так что я просил, умолял, заклинал не отправлять меня в это опасное путешествие. Я знал, что так вернее всего добьюсь того, чтобы выбор пал на меня. Владыки зашвырнули меня в эту выпуклость, повелев исследовать ее границы и доложить о результатах. А я заверил их в своей полной покорности, прекрасно зная, что даже если я заблужусь в бесконечном лабиринте, то предпочту остаться там навеки, лишь бы не возвращаться.

Я помчался туда со всей возможной скоростью. Я рвался вперед. Я пытался воссоздать в уме видения того мира, который когда-то покинул, видения первого рассвета и великолепия сада. Но ничего не менялось. Вонь ненависти, удушливый дым страха, глухая злоба, наполнявшая воздух гулом, - меня по-прежнему окружали знакомые пытки Ада.

А потом я понял, что выбрался из Ада. Я снова был в физической вселенной. Уже некоторое время.

Тут Яаков замолчал и до конца ночи не сказал ни слова.

Таким образом, мы переходим к вопросу о демонах. Многое было написано на эту тему, но мало что из написанного является правдой. А когда известна лишь доля правды, лучше не выносить ее на свет, ибо зрелище нескольких нитей ковра может ввести в заблуждение, заставив поверить, будто тебе ведом весь узор, если же некто ничего не видел, то он не сможет вообразить, будто обладает подобным знанием.

В "Зохар" говорится о трех видах демонов, которые описываются следующим образом:

Первые из них называются Незавершенными. Эти существа были созданы Б-гом в шестой день творения и, подобно ангелам, наделены умом и силой. Но шаббат настал до того, как Б-г завершил из создание, и они остались без тел и формы. Какова была их роль в творении, не ведомо никому. Они же взглянули на Человека и позавидовали ему, взревновав к приятному облику его. Они захотели отказаться от своих незримых тел и сойти к людям. И Б-г услышал об их зависти и проклял их, навеки оставив незавершенными. Незавершенные боятся Б-га и подчиняются Ему. Некоторые из них служат Ему, наказывая людей злых и неправедных. Те, кто ходит путями Г-да, может не опасаться их, если только не вызвал в них гнев недостойным обращением со священными книгами, ведьмовством или иными негодными деяниями, ибо "демоны терзают лишь тех людей, которые раздражают их", как поведал рабби Иегуда Хасид. Некоторые из Незавершенных ходят среди людей и принимают людской облик, и в таком обличье они могут жениться по законам иудейским и следовать законам Моисеевым. Царем Незавершенных является Ашмедай, также называемый Асмодеем, который взошел на Небеса ради изучения Торы и, как говорят, превзошел в мудрости самого Соломона.

Вторые – дети Лилит, той, которая была создана перед Евой и изгнана из Эдема. Ее дети числят себя среди врагов рода людского и вечно стремятся завлечь в ловушку детей Б-жьих и навредить им. Прекрасны обликом дочери Лилит, и вечно они ищут, как бы возлечь с сыновьями Адамовыми и тем самым преумножить свое число.

Третьи – Иные, те, кто обитает в Ситра Ахра[27]. Ибо все было сотворено Б-м и получило Его благословение, кроме Ситра Ахры, которая покинута Б-гом и не знает Его милости. Демоны, которые обитают там, не ведают уважения к Господу и детям Его и не заботятся ни о чем, кроме как о распространении зла и искажения.

Е. Б. Н.

Комментарий:

Рабби Н, да хранит его Господь, никогда не переставал объяснять чудеса творения и радовал Б-га проявлением великого ума, которым был наделен. Но я, в меру скромных сил моих, вынужден поправить его в том, что касается демонов и дьяволов.

Во-первых, есть лишь две разновидности, которые можно выделить среди всего множества демонов. Первые – Незримые, которых рабби Н. назвал Незавершенными. Эти создания столь многочисленны, что, стань они видимыми, воздух был бы заполнен, а земля покрыта ими. Лишь милостью Б-жьей остаются они невидимыми и неосязаемыми. У каждого из них есть своя ноша и свои обязанности, предписанные Б-гом. Эти незримые создания покорны Б-гу и не причиняют человечеству зла, если не будет на то воля Его, существуют же они лишь для того, чтобы исполнять свою роль во вселенной, понуждая людей становитсья ближе к Б-гу. При этом они могут принимать обличье, схожее с человеком или животным, но не вступают в брак с людьми и не живут среди них, как ошибочно полагал рабби Н., без сомнения, из-за неверного перевода текста Книги Сияния. Незримые не обращают свой гнев на детей Б-жьих, если те достойно обращаются с ними.

Второй разновидностью демонов являются шедим, дети четырех матерей: Лилит, Нааман, Агры и Магалат. Шедим обитают в пустошах. 2. Ночами они бродят по миру, причиняя вред тем, кто попадается им на пути, и обучая искусству волшебства и чародейства тех, кто оказался достаточно глуп для того, чтобы обратиться к ним. Жертвами шедим становятся слабые разумом, которых они оделяют золотом и серебром и на которых насылают сны, где правда мешается с вымыслом. Не принимайте от шедим ни мяса, ни питья, ни убежища, ни услуги, не смотрите им в глаза и не слушайте их, иначе они унесут вас с собой.

1. Юный рабби Л. достоин похвалы за свое упорство, но я буду молить Б-га, чтобы он никогда не столкнулся с Незавершенными. Ибо они не только могут ходить среди людей и жить с ними, но и обладают всеми свойственными людям слабостями и недостатками. Как и в случае с людьми, справедливое обращение не обязательно служит залогом ответной справедливости. Лучше вести праведную жизнь и соблюдать Б-жьи заповеди, ибо они боятся причинять вред тем, кого возлюбил Господь.

Е. Б. Н.

2. Рабби Л., похоже, забыл Писание, в котором ясно сказано, что Господь низверг демонов в преисподнюю. Или же он полагает, что врата Ада не затворены и не удерживают пленников внутри? Очевидно, как и говорит нам "Зохар", что существуют легионы демонов, которые не бродят по Земле и не летают по небу, но в цепях ожидают судного дня.

Е. Б. Н.

3. Я не настолько математически одарен, как рабби Л, и не могу объяснить, как у некоего существа может быть четыре матери. Тем не менее, я с благодарностью приму его предостережения насчет детей Лилит. Лучше не пускаться в путь ночью, ибо они всегда предпочитают тьму свету солнца.

Е. Б. Н.

[27] *арам*. "другая сторона".

Порванные узы

Следующие несколько недель мы разговаривали о том, как можно изгнать демона. Хотел бы я сказать, что мы были подготовленной боевой группой, готовой противостоять силам тьмы. Но на самом деле ни у кого из нас, кроме Лу, не было нужного опыта.

У меня был пистолет, но я ни разу не стрелял из него. Черт, да я даже ни разу никого не бил. Это упущение мы исправили. Брюс купил мне пропуск на стрельбище и взял с меня слово, что я буду каждый день там упражняться. На наших еженедельных встречах Лу пытался научить меня всем тем грязным приемам, которых нахватался за время жизни на улице.

Я по-прежнему спрашивал себя, во что же я ввязался. Мы сражались не с одной из уличных банд. Мы сражались с демонами. Чудовищами старше самого времени. Разве могли мы надеяться на победу?

Лу вечно со мной не соглашался.

- Посмотри на нас, - как-то сказал он мне. – Мы – доказательство того, что с ними можно справиться. Мой демон мертв.

Потом он ухватил меня за футболку и добавил:

- И твоему демону тоже лучше бы быть мертвым, - несколько секунд он холодно смотрел на меня, потом рассмеялся. Когда мой испуг прошел, я присоединился к нему, хоть и несколько нервно.

- Шутка, - сказал он. – Проверка, вот и все.

Проверка. Можно и так сказаться. Все дело в том, что мы не могли сказать, окончательно ли мы освободились от наших хозяев. Брюс сказал, что его демон подарил ему распятие, которое позволяет различать ложь. И воспользоваться этим распятием может только он сам. Именно вера в его способность пользоваться крестом держала нас вместе. Если он ошибся, то любой из нас мог быть предателем. Мне не хотелось думать об этом.

Бесс и Лу, похоже, доверяли Брюсу потому, что он создал группу. До этого Брюс был бухгалтером. Доступ к финансовой отчетности нескольких компаний, должно быть, сделали его ценным приобретением. Опыт общения с демонами, казалось, лишь сделал его более религиозным. Отсюда и прозвище – Преподобный.

Брюс заявлял, что его хозяин пытался обрести спасение. Якобы он выступил против своих бывших товарищей и присоединился к тем, кто хотел спасти человечество от уничтожения и обрести прощение от Господа.

В детали Брюс никогда не вдавался, но намекнул, что его демона убили. Когда Брюс понял, что свободен, он поклялся продолжить войну, которую вел его бывший хозяин. После не таких уж долгих поисков он вышел на Бесс и Лу, которые тоже лишились своих наставников.

Лу заявлял, что он сражался вместе со своим демоном. После того как он принял мистическую составляющую происходящего, все остальное представлялось ему еще одной войной банд. Только теперь банда, за которую он дрался, включала в себя все человечество.

Он настаивал на том, что демонов можно убить, и говорил, что сам помог прикончить парочку.

- Нужно только как следует обработать его, - пояснял он. – Если тело мертво, дух засасывается назад в Ад.

Иногда он усиленно намекал на спрятанные где-то в театре самодельные бомбы.

Все это казалось таким простым. Прикончить демона, расстреляв его или взорвав?

Когда я так говорил, он только качал головой и усмехался:

- Подожди, - говорил он. – Просто подожди.

Бесс, похоже, твердо верила в существование "хороших демонов". Она заявляла, что своими глазами видела, как ее хозяин пытался помочь больным и нуждающимся. Вряд ли он пытался таким образом купить себе билет назад на Небо, говорила она. Он, если только демона можно назвать "он",

действительно любил людей. Я думаю, он никогда не забывал первый полученный им наказ. Он верил, что Бог больше не наблюдает за человечеством и что теперь он, бывший ангел, должен помогать детям Адама и Евы.

Когда демон умер, Бесс лишилась не только защитника, но и семьи. Часы, проведенные вдали от дома, поставили ее брак под угрозу. После смерти демона она, должно быть, поняла, какой опасности подвергает родных.

Поэтому она рассталась с ними. Она плакала, когда рассказывала об этом. Она не могла вынести даже мысли о том, что кто-то выследит ее, а потом придет к ней домой и убьет всю ее семью. Ее поступок был продиктован не пренебрежением, но любовью. Поступок, который, как она надеялась, ее дочь рано или поздно поймет.

Оставались еще Джей и я. Мы отличались от остальных. Джей и я были рабами настоящего чудовища, одного и того же чудовища. Судя по тому, как Бесс и Лу разговаривали с нами, они нам доверяли не до конца, чего бы там ни утверждал Брюс. Иногда казалось, что Лу согласился работать со мной только затем, чтобы держать меня в поле зрения.

Со своей стороны, Джей постоянно повторял, что он ненавидит всех демонов. Может быть, так оно и было на самом деле, но я подозревал, что так он доказывал свою преданность группе. Разве может он быть предателем, если он – самый воинственный среди нас? И все же я не мог не замечать, какими глазами смотрит на него Бесс, когда он заводит свою шарманку.

Что касается меня, я был новеньким. Я не был таким же горячим, как Джей. Я был слишком тихим. Лу не раз повторял, что мне нужно больше разговаривать, иначе они решат, что я что-то против них замышляю. Шуткой это было только наполовину. Думаю, Лу хотел верить в меня, но ему нужно было быть осторожным.

Наслушавшись чужих разговоров, невозможно было поверить в то, что чудовища все же могут поступать как ангелы, которыми они некогда были. Я думаю, ничего невероятного в этом не было. Только год назад я не верил в то, что демоны ходят по Земле. Откуда же мне было знать, кто из них хороший, а кто – по-настоящему злой? Один раз я уже ошибся. Так что я доверился группе, решив, что они выведут меня на кого надо. Тогда я верил, что спасение мое заключается в поиске худших монстров из всех и уничтожении их любыми доступными средствами.

Шанс на спасение появился быстрее, чем я ожидал. Примерно через два месяца после моего вступления в группу мы собрались на нашу еженедельную встречу. На этот раз мы снова встретились в заброшенном театре.

Брюс зажег фонарь и жестами приказал нам стать в круг.

- Возьмемся за руки, - сказал он.

Лу крепко сжал мою ладонь. Я взялся за руку Джея. Бесс неохотно сжала вторую руку.

- Давайте помолимся, - торжественно произнес Брюс и склонил голову. На этот раз наши головы опустились одновременно.

- Отец нас, мы, согрешив, умоляем простить нас. Мы просим, чтобы наши поступки в грядущие недели очистили нас от скверны и сделали нас достойными Твоей бесконечной милости. Да будет так во имя Твое. Аминь.

- Аминь, - хором повторили мы.

Брюс поднял голову, мы разжали руки.

- Пол, Джей сказал, что ты проводил с Джил много времени.

Я кивнул, чувствуя непонятный стыд.

- Я... да.

Брюс слегка улыбнулся, почувствовав мою неловкость.

- У тебя нет причин смущаться. Мы понимаем. Ты когда-нибудь был у нее дома?

- Да, - ответил я. – Она жила в Николс-хиллс вместе с мужем.

- Насколько хорошо ты знаешь дом?

Слишком хорошо.

- Я знаю, где она хранила личные документы, если вы об этом.

Брюс хмыкнул:

- Ты в теме, - он посмотрел на Бесс. – Я провел небольшое расследование, просмотрел записи Берна и пришел к выводу, что Джил Уилсон интересовалась культурой чероки. Так, я знаю, что она купила несколько изваяний, созданных после Гражданской войны, - он снова взглянул на Бесс. – Из тех бумаг, которые ты мне отправила, следует, что твой демон, Константин, узнал об этом.

Бесс кивнула.

Я тоже кивнул, хотя и не мог понять, как он добыл эту информацию.

- Она часто надевала ожерелье, которое вроде бы могло принадлежать чероки, - сказал я. – Я не специалист, но выглядело оно очень древним.

- Если подумать, - добавил Джей, - она однажды отправила меня в Талсу[28] забрать какой-то сверток. Когда-то Талса была частью земель чероки.

- Но при чем тут ее дом? – спросил Лу.

Брюс повернулся к нему:

- Ну, если ее личные бумаги до сих пор там, мы, возможно, поймем, что же она пыталась найти.

[28] город в США, штат Оклахома.

- Может, она просто интересовалась искусством индейцев, - сказала Бесс. – Разве в это трудно поверить?

- Может быть, - ответил Брюс. После небольшой паузы он продолжил: – Может быть, она искала какой-нибудь артефакт или источник силы. Что-то такое, из-за чего ее убили.

- Если ее из-за этого убили, - вмешался Лу, - то откуда нам знать, может, ее убийцы там уже все обыскали?

Брюс пожал плечами:

- Ниоткуда. Надо самим посмотреть, - он повернулся ко мне. – У тебя же есть ключ?

Сердце у меня упало:

- Нет. У меня его и не было.

Брюс посмотрел на Лу:

- Тогда нам придется вломиться туда.

Лу закатил глаза:

- Я могу взломать замок, но мы говорим о Николс-хиллс. Копы арестуют меня просто за то, что я там появился.

- Бесс разведает обстановку. Когда все будет чисто, она позвонит нам…

- Нам? – спросила Бесс. – Без обид, но нам всем нужно быть там? В смысле…

Я вскинул руку.

- Да? – поинтересовался Брюс, и в голосе его проступило раздражение.

- Я знаю, где она хранила запасной ключ.

Бесс покачала головой:

- Почему же ты не сказал об этом?

- Я и говорю, - запротестовал я. Сердце забилось быстрее. Что я делаю? Собираюсь принять участие в преступлении. Даже когда я служил Джил, я никогда не нарушал закон.

- Тогда, похоже, у тебя будет шанс проявить себя, - сказал Джей.

Бесс посмотрела на меня, потом повернулась к Брюсу:

- Ладно, в доме нам всем делать нечего. Двух-трех человек хватит. Иначе незаметно мы не проберемся.

- Ее муж точно не выехал? - тихо спросил я.

Пару секунд все смотрели на меня.

- Я звонил туда вчера, и он взял трубку, - наконец ответил Брюс. – Пойдем я, Пол и Лу. Пол может провести нас в дом, а Лу способен уладить любую возникшую неприятность.

- Я могу дать тебе номера для автомобиля, - сказал Лу Бесс. – Они помогут тебе сбросить слежку.

- Мы займемся этим сегодня? – спросил я.

Брюс отрицательно покачал головой:

- Мы займемся этим в пятницу, - он посмотрел на меня. – Ее муж ходит по барам, да?

Я пожал плечами:

- Он уходил, когда я должен был зайти. Я не знаю, сейчас он ходит в бары или нет.

- Если нет, ты можешь вызвать его и сказать, что у тебя есть кое-что, принадлежащее Джил. Скажи ему, что он может встретиться с тобой где-нибудь подальше от дома. Когда он уйдет, у нас будет время обыскать дом.

Я вздохнул:

- Наверное.

- Эй, ты же не вздумал сдать назад? – спросил Лу, положив руку мне на плечо. Ничего ободряющего в этом жесте не было. – Поздновато уже.

Вообще-то все было еще хуже. Я собирался совершить преступление. Что если Трент будет дома? Что если Лу придется ударить его, или еще чего похуже? Я же стану пособником убийства. Разве так я хотел искупить свои грехи?

- Нет. Просто для меня это в новинку.

Лу на мгновение прижал меня к себе, потом отпустил:

- Ты справишься. Думай обо всех тех людях, который ты спасешь.

- Попробую.

- Я по-прежнему не понимаю, почему мы не можем отправиться туда сегодня, - резко бросила Бесс.

- А зачем спешить? – спросил Джей.

- Потому что если мы и дальше будем выжидать, - сказала она, - слишком много всего может пойти наперекосяк. В особенности с новенькими, - она посмотрела на меня. – Ничего личного.

Было в ее словах что-то странное. Я что, за два дня растеряю весь опыт или стану более уверенным? Потом до меня дошел смысл ее высказывания.

- Что ты имеешь в виду? – спросил Джей. Он встал. – Ты хочешь сказать, что Пол и я побежим к ближайшему демону и все ему выложим?

- Я всего лишь хочу сказать…

- И это говорит женщина, которая верит в *хороших демонов,* - перебил ее Джей.

Брюс поднялся:

- Хватит! – рявкнул он. – Обойдемся без этого, - он повернулся ко мне. – Пол, ты собираешься предать нас или выдать наши планы кому бы то ни было?

Несколько секунд я смотрел на Бесс. Она в ответ смотрела на меня, спокойно вынося мой взгляд. Наконец я повернулся к Брюсу. Подумай о людях, которых ты можешь спасти, сказал я себе.

- Нет, я не предам группу.

Брюс прикоснулся к распятию, потом сделал жест в сторону Бесс:

- Он говорит правду.

- Это все хорошо, но…

- Даже если им кто-нибудь управляет, распятие все равно распознало бы ложь.

Бесс перевела взгляд на меня:

- Хорошо.

Мы до конца разработали план и обсудили другие дела. Потом Брюс объявил, что мне нужно купить боеприпасы. Все скинулись деньгами. Это будет мой первый "выход за покупками", так что проблем со стороны полиции быть не должно. Если один и тот же человек постоянно будет закупаться патронами, полицейские могут что-нибудь заподозрить, так что эту обязанность поочередно выполняли все члены группы.

Да поможет меня Господь, но мы больше походили на террористов, чем на спасителей человечества.

Переступив черту

Следующие два дня пролетели быстро. Мой босс сказал, что я начинаю исправляться, но заметил, что выгляжу я уставшим. Он посоветовал мне побольше спать. Как будто у меня было время на сон.

С покупкой патронов проблем не было. Никто не скажет, что в Оклахома-сити мало оружейных магазинов.

Я радовался тому, что сейчас лето. Мне даже представлять не хотелось, как сильно пострадала бы моя учеба. Родители позвонили поинтересоваться, чем я занят. Я им соврал, сказав, что скучаю от безделья. Разве можно было рассказать им правду? Они немного поворчали и пригласили меня к себе в Мур[29]. Хотел бы я знать, увижу ли их еще когда-нибудь.

Наконец наступила пятница. Небо, последние два дня затянутое коричневой пылью, принесенной ветром из Техаса, сегодня полыхало ярко-красным закатом. Пока я ждал машину, ветер то и дело швырял мне в лицо пыль, заставляя ругаться. Я стоял рядом с пустой детской площадкой. Этим вечером детей на улице не было.

Вскоре рядом со мной затормозил автомобиль. За рулем была Бесс, на заднем сиденье я разглядел остальных. Джей открыл заднюю дверь. Я сбросил со спины тяжелый рюкзак и забрался в машину.

- Патроны купил? – спросил Лу, когда автомобиль тронулся с места.

- Ага, - откликнулся я, вытаскивая из рюкзака коробки.

- Сунь их под сиденье, - сказал Лу. – Не хочу, чтобы копы их видели.

Я начал убирать коробки под сиденье.

- Проблемы были? – спросил Лу.

- Нет. Продавец даже спросил, не занести ли меня в его список рассылок.

- Ты же…

- Разумеется, нет.

По дороге к Николс-хиллс мы почти не разговаривали. План я знал. Взять ключ, впустить остальных в дом, забрать бумаги Джил, потом убраться оттуда. Когда я думал о том, что мы собираемся сделать, у меня внутри все сжималось. Воровством в полном смысле слова это не было. Джил мертва, а информация может нам помочь. И все же все прежнее мое воспитание восставало против таких поступков. Смешно, но я боялся согрешить – я, который не так давно добровольно служил посланнице Сатаны.

Впечатление было такое, что церкви в этом районе стояли через каждые несколько кварталов. Зачем городу столько церквей? Даже на некоторых вывесках виднелись аккуратно выведенные цитаты из Библии. Возможно, это был знак от Господа. Я не знал.

Я не успел окончательно известись, как мы добрались до Николс-хиллс, богатого пригорода Оклахома-сити. Оставлять грузовой пикап на улице рядом с особняками стоимостью в несколько миллионов долларов запрещено законом. Моя мать называла такие места пристанищем снобов. Я считал, что местные жители просто-напросто озабочены тем, как они выглядят в глазах окружающих. Похоже, никто кроме нас не знал, что за тварь скрывалась здесь.

Бесс подняла голову от карты.

- Это где-то здесь.

Справа от себя я увидел знакомый дом. Над входной дверью горел свет, сам дом был погружен во тьму. Я указал на него:

- Вот он, - я сделал глубокий вдох. Теперь пути назад и в самом деле не было. – Лу и Брюс могут подождать на крыльце. Оно закрыто со всех сторон, так что вас там видно не будет. Я принесу ключ. Я здесь уже бывал, так что не должен вызвать у соседей подозрения.

Брюс посмотрел на Лу.

- Вроде годится, - ответил тот.

Бесс остановила машину почти притирку к бордюру.

- Дай нам 15 минут, - сказал ей Лу. – Потом подберешь нас у следующего перекрестка.

[29] южный пригород Оклахома-сити.

"Ну же, давай", - приказал я себе. – "Действуй, во благо всех людей".

Брюс открыл дверь:

- Пошли.

Я распахнул дверь со своей стороны и выбрался наружу. Мы не таясь пошли к бывшему дому Джил, у каждого на спине был рюкзак.

"Мы ведем себя так, словно находимся тут по делу", - подумал я. – "И мне тоже надо так себя вести". Так что я быстро догнал остальных и, больше не отставая пошел вместе с ними к дому. Я помнил, как пробирался сюда раньше, когда ее дом манил меня. Теперь же он казался насторожившимся желтым двухэтажным чудовищем. Оставалось надеяться, что без Джил он будет подобен пустой скорлупке.

Отделившись от остальных, я направился к клумбе. Я хотел было заговорить, но Лу жестом приказал мне молчать. Подойдя к декоративным булыжникам, я взглядом нашел четвертый камень от дорожки. Мысленно я взмолился: "Господи, пусть ключ будет на месте. Сделай так, чтобы Трент не нашел его. Пожалуйста, пусть все получится".

Прошептав "Аминь", я опустился на колени и поднял булыжник. Из-под него что-то блеснуло. Я протянул руку и нащупал ключ. Теперь он был грязнее, чем раньше, но все-таки он был на месте. Прежде чем я успел перевести дыхание, на крыльце зажглась лампа, залив весь передний двор резким белым светом. Я посмотрел туда и увидел, что Лу и Брюс стоят, не двигаясь с места. Я бросился к крыльцу. Если Трент был дома, возможно, я смог бы что-нибудь сочинить. Когда я добежал до передней двери, там никого не было. В доме по-прежнему было темно.

- Автоматическое освещение, - прошептал Лу.

Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, я поднес ключ к замку.

- Перчатки, - шепнул мне Лу.

На секунду я запаниковал. Как меня угораздило забыть? Я быстро натянул пару резиновых перчаток.

Ключ медленно повернулся в замке. Услышав тихий щелчок, я осторожно открыл дверь и вошел. Все тот же старый коридор, даже в темноте. Ничего не изменилось. Одно болезненное мгновение я ожидал увидеть Джил, плавно спускающуюся по лестнице. Хуже всего было то, что я испытывал сожаление каждый раз, как вспоминал, что ее больше нет.

Я кивнул Брюсу и Лу, и мы вошли. После того, как я закрыл дверь, Брюс включил фонарик. Рассеиватель был закрыт красным фильтром, чтобы уменьшить яркость и снизить вероятность того, что нас заметят.

- Сюда, - сказал я, направляясь к лестнице. Когда мы начали подниматься по ступеням, я заметил, что сигнализация отключена. Мне это показалось странным, но Джил не раз говорила мне, что Трент бывает ужасно забывчивым.

Мы пробрались наверх и повернули к кабинету Джил. Меня удивляло то, как мало изменилось это место. Я открыл дверь и придержал ее, пропуская остальных.

Лу проскользнул в комнату. К тому времени, как я подошел к нему, чтобы посветить, он уже взломал замок и теперь копался в аккуратно сложенных бумагах в самом верхнем ящике стола.

Мы зарылись в ее папки, запихивая все найденные документы в рюкзаки. Счета, ненужные бумажки, письма, все подряд. Времени перебирать их у нас не было.

Я вспомнил, какое впечатление произвел на меня ее кабинет. Он казался таким официальным, таким строгим. Я уже начинал чувствовать себя вандалом.

Мы уже провели там минут 10, может, 15, когда до нас донесся шум. Впечатление было такое, словно кто-то вошел в заднюю дверь. Мы замерли, не решаясь дышать и вслушиваясь в чьи-то шаги.

Брюс ткнул пальцем в Лу:

- Иди проверь.

Лу вытащил пистолет и направился к двери.

Брюс посмотрел на меня?

- Прикрой его. Я закончу со столом.

Сердце у меня замерло, но я потянулся к рюкзаку и вытащил из него пистолет. Рука дрожала. Я не хотел никого убивать, но я буду делать то, что потребуется.

Лу и я пробрались к лестнице. Он жестом направил меня к комнате, где стоял телевизор. Мы разделились, и я пошел вперед. В комнате было темно, как в угольном чулане, но я помнил расположение мебели. Медленно я пробирался вперед, надеясь, что не врежусь во что-нибудь.

Внезапно раздалась череда громких хлопков. Я невольно задержал дыхание, а потом понял – увы, слишком поздно, - что наступил на пленку с пузырьками, расстеленную в проходе. Зажегся свет, на мгновение ослепив меня.

- Привет, Пол, - это был Трент.

Он стоял передо мной с пистолетом в руке. Я его едва узнал. Он был хорошо одет, как и всегда, но теперь его кожа сияла тем здоровым блеском, которого я раньше не замечал. Он выглядел намного лучше, чем я ожидал от вдовца Джил.

- Зачем тебе пистолет, Пол? – спросил он с улыбкой. – Собираешься убить меня?

Я опустил ствол.

- Нет, - в моем голосе слышалась нервозность. – Я подумал, что ты – взломщик.

Трент хмыкнул:

- Я подумал то же самое – но это же мой дом, в конце концов. Что *ты* здесь делаешь?

Я выдавил из себя улыбку:

- Хотел вернуть запасной ключ, который мне дала Джил.

- Мог бы бросить его в почтовый ящик.

- Ага, - ответил я. – Но ты сказал, что меня всегда здесь рады видеть. Я хотел дождаться тебя, - я сделал паузу. – Хотел поговорить с тобой о Джил. Я…

- Оставь это, - буркнул Трент, берясь за пистолет обеими руками. Он направился ко мне, выйдя из прохода, который вел в кабинет на нижнем этаже. – Я тоже хотел поговорить с тобой о Джил. И обо всех тех случаях, когда ты заявлял, что вы были только друзьями. Что между вами ничего не было.

По спине у меня пробежали мурашки.

- Ты же врал, да?

Голос вдруг стал хриплым:

- Трент, пойми…

- Скажи мне.

Я вспыхнул:

- Да. Между нами кое-что было. Не знаю, как объяснить…

- Думаю, ты удивишься, когда узнаешь, во что я готов поверить, - он направил пистолет мне в голову. – Видишь ли, я верил ее иллюзиям и вранью. Я думал, что все просто прекрасно. Она заставила меня так думать, понимаешь ли.

- Понимаю, - сказал я. – Я хочу…

- Не надо! – рявкнул Трент. – Не надо тебе ничего объяснять, потому что теперь я сам все вижу, - он рассмеялся, и в смехе его мне послышалась истерическая нотка. – Я различаю ложь. Я знаю, кем она была, и знаю, кто ты такой.

Он еще на шаг подошел ко мне. Меня бросило в дрожь:

- И кто я, по-твоему?

Он прицелился:

- Чудовище. Чудовище, которое она создала.

Я затряс головой:

- Больше нет. Она втащила меня во все это. Я не мог сопротивляться.

- У тебя был выбор, но ты ошибся.

- Знаю. Теперь знаю. Прошу тебя, выслушай. Я пытаюсь исправить то, что натворил.

- Расскажешь это Господу, - сказал Трент.

- Оставь его, - из коридора раздался голос Джея.

Трент, застигнутый врасплох, повернулся и быстро выстрелил в Джея, но промазал, выстрелом разбив стекло на каком-то индейском рисунке. Я вскинул пистолет, но Трент уже успела снова взять меня на прицел. Я выронил оружие. Он начал отступать по направлению к кабинету.

- Очень умно. Ангел запретил мне убивать безоружных.

У меня отвисла челюсть:

- Господи Иисусе! Трент, ты же не…

В этот момент в коридор выскочил Лу. Он схватил Трента сзади, приставив ему нож к глотке:

- Бросай пушку, или я тебя порежу, - потребовал Лу.

Трент уронил пистолет. Лу начал оттаскивать его от кабинета. Джей бежал впереди нас.

- Нам нужно убираться отсюда! – крикнул Джей, когда я нагнулся, чтобы подобрать свой пистолет.

Лу кивнул:

- Ну, ну, приятель, мы не причиним тебе вреда. Мы просто позаимствовали кое-какие бумаги…

- Нам пора уходить, - сказал Джей.

По комнате пронесся порыв ветра. Джей, пятясь, вышел из кухни. Лу дернул головой и внезапно рухнул на пол, получив удар сзади – словно из ниоткуда.

Лицо врага

Я обернулся. Из кухни появился высокий, невероятно худой человек. Потом я разглядел его нечеловечески большие птичьи глаза и понял, что человеком он не был. Трент бросился к нему. Я заметил, что пришелец окружен потоками воздуха.

- Скажите мне, кто вы и на кого работаете, - приказало это существо, и голос его был подобен холодному железу.

Я прицелился, стараясь скрыть страх. Демон обвел нас взглядом:

- Кто ваш хозяин? Говорите.

- У нас нет хозяина, - прохрипел я.

- И нового мы не ищем, - добавил Лу. Он встал. – Мы знаем твою тайну.

- Которую? – насмешливо поинтересовался демон.

- Что ты, говнюк, так же можешь истечь кровью, как и мы!

Монстр двинулся к нам, словно скользя в потоке ветра.

- А я могу убить вас одним словом. Не искушайте меня.

Лу навел пистолет на Трента:

- Давай проверим, как ты справишься без одной из своих шестерок.

Снова задул ветер, постепенно набирая силу.

Демон начал что-то говорить, когда на него набросился Джей, размахивая охотничьим ножом. Тварь посмотрена на Джея и произнесла какое-то непонятное слово. Джей рухнул на колени, хватая ртом воздух. Еще до того, как он упал на пол, лицо у него стало бледным, почти белым. Он свернулся калачиком, подвывая от боли.

Первый выстрел сделал Лу. Я тут же присоединился к нему. Одна из пуль вошла в тощий торс твари. Из дырки начала сочиться кровь.

Одним взглядом демон поднял в воздух все содержимое книжной полки и обрушил его на нас. Книги сыпались на меня градом, заставляя отбиваться. Когда книгопад закончился, я повернулся, снова поднимая пистолет. Что-то ударило меня в лицо. Нос хрустнул, и только потом пришла боль. С залитым кровью лицом я шарахнулся назад.

- Скажите, кто послал вас, или ваш друг умрет, - прошипел демон. Судя по голосу, пулевое ранение не причиняло ему особых хлопот. Почему-то это напугало меня сильнее, чем любое проявление ярости.

- Хрен тебе! – проорал Лу. Он снова выстрелил, проделав в твари вторую дырку. – Я не хочу тебя убивать, но…

Внезапно стало темно. Даже уличные фонари погасли. На мгновение все замерли. Я попытался нащупать свой рюкзак, чтобы достать оттуда фонарик.

В этот момент что-то вломилось в комнату через застекленный эркер. Я различил черную тень длиной примерно в девять футов, метнувшуюся к демону. Весь дом задрожал, когда она накинулась на свою жертву – и тут же отлетела к стене, отброшенная потоком воздуха.

Лу направил на новую тварь фонарик. Я в ужасе открыл рот. Все ее тело покрывала сбившаяся черная шерсть, на которой кое-где запеклась кровь. Лицо представляло собой кошмарное сочетание человеческого облика с мордами льва и гиены. Красные глаза отражали свет.

- Убирайтесь, - пророкотала тварь. После этого она снова набросилась на демона, и оба они вывалились через дверной проем в кухню.

- Идем! – крикнул Лу.

- А с Джеем что? – спросил я.

- Вытаскивай его.

Я подбежал к Джею, которого Лу высветил фонариком, и взял его за руку. Кожа у него была горячей. Лу ухватил его за вторую руку, и мы потащили его по коридору к выходу.

За нашими спинами грохотала настоящая буря, грозящая разнести дом по кирпичику. Демоны орали друг на друга на языке, которого я не понимал. Эти звуки разрывали воздух, по всему дому дребезжали окна. И я угрожал одному из них *пистолетом*?

Я увидел Брюса, бегом спускавшегося по лестнице. Вид у него был потрясенным и испуганным.

- Уходим отсюда! – крикнул я.

Он открыл перед нами дверь. Снаружи, на подъездной дорожке, стояли люди – на некоторых из них были халаты - и пялились на дом и на нас.

Может, все дело было в адреналине, а может, я был слишком напуган, чтобы беспокоиться из-за такой ерунды, но голос у меня зазвучал громко и отчетливо.

- Кто-нибудь, позвоните в полицию! – рявкнул я, пока мы волокли Джея вниз по ступенькам.

- Что случилось? – спросил мужчина лет сорока, когда мы добрались до лужайки перед домом.

- Тренту нужно… - начал я.

Но не успел я договорить, как один из демонов проломился через крышу, словно им выстрелили из пушки. Когда обломки улеглись, тварь выпрямилась и распахнула огромные совиные крылья. Грациозно скользнув к земле, она легко, как перышко, приземлилась в нескольких ярдах от нас. Толпа в ужасе смотрела на нее. Пожилая пара упала на колени и начала молиться. Мы побежали дальше.

Внезапно часть стены дома рухнула, разбрасывая обломки кирпичей и дерева, и в проломе появился второй демон. Он накинулся на крылатую тварь. Зрители, закричав, бросились бежать.

Мы добрались до перекрестка, где нас ждала Бесс.

- О Господи! – воскликнула она.

Я запрыгнул в машину и затащил за собой Джея. Брюс устроился на переднем сиденье.

- Трогай! – приказал он.

Лу едва успел заскочить внутрь, когда Бесс сорвалась с места. Уезжая, мы слышали позади себя шум битвы.

- Что случилось? – спросила Бесс. – Джей сказал, что он что-то заметил, и ушел.

Мы были слишком потрясены, чтобы отвечать. Примерно минуту все молчали. Потом я пощупал лоб Джея, лежавшего на коленях у меня и у Лу.

- Ему нужен доктор, - наконец сказал я.

- Я одного знаю, - ответил Лу. – Он мне должен.

Я откинул голову назад, на спинку сиденья.

- Похоже, мне тоже нужен доктор.

- Он и тебя посмотрит. Не переживай.

Не переживай? Мы только что столкнулись с нашим первым врагом и проиграли. Если бы не *еще один* демон, мы бы уже были мертвы. Переживать? Можно подумать, мне не о чем переживать.

Я закрыл глаза, поддаваясь навалившейся усталости. За шумом движения я слышал – и готов в этом поклясться, - как Джил зовет меня. Я распахнул глаза, но за окнами машины была только ночь.

Друзья и соседи

Пелхэм сказал, что ему надо проверить эту "тварь" и что он позвонит нам, когда закончит. Мы дожидались его в грязном гостиничном номере недалеко от Трентота, штат Нью-Джерси. Ощущение было такое, словно нас заперли в клетке. Мне каждую ночь снились сны. В них я видел Дьявола, и у него было много лиц. Иногда он был тем водителем. В другие ночи мне являлся Оверхольт. Несколько раз он даже предстал в облике карикатурного Сатаны с хвостом и вилами, но менее пугающим от этого не стал. Каждое утро я просыпался в поту, хотя в номере было холодно, и решал, что надо уезжать отсюда. Но так никуда и не уехал. Вместо этого я ходил по комнате. Или шел на заправочную станцию за углом. Или ворочался в кровати.

Как ни странно, но глотки мы друг другу не перегрызли. Хотя были недалеки от этого. Несколько раз Спаркс и Томми уже готовы были броситься друг на друга. До драки дело не дошло, но оба они явно не собирались отступать. Спаркс начинал вспоминать тот случай с монстром, когда Томми сидел у него на руках и плакал, как младенец в засранном подгузнике. Томми на это сказать было нечего, но он по-всякому обзывал Спаркса – кроманьонцем, неандертальцем или дикарем. Справедливости в этих высказываниях не было ни на грош.

Я их обоих и любил, и ненавидел. И кое-что узнал о них. Томми недавно переехал из Род-Айленда. Он вместе с женой и дочерью – трехлетней Лизой – перебрался на юг, где собирался руководить магазином компьютеров. Выходило, что он видел, как Оверхольт забрал девочку, и жена его после этого так и стала прежней. Сломавшаяся женщина, живущая со своей матерью, не желая ни говорить, ни принимать пищу. У меня создалось впечатление, что он ввязался во все это не столько ради дочери, сколько ради жены.

Спаркс, наоборот, взялся за это дело из-за детей. Насколько я понял, он не слишком-то любил свою жену. Томми как-то сказал мне, что Спаркс, как ему кажется, из того сорта людей, которые поколачивают своих супруг, но я так не считал. В любом случае, он хотел вернуть своих ребят. Они были светом его очей, его отрадой. Они быстро бегали, играли в футбол, встречались с девушками – а через них, думал я, все это было доступно и Спарксу. Так что, когда они исчезли, настало время поиграть в героя.

Мы уже готовы были сдаться. Мы почти не ели. Сон стал давно забытым воспоминанием. И все время мы были одержимы одной и той же невысказанной мыслью – *чудовища существуют*. Они забрали наших детей. А мы слабы, глупы и бессильны.

Прошло две недели, прежде чем раздался звонок. Когда зазвонил телефон, мы чуть не обоссались. Я взял трубку, ожидая, что на том конце провода будет дьявол, который произнесет мой смертный приговор, но это был Пелхэм.

По следу

Зима в Новой Англии, скажу я вам, это та еще жестокая сука. Все вокруг было серым и промозглым, взгляд то и дело натыкался на грязные сосульки, с которых, как с отравленных кинжалов, падали мутные капли. Я ненавидел эту зиму и ненавидел себя за то, что оказался здесь.

Пелхэм подъехал к мотелю. У него была новая машина, которая заменила фургон от "Аэрборн". Теперь он водил коричневый (точнее уж, цвета дерьма) Олдсмобиль Катлас 88 года. Эта приземистая уродливая машина повезет нас к нашей смерти – или к нашим детям. Мы забрались внутрь.

Он снова вручил нам картонные папки, как какой-нибудь сержант, раздающий приказы. Внутри были черно-белые фотографии. Крупный мужчина в рубахе с пуговицами на воротнике – галстука не было, только подтяжки. Над ушами, за которые цеплялись дужки очков в проволочной оправе, торчали пучки волос. Он стоял у трибуны, разговаривая с мужчинами в костюмах. В верхней части снимка маркером было выведено имя: Оливер Беттс.

Пелхэм коротко рассказал о нем. Беттс был политиком из Пенсильвании, денежным мешком, который нажил свое богатство, облагая налогами средний класс и пальцем не трогая крупных шишек

с толстыми кошельками при условии получения от них "пожертвований". Беттс был нечист на руку, но и негодяем его назвать не получалось. Судимостей нет, в связях с проститутками и раскуривании травки не замечен, предпринимал кое-какие попытки по реформе местной системы образования. В этом не было ничего особенного. Выделялся он тем, что сидел на поводке у какого-то монстра.

- Что ты, черт тебя побери, хочешь сказать? Что кто-то из людей *помогает* этим тварям? – спросил я.

Пелхэм только рассмеялся в ответ:

- Да, а почему нет? Они дают силу. Влияние. Почему бы не упасть им на хвост и не урвать кусок? Беттс – один из таких. Заурядный политик, президентом ему не стать. Но своего он не упустит.

- Ну а нас-то это как касается? – спросил Томми. Я посмотрел на него и заметил, как блестят его глаза. Что-то в парнишке изменилось. Вот только я не мог понять – что.

- Беттс финансирует школы, - сказал Пелхэм. – И я сейчас говорю не о художественных школах. Красные школы. Скромный проект Оверхольта. Беттс вкладывает деньги и получает влияние, власть и голоса. На первый взгляд он кажется этаким добрым дядюшкой, который помогает детям получать образование. Но поскреби краску – и под ней увидишь гниль. Этот выродок помогает мучить детей, а не учить их. Готов поспорить, он может вывести нас на вожака.

Спаркс стиснул зубы:

- Что такое эти Красные школы? Там мучают наших ребят? Зачем, черт возьми? Чего им надо?

Пелхэм пожал плечами. Он свернул на мост, за которым уже начиналась Пенсильвания, и внезапно мы оказались в окружении антикварных магазинов и ресторанов – в одном из тех мест, где охотно принимают туристов.

- Я сам точно не знаю, чем занимаются Красные школы. Я только знаю, что там крутятся большие суммы и что дети продолжают пропадать. Наши дети. Их минимум семь – школ, я имею в виду. Их по всей стране содержат уроды типа Оливера Беттса. Вы, ребята, не откажетесь наведаться к нему, верно?

Первым заговорил Томми:

- Черт, нет. Как по мне, так к нему и стучаться не надо, обойдется.

- Отлично, - сказал Пелхэм. – Мне это нравится. У Беттса дом в 15 минутах езды отсюда. Я слышал, что его жена и трое детей сейчас в горах, катаются на лыжах. Так что он должен быть один. Возможно, у него найдутся какие-нибудь файлы или документы, которые помогут нам выйти на одну из школ. Если же нет, мы заставим его говорить.

Его слова эхом звенели у меня в голове – *жена, трое детей.* Чей-то тихий голосок шепнул: "Он не чудовище. У него есть семья, как и у тебя". Но я загнал эту мысль как можно глубже. Такие разговоры ни к чему хорошему не приведут. И Трейси не помогут. Если бы мать Тереза знала, где моя дочь, я бы все равно пошел на что угодно, лишь бы узнать ответ.

По крайней мере, я пытался убедить себя в этом.

Преступление и наказание

Беттс был на улице – посыпал солью выложенную булыжником дорожку, ведущую к шикарному дому. Тоненький голосок у меня в голове снова пробудился и поинтересовался: "Ну и что насчет этого типа, который не боится запачкать руки и охотно занимается такой ерундой? Не слишком-то похоже на обнаглевшего политика, а?" Я опять проигнорировал его.

Дом располагался посреди большой пустоши. Мы свернули на извилистое, скользкое шоссе, которое то поднималось на вершины холмов, то бежало вниз, и в конце концов выехали к длинной подъездной дороге, обсаженной по бокам соснами. Там было тихо – никакого движения, никаких звуков, кроме чириканья нескольких птиц.

Когда мы выбрались из машины, Беттс с любопытством посмотрел на нас. Выглядели мы, скорее всего, как кучка оборванцев. Я не был в душе три дня, но он лишь улыбнулся нам:

- Заблудились? – спросил он, опуская на землю мешок с каменной солью.

- Да, - ответил Пелхэм, а когда Беттс подошел поближе, с силой ударил его в челюсть. Беттс отлетел назад, из разбитой губы потекла кровь, заливая зубы. Он не закричал, не позвал на помощь. Возможно, знал, что толку от этого не будет. Или же знал, что пришло его время.

Томми налетел на него, как муха на дерьмо. Он пнул Беттса, и старик повалился на спину, как мешок с картошкой. Во все стороны полетела снежная каша. Томми продолжал наносить удары. По почкам, по животу. Лицо у него перекосилось, и я подумал, не пытается ли он наверстать упущенное тогда, в Шарлотт. Что-то в нем сломалось, решил я. И мне это не слишком нравилось.

- Тащите его внутрь, - сказал Пелхэм, указывая на Спаркса и Томми. Они потащили Беттса в дом, а он отбивался и что-то бормотал разбитыми губами. Потом Пелхэм посмотрел на меня:

- Уилл, ты – крепкий парень. Я хочу, чтобы ты этим занялся.

- Что?

- Ты понял. Избей его. Поколоти, только кости не ломай. Он будет визжать как свинья, если ты возьмешься за него, как считаешь?

Я ушам своим не верил. Сердце громко бухало у меня в груди, во рту пересохло, словно туда натолкали ваты. Пытка. Вот зачем мы сюда приехали. И он хочет, чтобы я за это взялся? Смотреть, как кто-то выполняет грязную работу, - это одно, но самому пачкать руки? Я знал, что могу превратить старика в отбивную, и Пелхэм это тоже знал. Но я не хотел. О чем и сказал ему.

- Ты не собираешься этого делать? – спросил Пелхэм, прищурившись так, словно не понимает меня. – А как насчет твоей дочери?

- А что насчет моей дочери?

Он закатил глаза:

- Да ничего, Уилл. Я тут в основном про похищения, жестокое обращение, а то и изнасилования говорю. Думаешь, в этих школах есть тихий час? *Они похищают детей*. А этот хуесос вкладывает туда деньги. *Мы, блядь, говорим о детях*! Не хочешь посмотреть, как его будет крючить?

В некотором смысле, я этого хотел. Я представил себе, что могу с ним сделать. Если я над ним поработаю, у него во рту не останется ни одного зуба, это я мог сказать точно. А если я дам волю гневу, загнать его назад под спуд будет не так-то просто. Но часть меня противилась такому решению. У этого человека были жена и дети. Он посыпал солью подъезд к собственному дому. Что-то во всем этом казалось мне неправильным.

- Я не могу, - сказал я. – Возможно, если ты дашь мне доказательство…

- Доказательство? Господи, у нас нет времени для доказательств. Я думал, ты в деле. Ладно. С работой справятся те двое. Ты жди здесь. Но если мы получим информацию, тебе придется решать, с нами ты или нет. Мне не нужны люди, которые боятся делать то, что от них требуется, слышишь? Томми в игре. Я думал, ты тоже.

- Слушай, Пелхэм, - начал я, но он уже умчался прочь. Он вошел в дом и захлопнул за собой дверь. Похоже, меня внутрь не приглашали.

Признания

Они вышли из дома где-то через час. Я ждал снаружи, большую часть времени расхаживая по дорожке туда-сюда и жалея о том, что у меня нет сигарет. Я не курил с тех пор, как был подростком, но стоя здесь, на холоде, охотно сделал бы пару затяжек.

Когда дверь открылась, первое, что сделал Пелхэм, это вручил мне пачку денег. Толстую пачку. Сотни и двадцатки, судя по всему. Я увидел, что те двое тоже держат в руках такие же пачки и пересчитывают купюры.

- Что это за хрень? – спросил я.

- Деньги, - ответил Пелхэм, словно я был идиотом. – У Беттса в стенке был сейф. Вытянуть из него нужную комбинацию оказалось не так уж и сложно. Как и все остальное.

Они направились к машине. Я встал у них на пути, вскинув руки:

- Ого, мы что, теперь воры? И что там с нашим политиком?

Спаркс просто обошел меня, глядя на мокрый снег сбоку от дорожки:

- Томми, э, его слегка порезал, а потом…

- Я перерезал ему глотку, – сказал Томми. Гордости в его голосе я не уловил, но что-то сродни ей там было. Вроде ее кузины, да. Словно он взялся за что-то, к чему я и близко не подходил, успешно справился с работой и теперь рад тому, что может утереть мне нос. Спаркс был похож на побитую собаку. Возможно, до него начало доходить, что его взяли в игру, правила в которой устанавливает не он. Пелхэм стоял у автомобиля, облизывая большой палец и пересчитывая деньги. Пачка купюр тяжело лежала у меня в руке. Потом я увидел. Кровь на кромке верхней купюры. Кровь Беттса.

Пелхэм довольно хрюкнул. Часть меня ненавидела этого парня. Мне хотелось ударить его за то, что он втянул меня в этот кошмар.

- Ройс, - сказал он. – Я знаю, что ты не так все представлял. Мы получили информацию. По школам. Одна в Детройте. Одна в Массачусетсе. Мы проверим обе, но на это нам нужны деньги. Нам не платят зарплату, усек? У нас даже нет постоянного адреса. Так что, когда мы натыкаемся на богатого урода вроде Беттса и у нас появляется шанс заправить машину и, может, заплатить за посещение неоложки, надо пользоваться случаем. Дело не в деньгах как таковых, но они нам нужны.

- Ладно, ладно, - пробормотал я. Сукин сын говорил дело. Если одного из нас ранят, что тогда? Чем мы будем платить за гребанные гостиницы, в которых придется ночевать? За бесплатно ничего не дается, но мы, черт побери, вели себя как настоящие нахлебники. Клещи на спине у собаки. И все же знакомый тоненький голосок тихонько нашептывал мне, что было во всем этом что-то

неправильное, что-то такое, чего я до конца не понимал, что-то… Я затолкал его поглубже в подсознание и решительно сказал остальным:

- Ну что, едем?

Я знал, что в конце концов наступил развязка. Что меч, занесенный над моей головой, рано или поздно опустится. Мне только оставалось надеяться, что когда это случится, я верну дочь.

Слишком много времени прошло, прежде чем нам понадобилось куда-то ехать или что-нибудь делать. Три долгих месяца, когда ты ешь потому, что нужно, а не потому, что хочется. Почти 90 чертовых ночей, проведенных в номерах мотелей, в чужих гостиных, когда ты не можешь почистить зубы, даже если уверен, что от твоего дыхания мухи дохнут. Никто не смеялся. Не шутил. Чтобы вызвать улыбку у нас на лицах, нас понадобилось бы пристрелить, потом подождать, пока пройдет трупное окоченение, и пальцами раздвинуть нам губы в ухмылку. Так много невысказанных угроз. Дьяволы, стучащие в дверь. Дурные сны, от которых не получается пробудиться. Полицейские, идущие по следу. Судьи и присяжные, готовые отправить нас в тюрьму. В конце концов, мы были преступниками. От одной этой мысли у меня начинало колотиться сердце.

Я никогда не был в Детройте и никогда больше туда не поеду. Город был подобен гноящейся язве на теле страны. Говорят, там есть и красивые районы, но черт нас побери, если мы их видели. Мы червяками проползли в подбрюшье города, чтобы поговорить с настоящим мешком дерьма. Первый встреченный мной торговец героином. Это было интересно. Тощий белый парень с такой бледной кожей, что я даже удивился, не увидев дерьма, текущего у него по венам. Пелхэм сказал, что этот Арти кое-что знает и работает у Оверхольта наблюдателем. Он выслеживал детей, которые легко могли "потеряться", потенциальных "учеников" Красных школ, о которых я столько слышал. Пелхэму нужна была информация, и мы ее получили.

Арти пытать не понадобилось. Немного "зелени" – и он сам разговорился. Похоже, его верность была отдана экономике США, а не Оверхольту. В каком-то переулке, где воняло как на помойке, дилер рассказал нам, что сам он не знает, что такое эти Красные школы, но в Детройте есть одна такая была. Она переехала. Они постоянно переезжают, как он сказал. Оверхольту нужны были дети, чье исчезновение не вызвало бы большого шума, и его вполне устраивало, что их накачивали какой-нибудь дрянью. Видимо, так дети становились более "покладистыми". Меня это разозлило. Они что, вкалывали моей девочке какое-то дерьмо?

- Так вот, - сказал Арти. – Я не против вам все рассказать. У меня свои интересы. В игре есть кое-кто еще, сечете? Такой же крутой, как и Оверхольт. Такой же, как он, если вы понимаете, о чем я. Наркобарон в гребанной Бирме, с нехилой армией, по-крупному торгует героином. Я в его команде. И Оверхольту я не должен *ничего*.

Пелхэм сказал, что это здорово, и поблагодарил Арти за информацию. Мы ушли оттуда, и тогда он сказал мне вернуться в переулок и убить дилера. Я ответил, что не понимаю его.

- Он, может, и не в команде Оверхольта, - объяснил Пелхэм, - но он все равно выбрал не ту сторону. Демон – это демон, Ройс.

Потом он напомнил мне о дочери, но, честно говоря, необходимости в этом не было. Я мысленно представлял ее в сотне разных обличий – избитую, в кровоподтеках, накачанную наркотой, кричащую, улыбающуюся, плачущую, с пустыми глазницами, с отрезанными веками, с зашитыми глазами. И каждое новое лицо усиливало мой гнев. Томми сказал было Пелхэму, что сам со всем разберется, но я, не дожидаясь, пока он замолчит, развернулся и вернулся в переулок. Когда Арти спросил, чего еще мне надо, я сжал руками его цыплячью шейку и задушил его. Тело я оставил лежать на мусорной куче. На секунду я почувствовал себя лучше, но по-прежнему продолжал видеть постоянно меняющееся лицо дочери.

Я услышал, что позади меня кто-то есть, и резко обернулся. Но там был всего лишь Пелхэм. Он улыбнулся и пожал мне руку, словно я только что прошел какую-то инициацию. Потом он проверил карманы Арти, забрал деньги, которыми мы заплатили за информацию, и еще кое-какую наличность, и мы двинулись прочь.

Ошибки

После этого я видел разные части страны, но в памяти остались далеко не все из них. Большую часть времени я находился в каком-то оцепенении, которое затронуло и мои глаза. Все, что я видел, будь то горы Поконо[30] или вонючие болота Джорджии, просто проходило мимо меня. Как масляная пленка на воде. Не держится на одном месте, ни с чем не смешивается.

Мы разговаривали со все новыми и новыми "компаньонами" Красной школы. Банкир из Фремингема. Бухгалтер в Олбани. Школьная учительница в Милуоки, мужчина-проститутка в Гэри. Люди, которые, по словам Пелхэма, выкормили чудовищ – или Оверхольта напрямую, или тех, кто работал с ним. И слово "разговаривали" я тут употребляю в переносном смысле. Разговоры мы вели с помощью кулаков, угроз и крови. Уйти от нас удалось только учительнице, которая, прежде чем выбежать в дверь патио, воткнула Спарксу в руку острый столовый нож. Жаль, что мы ее упустили, потому что она была одной из худших. Она притворялась милой доброй дамой. Но она была прикрытием. Она оценивала отбираемых для школы детей. Она даже немного помогала возиться с ними. Помогала похищать их из семьи, от друзей, из нормальной жизни, чтобы поместить… в то, чем были на самом деле эти Красные школы. Она многое нам рассказала. Сказала, что школы растут, что их становится все больше. Что ничего мы не добьемся. Все дети дают Оверхольту силу – они верят в него. А из избранных даже могут получиться другие *подобные ему*. Как я уже сказал, жаль, что мы ее упустили.

Какой же мукой было не знать, не иметь возможности найти то, что нам было нужно. Каждый раз, когда нам казалось, что мы наконец обнаружили школу, выяснялось, что она уже закрылась. Или сгорела. Каждое забранное досками окно лишь усиливало мое отчаянное желание вернуть Трейси домой. И все проще становилось причинять боль людям. Меня это беспокоило.

Спаркс все сильнее замыкался в себе, и как-то ночью на стоянке у мотеля я заговорил с ним об этом. По его словам, все мы бы прокляты, мы зашли слишком далеко. Но его это, как ни странно, не беспокоило. Цена была высока, но он готов был заплатить ее, чтобы вернуть своих ребят. Ради того, чтобы снова увидеть их лица, он пошел бы на все, что угодно.

Томми, с другой стороны, с каждым днем чувствовал себя свободней. Он, похоже, не знал, как ему ко мне относиться. Восхищался ли он мной за то, на что я теперь оказался способен? Или же завидовал тому, что Пелхэм именно мне получает разбираться с действительно важными делами? Тогда в фургоне, много-много дней назад, Томми провалил главное испытание. И он об этом знал. Все мы знали эту тайну, но помалкивали, чтобы не смущать его.

Думаю, Пелхэму я нравился. Он вечно отзывал меня в сторону, чтобы поговорить – "пообщаться", как он выражался. Он передал мне все, что знал о демонах, потому что, как он сказал, рано или поздно мы встретимся с одним из них – не с их "кошельками" или охотниками за рабами, но с проклятой Богом тварью, такой же, как тот шофер лимузина. Или даже с самом Оверхольтом. Пелхэм рассказал мне о книгах, в которых были нужные сведения, ритуалы и имена. Старые книги, вроде бы даже средневековые. Он сказал, что может передать часть этих книг мне, чтобы я помог ему разобраться, но я отказался. Я был зол, чувствовал себя каким-то отупевшим и не хотел копаться во всем этом. Тот случай, когда я застрелил Вига? Там мне все было понятно. Злость. А не книги из библиотеки.

Но наш бесстрашный вождь, похоже, вознамерился обучать меня – по крайней мере, он всячески подчеркивал, как много он знает, хотя на самом деле знал совсем не много. Но черт бы со всем этим. Если ему нужны уши, я стану его ушами. И руками, и ружьем. Я стану его ядерной бомбой, если понадобится. Что угодно, лишь бы вернуть Трейси. Что угодно.

На протяжении всех этих месяцев у меня было время подумать. Накопилось немало вопросов, и где-то имелись ответы на все из них. Что такое Красные школы? Что там делают с нашими детьми? И кто такие эти чудовища?

[30] Горная гряда в США, штат Пенсильвания.

И был еще один вопрос, на который не было и не могло быть готового ответа. *Почему я этим занимаюсь?* Этот вопрос постоянно звучал у меня в голове. Я потерял все, что у меня было. Жена ушла. Я никогда не смогу вернуться в общество, стать простым здравомыслящим человеком. Я никогда не верну себе статус обычного гражданина. Теперь я преступник, потому что людские законы не учитывают существование монстров. Но я говорил себе, что мы поступаем правильно. Бог, ад и прочие бредни меня не интересовали. Пусть с этим разбирается Пелхэм. Мы поступаем *правильно*. Нравственно. Справедливо, я бы сказал. Каждый раз, когда я думал, что придется выступить против еще одной из этих тварей, я не знал, хватит ли мне сил. Можно было сколько угодно напускать на себя браваду, говорить "Да я в этой заднице еще одну дырку сделаю!", вот только я понимал, что когда дойдет до дела, все будет совсем не просто. Нам придется пройти через кошмар и, возможно, это будет последнее, что я сделаю в своей жизни. Но я говорил себе, что если смогу еще раз увидеть Трейси, то оно того стоит.

Время от времени я вспоминал о прошлой жизни – жизни, которая на самом деле была у меня не так уж давно. По моим подсчетам, еще и шести месяцев не прошло с тех пор, как я оставил дом, но ощущались эти месяцы как целая жизнь. Хуже того, я смотрел на себя-прошлого как на совершенно постороннего человека, призрака, бродящего по коридорам моей памяти. Иногда призрак подавал голос, просил заглянуть домой и посмотреть, что там Марджори готовит на ужин, но я знал, что этому не бывать. Ее я потерял точно так же, как и все остальное. Когда-нибудь я все верну, думал я, когда-нибудь я совмещу новое и старое "я", и тогда мы закатим отпадную вечеринку. И Трейси будет там. Это будет настоящий праздник.

Конец пути

Когда это произошло, мы были в Дейтоне. Закупали в "Уолмарте" провизию и боеприпасы, потому что Пелхэм сказал, что цель уже совсем близко. Мы вышли на Красную школу, которая только что открылась в Чикаго, и собирались обрушиться на нее, как молот на наковальню.

Спаркс и Томми обсуждали, что нам нужно купить, и, по-моему, ни один из них не знал, о чем именно они спорят. Куда делся Пелхэм, я не знал, так что я решил пройтись по магазину. Мне нужны были новые туфли. На моих подошва уже отваливалась, а так как после встречи с бухгалтером у нас были лишние деньги…

Я никак не мог найти обувной отдел. Рядом с одеждой и носками его не было, но потом я заметил витрину с обувным кремом и решил, что мне туда. По дороге я прошел мимо полок с лампами, канделябрами и рамками для фотографий. Я продолжал идти, но что-то показалось мне забавным, хотя я и не понял, что именно – и смеяться при виде этого чего-то вовсе не хотелось. Я сдал назад и принялся внимательно рассматривать выстроившиеся на полке рамки.

В несколько рамок была вставлена фотография дочки Пелхэма. Уверен, это была она. Поначалу мне это показалось до чертиков странным. С чего бы фото дочки Пелхэма будет во всех этих рамках? Она что, профессиональная модель или кто-то в этом роде? И фотография была точно такой же, как и у Пелхэма…

Потом до меня дошло. Господи, да это же не его дочка. Просто картинка, которую продают вместе с рамкой. Или с его чертовым бумажником. Я снова и снова возвращался к этой мысли, как язык постоянно возвращается к дырявому зубу. У Пелхэма *вообще* не было дочери. Меня это разозлило и сбило с толку, я хотел было просто уйти, чтобы оказаться подальше от всего этого, но потом решил *найти* его. Так что я начал высматривать Пелхэма. Я шел по рядам, мимо подушек, занавесок для душевых и стопок DVD, пока наконец не увидел его.

Он был в отделе игрушек. Держал в руках несколько пластмассовых водяных пистолетов, самых дешевых, три штуки за бакс. Он заметил меня на подходе.

- Уилл, - сказал он. – Что ты скажешь насчет святой воды? Как думаешь, если мы попросим какого-нибудь священника благословить воду и потом зальем ее в эти штуки, она подействует на ублюдков? То есть, я знаю, что звучит это немного глупо, но…

Я рывком бросился на него, заломил ему руку за спину и затолкал в конец прохода. Потом я с силой ударил его лицом о коробку с "Монополией", разбив ее.

- У тебя нет дочери, - прорычал я. – Ты обманул нас, ты, кусок дерьма. Та фотография продавалась вместе с бумажником!

- Ройс, отцепись от меня, - начал он, пытаясь вырваться, но я парень крепкий. Я впечатал ему кулак туда, где находится почка, заставляя опуститься на колени.

- Господи! Больно!

- Это хорошо, - сказал я, возвышаясь над ним. – На твоем месте я бы все рассказал, *Колин*, или, клянусь, я разбросаю твои зубы по всему полу. И не ври. *Говори все как есть*.

- Ладно, Уилл, как есть, - выдавил он, ловя ртом воздух. – Ты прав. У меня нет дочери. Тут ты меня поймал. Я гоняюсь за Оверхольтом не потому, что он забрал у меня ребенка, а потому, что он обдурил меня. Я был одним из инвесторов. Клянусь, я не знал, во что вкладываю деньги. Я дал ему много денег, целую кучу, чтобы начать дело. Венчурный капитал и прочее дерьмо в том же духе. Я всегда любил рискнуть, понимаешь? Деньги делают деньги.

Я наклонился и обхватил его шею руками, как раньше с Арти.

- Ты знал, что он такое? Ты знал про детей?

Пелхэм пробулькал:

- Я знать не знал ни о каких детях. Но я знал, что из себя представляет Оверхольт. Это было частью сделки. Я просто… дал ему денег. Он заявился ко мне, показал свое… э… свое истинное я, как ты бы выразился. И я *продался* ему. По крайней мере, я так думал, - лицо у него стало багрово-красным, и я разжал руки. – На самом деле он меня *купил*. Со всеми потрохами. Он меня полностью обчистил, Уилл. До последнего пенни. На лужайке у моего дома появился знак "Продается", и поставил его туда не я. Все имевшиеся у меня активы были выбраны до донышка. Я положил начало Красным школам и *даже не знал об этом*. Я дал ему начальный капитал и ничего не получил взамен. Я пытаюсь исправить это упущение.

- Эгоистичный ублюдок, - сказал я. – Я выхожу из игры. Хватит. Мне надо было бы убить тебя прямо здесь, но я не стану. Я расскажу обо всем остальным, а потом свалю отсюда.

- Подожди, - он встал и протянул ко мне руки. – Красные школы существуют, Уилл. Там твоя дочь. Это не шутка. Я могу провести нас туда. Прошу прощения за ложь, но игра все еще продолжается. Я не отступлюсь. Вместе мы справимся с этим. Ты не обязан любить меня, но я знаю, что ты хочешь вернуть ее. Ведь так? Останься со мной. Мы все уладим. Не говори остальным. Они не поймут. Ты остаешься? Скажи, что ты остаешься.

Глаза у меня сузились:

- Мы ведь не первая группа, да?

Он сглотнул:

- Нет. Третья. Остальные…

- Заткнись, - рыкнул я. От всего этого у меня голова шла кругом. Сколько их было – до нас? Я хотел умереть. Я хотел убить этого человека, но он слишком много знал. Какие были бы у нас шансы, будь Пелхэм мертв? Я пытался все просчитать. Трейси. Демоны. Красные школы. Кулаки у меня сжимались так, что я мог бы выдавить кровь из бриллиантов.

- Они умерли, мы выживем. Мы дойдем до конца, понятно? Я ничего не скажу остальным. Но если я узнаю, что ты скрываешь что-то еще, клянусь, я убью тебя.

Кто не скорбит и не воздыхает как странник на земле, тот не будет гражданином неба.

- бл. Августин

Несущие слово

Дорогая Рахиль,

Мне не с кем было поговорить о своих сомнениях. Большую часть времени я оставался у себя в комнате. Я просто не мог ходить по улицам и встречаться с соседями. Видеть, как они идут куда-то по своим привычным делам. Они напоминали мне мышей, не подозревающих, что совсем неподалеку заперт голодный хищник. Меня это даже обижало. Почему им позволено было вести простую и честную жизнь, когда меня коснулось разложение, оставив несмываемое пятно?

Следующая моя встреча с Яаковом произошла в середине дня. Рабби Браун приказал мне ждать за дверью, пока они не закончат последний круг молитв. Через несколько минут дверь открылась, выпуская четырех мужчин.

- Он слабеет, - сказал рабби Корнфилд Гершелю Сильверману.

- Не знаю, - ответил Сильверман. – Возможно, нам стоит позвать врача…

Рабби Корнфилд положил ему руку на плечо:

- Нет.

- Я не уверен, что и дальше хочу участвовать во всем этом.

- Но ты участвуешь. Ты один из нас, и если ты покинешь нас, ты покинешь сообщество и ребе. Ты этого хочешь? – он слабо улыбнулся. – Я не стану привлекать внимание рабби Брауна к твоему отступничеству… на этот раз. Ему это вряд ли понравится. И ты сам прекрасно знаешь, какими картами он играет против нас.

Они увидели, что я прислушиваюсь к их разговору, и тут же замолчали, одарив меня таким взглядом, словно я был гоем, забравшимся в святая святых.

Первый час я потратил на наведение порядка в комнате. Я передвинул старую мебель, выстроив ее ровными рядами, и вымел хлебные крошки, клочки бумаги и комки пыли. Пока я занимался всем этим, Яаков подал голос со своей койки. Из-за слабости слова давались ему тяжело:

- Перепутать этот мир с Адом было просто, - сказал он. – Запах крови и боли был похож на волны нематериального гнева и презрения, давным-давно мне знакомые. Разум вопит от боли и страха, воздух пропитан смертью, ужасом и беспамятством.

Я был на поле боя. Все с увлечением убивали друг друга. Земной рай исчез. То, что осталось, не слишком-то отличалось от мира, заполненного пустыми скорлупками.

Когда Яаков заговорил, я повернулся к нему спиной и наклонился, чтобы стереть странное пятно, которое заметил на полу.

- За десять десятков тысяч лет, проведенных в заключении, - прошептал Яаков, - я ни разу не плакал и не молился. Но когда я понял, что стою на земле, то зарыдал и обратился к Б-гу, умоляя избавить меня от этой невыносимой муки.

И я услышал ответ, хотя и не от Творца. Когда я стоял там, среди мертвых и умирающих, бестелесный, как случайная мысль, на меня пала тень. Ко мне обратился голос, и хотя слова его были ласковы, тон был исполнен злобы и презрения. "Ты слишком быстро впадаешь в отчаяние, брат, - сказал он. В воздухе передо мной возникло нечто, напоминающее темный вихрь, откуда, как мне показалось, и исходил голос. – По-моему, тебе нужно сменить обстановку". И я почувствовал, как нечто схватило меня и повлекло сквозь пространство.

- На сегодня ты съел весь свой хлеб, - сказал я Яакову. – Больше я тебе не дам, и не проси.

Я хотел сказать ему, чтобы он замолчал. Но у него был такой слабый и жалобный голос… Это было все равно что обругать немощного. Что плохого в том, что он будет говорить? Когда он расскажет свою историю, я, возможно, сумею достучаться до его разума.

- Когда я пришел в себя, то понял, что я… изменился. Я чувствовал себя, как свернутая газета. И сейчас некоторые части меня искривлены, сжаты и недоступны. Зрение затуманилось, слух ухудшился. И воспоминания, которые нахлынули на меня. Человек по имени Яаков. Его жизнь прокручивалась у меня в мозгу, начиная с конца. Его последнее воспоминание – тепло его собственной крови, стекающей по виску. Паника и отчаяние, когда тела его умирающих товарищей падали на него. Ужас и боль. Грохот, гвозди и шрапнель, впивающиеся ему в ноги и грудь. Стрельба где-то на расстоянии. Старуха, призывающая на его голову проклятия. Разбомбленный лагерь беженцев, в сумерках казавшийся огромным скелетом.

К тому времени, как до меня добрались, убрав наваленные сверху тела и еще не понимая, что я по-прежнему жив, я оказался парализован воспоминаниями и травмирован свалившимися на меня ощущениями. Прошли недели, прежде чем я снова начал воспринимать себя.

А когда это все-таки случилось, ко мне пришли.

Как-то ночью я проснулся и увидел, что он сидит, скорчившись, в изножье моей кровати. Больные, которые лежали со мной в одной палате, тихо стонали. Воздух пропах лекарствами и мочой. Он заговорил со мной. Постепенно я вспомнил, что знал его раньше, давным-давно. Я не знал, сколько времени прошло с тех пор, как я видел его в последний раз. Он был намного выше меня. Очевидно, он очень давно покинул Ад. Не знаю, как. Но у него была власть надо мной, абсолютная власть, проистекающая из принципов в тысячу раз более непреложных, чем законы физики. Моей свободе пришел конец. Службу в Аду я обменял на рабство на Земле.

Какими же мелочными и незначительными казались мне замыслы моего нового хозяина, Рубен. Но я был вынужден повиноваться ему. Вот так и оказалось, что я занялся переездом Яакова на лечение в Америку, где я смог бы добраться до одной древней книги, хранящейся в общине религиозных буквалистов – и все только для того, чтобы обнаружить, что я не могу ступить на их священную землю. Только представь, как зол и разочарован я был, когда понял, что не в состоянии выполнить такое простое и унизительное задание.

Яаков замолчал. За дверью я услышал шаги. Возвращались рабби.

Той ночью я лежал в кровати, думая обо всем, что рассказал мне Яаков. Память, которую я тренировал на протяжении многих лет, позволяла мне воспроизвести каждое его слово. Я понял, что его абсурдная история произвела на меня эффект, обратный тому, на который он рассчитывал, - я начал думать, что никакого демона не было. Был несчастный больной человек, чей разум не смог вынести всех ужасов войны. Вот и все.

Но, возразил я сам себе, а как же быть с тем, с чем я сам столкнулся? С тем ужасным видением? Разве не было это предостережением от Б-га, возможностью взглянуть на истинное "я" Яакова?

Так? Или же это было галлюцинацией, порожденной страхом и усталостью? Хасидов нельзя назвать отсталыми людьми. Подобает ли ученому верить в такие вещи, в наше-то время? Делают ли честь эти суеверия традициям и великой мудрости нашего народа?

Я боролся с этими сомнениями всю ночь, как Яаков – библейский Яаков – боролся с ангелом. Последняя мысль, пришедшая мне в голову до того, как я заснул, касалась ребе. Я не мог считать себя правым, если мои выводы противоречили его. Но ведь ребе был сильно болен. Что если рабби Браун неправильно понял его совет? Или что если… что если рабби Браун вообще не говорил об этом с ребе?

Если эти мысли и вызвали у меня тревожащие сны, я этого не помню.

Лицо под маской

Дорогая Рахиль,

Когда я в тот последний день увидел Яакова, я пришел в ужас. Он постепенно слабел, но на этот раз казалось, что его тело лишилось всех красок. Кожа у него походила на воск, готовый в любой момент растаять. Он был так слаб, что не мог поднять голову.

- Рубен, - выдохнул он, - у меня осталось мало времени. Я должен предупредить тебя. Я рассказал тебе все, чтобы ты смог понять, с чем сражаешься.

- С чем я сражаюсь? – собственный голос показался мне чужим.

- Книга, которую мне поручили принести. В ней есть слово, всего одно слово, ради которого существа старше самого времени пойдут на что угодно.

- Я не понимаю.

- Имя, Рубен. Имя. Имя одного… одного из таких, как я. Тот, кто знает имя, знает, как с ним обращаться, может подчинить себе силы падшего ангела. Мой хозяин хотел завладеть этим именем, чтобы использовать его против своего соперника.

- Но у него ничего не получилось.

- Нет, - грудь у него содрогнулась, и я понял, что он смеется. – Если ирония – это доказательство существования Б-га, - выдохнул он, - то я сегодня стал верующим. Потому что твой рабби Браун этим утром вошел в комнату, неся ту самую книгу. Он несколько часов подряд читал ее. И как раз перед заходом с его губ слетело имя. Я узнал его, как только услышал. Я смог почувствовать его силу. Оно затерялось среди других слов в древнем ритуале изгнания. Понимаешь, о чем я?

- Я… я…

- Я не знаю, чье это имя, и я слишком слаб, чтобы хоть как-то им воспользоваться, но это не важно. О моей неудаче станет известно. Тот, чье имя я искал, узнает, что именно было открыто в этой комнате. Он захочет сделать так, чтобы его имя никто не знал. Все, кто слышал его, будут уничтожены. Все.

Тогда я понял, что он пытается мне сказать. Я был в комнате с обеда и до наступления темноты. Я слышал это имя.

- Рубен, - сказал Яаков, - я долго не протяну. Это тело умирает от голода. Ты – моя единственная надежда. Моя жизнь в твоих руках. Я должен выбраться отсюда. Мне нужен врач. Мне нужна твоя помощь.

Если бы он угрожал мне, пытался запугать или предлагал защиту, я бы с места не сдвинулся. Подозрительность удержала бы меня. Но он умолял меня. Он называл себя ангелом Б-жьим, и он умолял, как самый жалкий нищий. И он не был похож на чудовище. Он был похож на моего кузена. На мою тетю Лизу, которую я видел на фотографиях. На мою маму.

- Я… если я вытащу тебя отсюда, мне этого не простят.

- Рубен, - сказал он так, словно у него открылось второе дыхание. – Тебе здесь не место. Я понял это в тот день, когда ты рассказал мне о своих поездках в Иерусалим. Ты не захочешь провести всю свою жизнь, запертый в десяти кварталах этого района. Давай поможем друг другу. Я нуждаюсь в твоих духовных наставлениях, Рубен. Мне нужна твоя вера, чтобы найти свой путь в этом изменившемся мире. Чтобы удержаться и не причинить еще больше вреда. Частично я по-прежнему твой двоюродный брат. Твой родственник. Мы могли бы странствовать вместе, исследуя созданный Б-гом мир и ища в нем свое место.

Он был так слаб. Так нуждался в помощи.

- Ты поможешь мне, Рубен? Ты поверишь в то, что я могу тебе помочь?

Ответ готов был сорваться с моих губ, когда я услышал, как хлопнула дверь. Затем открылась еще одна дверь, на этот раз ближе. Кто-то поднимался по лестнице.

- Прячься, - сказал Яаков. – Прячься! Я скажу им, что ты пошел за хлебом.

Я нырнул за старый накрытый чехлом комод в тот самый момент, когда распахнулась дверь. Я мог видеть только тот участок комнаты, который находился непосредственно перед Яаковом. Шаги становились все громче, потом на пол упала тень. А потом я увидел, кто вошел в комнату.

Это был ребе.

Я едва не закричал от радости, увидев его здесь. Он стоял, высокий и осанистый, совсем не больной, и выглядел почти в два раза моложе своего настоящего возраста.

Я с благоговением смотрел на него. Это было все равно что увидеть одного из пророков, вдруг вернувшегося к жизни. Поначалу я не решался открыть свое присутствие из почтения. Потом я продолжал прятаться просто потому, что мог только смотреть и слушать, что же он будет делать.

Целую минуту он молча стоял у кровати Яакова.

- Итак, - наконец произнес он твердым суровым голосом. – Что скажешь ты в свою защиту?

Голос Яакова по сравнению с голосом ребе был все равно что кошка по сравнению со львом.

- Мне нужен врач, - прохрипел он. – Я не понимаю, почему я здесь. Я солдат.

Ребе вздохнул:

- Не изображай слабоумного, падший. Я точно знаю, почему ты здесь.

- Я так хочу есть…

- Хватит! – голос ребе был подобен грому. – Не трать свои последние минуты на притворство. Ты подвел своего господина и попал в руки врагов, и у тебя нет слуг, которые помогли бы тебе. Ты понимаешь, что я говорю тебе, Убийца?

На мгновение лицо Яакова исказилось. Потом он рывком вскинулся на кровати и сел.

- Вы не совсем тот, кем кажетесь, а, ребе?

- Сорок ночей назад он пришел ко мне, - сказал ребе, медленно вышагивая от изножья койки к ее изголовью. – Во сне ко мне пришел ангел. И на следующую ночь, и еще на следующую. Семь ночей он нашептывал мне тайны, каждая из которых была сердцевиной тайны, раскрытой в прошлую ночь. Б-г наконец услышал мои молитвы. Я смог бы стать чудотворцем, которым меня считают столь многие.

- Вы наводите на меня тоску, рабби. Если уж вы собрались докучать мне, так хотя бы делайте это на иврите.

- Он сказал мне, что ты идешь, что ты хочешь искусить моих детей и совратить их с пути истинного. Он повелел мне наблюдать за тобой и рассказал, как поймать тебя. Ангел Мордиил, один из 777 носителей тени престола Б-жьего. И теперь ты в моей власти, как он и сказал.

- Мордиил… - Яаков сощурил глаза. – Может ли это быть..?

А потом он рассмеялся. Я никогда не слышал такого горького, мучительного, близкого к рыданиям смеха.

- Ох, рабби, если бы вы только знали… Мордиил. Ангел. Ты меня слышишь? Чье имя ты тут спрятал, а? Точно не свое. Для этого ты слишком ловок. Но тебе надо лучше присматривать за своими слугами. Они трясут твоим сокровищем направо и налево, стоит тебе отвернуться, - он снова засмеялся.

Ребе двигался так быстро, что я едва успел моргнуть, как он вцепился в Яакова.

- Смейся, смейся, тварь. *Маззиким*[31]. Смейся, пока летишь в преисподнюю!

Яаков пытался сопротивляться, но ему не удавалось сорвать руки ребе со своего горла. Он цеплялся за узловатые пальцы, покрытые старческими пятнами, но был так слаб, что не мог даже поцарапать кожу на них. Звуки, которые он издавал, были ужасны. Он пытался вдохнуть, и эти отчаянные вдохи эхом проносились по комнате, похожие на гул обрушивающихся на скалу волн. Не выдержав, я отвернулся, а потом услышал хруст и глухой удар. Когда я снова посмотрел на койку, ребе уже шел к двери. Еще секунда – и он вышел из комнаты.

У меня было мало денег. Я знал, где миссис Браун хранит деньги на домашние расходы, и я забрал большую их часть, заливаясь слезами стыда. Потом сунул в сумку какую-то одежду. Не прошло и часа, как я уже ехал на автобусе.

…но Б-г не покинул вас, отдав им на поругание. Вот те средства, которые помогут вам совладать с демоном.

1. Молитвы. Ибо, как сказано в "Лекутей Эцот ха-Шалем", "главное оружие иудея – это его молитвы. Все свои битвы он выигрывает молитвами". Звук искренней молитвы невыносим для

[31] Вредоносный дух, одна из разновидностей демонов.

ушей Самаила и всех его коварных слуг-обманщиков. Молитесь громким голосом, молитесь сосредоточенно, и да вострепещет злой дух.

2. Имя Господа. Каббала учит, что прислужники Сатаны покорны Имени Господа. Никто из них не в силах прикоснуться к сочетанию букв *йуд* и *йуд*, ни войти в место, запечатанное пятью хе, или 12-буквенным именем, или 22-буквенным именем, или же священным Именем, что состоит из 72 триад, которое под страхом смерти запрещено произносить всем, кроме самых праведных. 1.

3. Имена Ангелов. 10 ангельских чинов правят всеми тварями, что под ними, и им следует повиноваться. Именем Б-жьих ангелов прикажите злокозненному духу удалиться. Перечисляя добрых ангелов, не забудьте о серафиме Кемуиле и семи архангелах. 2.

4. Имя Врага. Любой может изгнать врага без тяжкой битвы, лишь вынудив его назвать себя и свою цель. Сделав так, демон возводит преграду между собой и душой, к которой был привязан. Раскрывшись, дух со временем ослабит хватку и уйдет сам. После того, как демон бежит, следует наставить его жертву на пути праведные и напомнить ей об обязанности понять и исполнить задание, ради которого Б-г привел ее на Землю. В душе того, кто не выполняет Б-жьего замысла и не желает нести ответ пред Б-гом, образуется пустота, притягивающая злобные сущности из мира духов. 3.

5. Плоды Земли. Писание говорит нам, что демоны не выносят дым, в особенности же дым от сожжения иссопа или кедра, ни сами эти растения, ни их семена, ни хлеб, ни соль.

Сноски:

1. Иудейский мистицизм постоянно подчеркивает значимость имен, букв и цифр. Многозначность букв еврейского алфавита позволила развить очень сложную систему нумерологии. В конечном счете, начертание букв и цифр приравнивается к Божьему акту творения, так как каждый символ в определенном смысле порождает нечто новое. Соответственно, это действие отгоняет демонов, которые являются воплощением разрушительных сил вселенной. – Мария Реднер.

2. Следует отметить тот любопытный факт, что древнейшие списки ангельских и демонских имен местами совпадают, и одно и то же имя или его варианты может присутствовать в обоих списках. В некоторых древних источниках также отсутствует четкая грань между деятельностью демонов и ангелов. Иногда демоны по приказу Бога выполняют определенные задания, ангелы же могут воздвигать препятствия перед праведником, которые тот должен будет преодолеть. Очевидно, в прошлом верующие не так четко различали два типа сверхъестественных существ, как в наши дни. – М. Р.

3. Последнее предложение абзаца удивительным образом соотносится с идеями современной психологии. Тема "незаполненности", незнания цели в жизни, результатом чего становится подчинение темным порывам, часто поднимается в СМИ. Желание найти свое место в жизни совсем не так "свежо", как нам хотелось бы думать. Неудивительно, что сбитые с толку, отчаявшиеся и запутавшиеся люди уязвимы перед темными силами, как сверхъестественными, так и всеми прочими. – М. Р.

Руководство по иудейской демонологии с комментариями, Мария Реднер, доктор философии, Нефилим Пресс, 1990.

В ожидании ночи

С тех пор я в бегах. Поначалу я думал найти приют в каком-нибудь другом дворе. Но я не был их частью, хотя меня охотно принимали. И я боялся, что, хотя я и сменил имя, рано или поздно до моей общины дойдут новости и меня найдут. Как-то я остановился у любавичских хасидов, в одной комнате с гостем из Израиля. Я украл его билет на самолет и документы. Он собирался возвращаться домой через много недель, так что не должен был обнаружить пропажу. Я обменял билет на другую дату и улетел.

В Иерусалиме у меня есть друг, с которым я познакомился, когда приезжал туда несколько лет назад. Я отправлю эти письма ему, а он сохранит их и перешлет тебе, Рахиль, когда тебе исполнится 14.

Я сбрил бороду. Но этого недостаточно. За мной охотятся. У них пустые глаза, уставшие лица, но они знают меня. До сих пор мне удавалось ускользнуть от них. Из города я бежал в сельскую местность. Я останавливаюсь в общежитиях и гостиницах. По ночам что-то скребется в мою дверь и сопит, как собака. Где-то в моей памяти хранится слово, имя, и та тварь, которой оно принадлежит, хочет вернуть его.

Я пытаюсь найти того, кто поможет мне, рабби или ученого, но за мной гонятся и я не знаю, куда мне идти. Я не осмеливаюсь связаться с семьей или друзьями. Я не знаю, могу ли я доверять незнакомцам. Я уже встретил так много лжецов и безумцев.

Я навеки запятнан соприкосновением со злом. Мир изменился. Я слышу об убийствах и войнах и думаю, не стоят ли за этими страданиями ангелы Сатаны. Была бы наша Святая земля отмечена таким раздором, если бы не дети Ада, бродящие по Земле? Иногда я только так могу удержать себя и не броситься к первому же прохожему, выкрикивая ему в лицо истину. Может быть, тогда мне придет конец. Или я стану одним из тех сумасшедших, которые выкрикивают бессвязные жуткие слова на углах иерусалимских улиц.

Я не знаю, что мне делать.

Теперь, когда я пишу, ты еще слишком молода, чтобы прочесть все это. Но когда ты повзрослеешь, то захочешь узнать, что же случилось с Яаковом, твоим старшим братом. И тогда ты узнаешь правду.

Я постоянно думал обо всем этом и наконец понял, почему навлек на себя такое испытание. Понимаешь, все дело в гордости.

В тот день, когда я получил письмо от тети Лизы, я решил, что сам отправлюсь к Яакову. Я хотел совершить *мицву*, доброе дело, ради себя самого, вместо того, чтобы разделить это благословение с рабби и нашим сообществом. Я действовал своевольно, словно был кем-то особенным. Ослепленный собственным высокомерием, я ступил на путь, приведший к трагедии, боли, одиночеству и смерти. Я не был изгнан из Б-жьего царства. Я сам покинул его.

Скорее всего, когда ты будешь читать это, меня уже не будет на этом свете.

И забудь то, что я написал в самом начале. Молись за меня, Рахиль. Пожалуйста.

Наши предки не сомневались в том, что демоны ходят по Земле. И вера в то, что за каждым деревом затаился злой дух, не сковывала их страхом. Для них демоны были частью мироздания, ничуть не опасней других явлений, таких, как буря или чума. На нас ежедневно вываливаются новости об ужасных событиях, которые могут произойти, а на самом деле и происходят со многими из нас. В результате мы страдаем от язвы, депрессии и нервных расстройств. Чем же таким обладали наши предки, чего мы лишены?

У них была вера.

Мы смеемся над предполагаемым суеверием тех, кто жил до нас, даже если всеми силами стараемся сохранить и почтить завещанные ими традиции и обычаи. Но изучение широкораспространной у иудеев доиндустриальной эпохи веры в демонов и злых духов показывает, что наши предки были не менее разумны, чем мы сами. Суеверия позволяли им постоянно обращаться к вере, использовать ее самым что ни на есть реальным (для них) и непосредственным образом. Если повсюду были демоны, значит, повсюду должен быть и Бог, чтобы сдерживать их. Если Сатана постоянно пытается уничтожить богоизбранный народ и терпит неудачу, значит, ни один король или владыка не в силах причинить этому народу вред.

Сегодня мы можем взрастить в себе эту веру, признав демонов тем, кем они и являются: обретшими форму темными импульсами, порожденными нашим сознанием. Если мы представим нашу мелочность, гнев, жадность, безразличие разгуливающими по земле в физическом облике, они едва ли покажутся нам менее уродливыми, чем Асмодей и все присные его. Но они невидимы и они внутри нас. Можем ли мы изгнать их? Возможно. Первым делом

нужно узнать их и дать им правильное имя, как делали раввины-чудотворцы, которые требовали от завладевшего телом злого духа назвать себя.

- Введение к книге "Диббуки, тьма и божественность: чему нас могут научить еврейские предания о призраках",, Мария Реднер, доктор философии, Нефилим Пресс, 1998.

Порванные узы

После неудачи в доме Джил прошла почти неделя. От остальных не было никаких вестей. "Дэйли Дисэппоинтмент" напечатала статью об этом событии, но в газете были только полицейские фотороботы двух "взломщиков". Каждый раз, когда в кафе входили полицейские, я боялся, что они ищут меня.

В ту ночь я просмотрел бумаги, которые украл из кабинета Джил. По большей части это были финансовые документы, сухие и малоинформативные. Создавалось впечатление, что Джил копила деньги. На что, я не смог определить.

Я даже не знал, жив ли Джей. Когда Брюс отправил меня домой, выглядел он очень плохо, и я услышал, как они спорят, надо ли отправлять Джея в больницу, потому что врач ему не помог.

Примерно в 9 часов вечера зазвонил телефон, оторвав меня от изучения очередного балансового отчета.

- Да? – ответил я.

- Пол, - произнес слабый голос.

- Джей?

- Да. Как ты там?

- Как я? Господи! Ты как? Когда я видел тебя в последний раз, ты был без сознания.

Джей попытался засмеяться, но сорвался в дребезжащий кашель:

- Может, я не слишком-то здоров, но чувствую себя лучше. Похоже, они попросили кого-то подкинуть меня до больницы.

- И давно ты пришел в себя?

- Ну, где-то день назад, может, меньше. Сложно сказать. Меня тут держат на каких-то сильных антибиотиках и обезболивающих. Иногда я все вижу как в тумане. По мне, так даже лучше.

- Я…

- Пол, - перебил меня Джей, - мне нужно сказать тебе кое-что.

- Ну да. Все, что хочешь, - я выглянул в окно. – Но я думаю, что копы… в смысле, телефон может прослушиваться…

- Это не важно, - ответил Джей, тяжело дыша. – Они не поймут, а ты поймешь. Тебе в последнее время снилась Джил?

Я заколебался.

- Скажи мне. Сны о Джил? Сны или кошмары?

Я закрыл глаза, боясь признаться. Боясь того, что может подумать Джей.

- Я должен знать, - настаивал Джей.

- Да, - шепнул я.

Долгое время в трубке раздавался только шум помех. Потом Джей наконец ответил:

- Мне тоже.

В груди у меня ёкнуло:

- Мы оба были близки с ней. В смысле, странно было бы, если бы она нам не снилась, да? – но мне самому эти слова казались лживыми. Меня начал охватывать холодный страх.

Джей не отвечал. Я понял, что дрожу.

- Слушай. Если бы она вернулась, мы бы почувствовали связь. Обязательно бы почувствовали. Но этого нет, потому что она…

- Она хочет вернуться, - прошептал Джей.

- Откуда ты знаешь? – спросил я.

- Пол, заткнись и слушай, - ответил Джей. После долгой паузы он продолжил. – Я постоянно видел ее во сне, когда меня накачали снотворным. Она разговаривала со мной и показывала мне… разное, - он закашлялся. – Она пытается вернуться, Пол. Один раз она уже вырвалась из Ада и думает, что сможет сделать это снова.

Руки у меня похолодели.

- Пол, - сказал он. – Я сваливаю. Это слишком опасно для остальных.

- Они не дадут тебе уйти. Они… - я заставил себя замолчать.

- Ага, они отнимут у меня волшебное колечко, - с горечью ответил Джей. – Ты бы тоже подумал о том, чтобы свалить.

- Ты же знаешь, что я не могу, - тихо ответил я.

- Пол, помнишь нашу первую встречу?

- Да.

- Я ошибался. Есть и другие пути к спасению. Если Джил вернется, группа станет для нас не самым лучшим вариантом.

- Не говори так! – крикнул я.

Тишина.

- Джей?

Через несколько секунд он наконец ответил:

- Можешь оказать мне услугу?

- Какую?

- У Джил здесь есть… друзья. Они ищут книгу. Больше похожую на толстую тетрадь. Очень старую. Джил сказала мне отдать ее этим друзьям. Пол, этого нельзя допустить.

- Она сказала, что это такое?

- Нет, - ответил Джей. – Книга написана на каком-то древнем языке. Я его не понял и не опознал, - он помолчал. – Пообещай, что ты найдешь ее и спрячешь.

- Но я не знаю, как она выглядит. Как я смогу…

- Пообещай мне! – взмолился Джей. – Пожалуйста.

Я вдруг понял, что осматриваю улицу за окном, не имея ни малейшего понятия о том, что я ожидаю там увидеть. Почему-то мысль о вооруженных копах, вламывающихся ко мне в комнату, уже не казалась такой пугающей. Оказывается, точка зрения может измениться в мгновение ока.

- Ладно, обещаю. Но если…

- Я не вернусь. Я все объясню Брюсу.

- Брюсу! – застонал я. – Ничего у тебя…

- Я могу быть очень убедительным, - сказал Джей. – Просто помни, о чем я говорил.

У меня щипало в глазах:

- Не знаю, - ответил я, пытаясь совладать с эмоциями. – Выслушивать советы от разносчика пиццы…

Джей рассмеялся:

- Говнюк ты, Пол.

Я хихикнул:

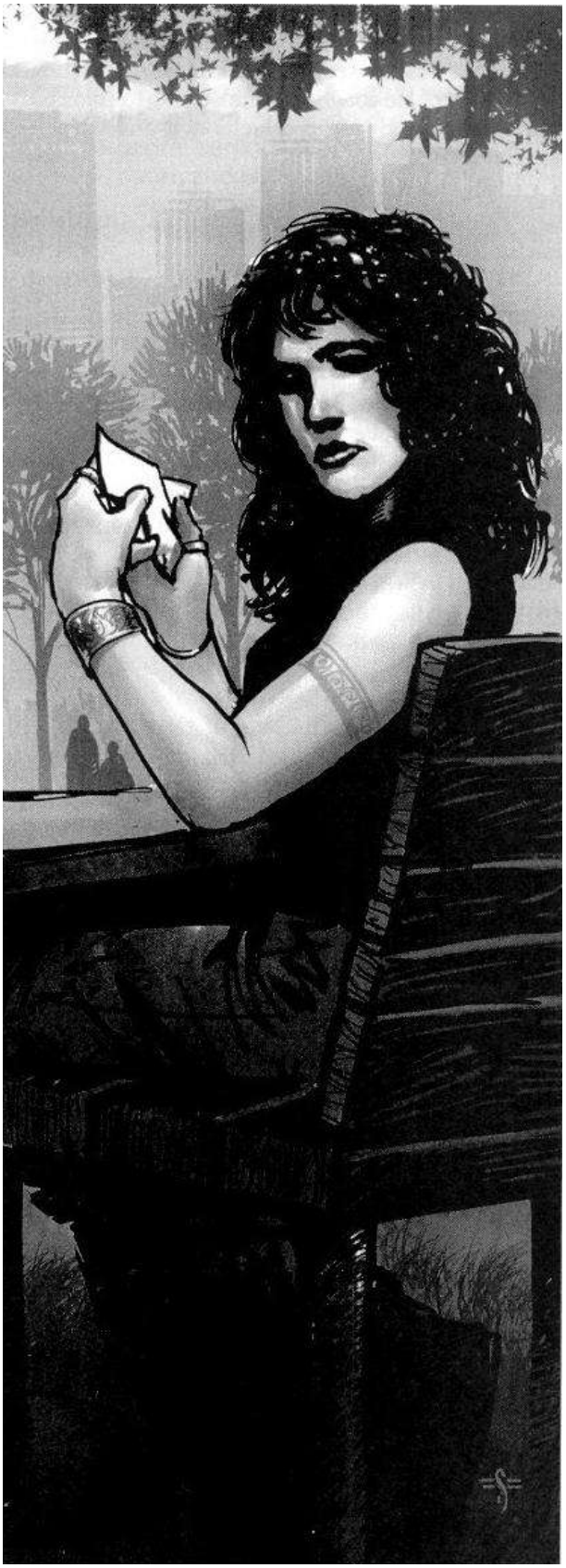
- Ты бы…

- До свиданья, - ответил Джей, и в трубке наступила тишина.

Не знаю, сколько времени я продержал трубку в руках, прежде чем повесить ее. Не могу сказать, что мы с Джеем были близки, но было нечто, что нас связывало. У нас была одна госпожа. Нам обоим не доверяли остальные члены группы. Можно сказать, что именно враждебность связала нас.

А теперь эта связь угрожала мне. Джей так сильно чувствовал возвращение Джил, что решил бежать. Мне же теперь надо было понять, насколько реальна угроза. Демоны не могут дотянуться до нас из Ада, сказал я себе. Или могут? Если один раз у нее получилось, то почему бы не попытаться снова?

Я не был готов уйти. Только не после нашей провальной стычки с теми демонами. Честно говоря, я хотел получить от Бога еще один шанс на спасение. Вот только позволят ли остальные воспользоваться этим шансом?



Заупокойная молитва

Три дня спустя мне позвонила Бесс. Когда я узнал ее голос, по спине у меня пополз холодок.

Она дала мне адрес – парк неподалеку от театра.

- Приноси свои пожитки и не оставляй на потом домашнюю работу, - сказала она.

- Во сколько? – спросил я.

- В четыре. Не опаздывай, - она повесила трубку.

Они не станут убивать меня на таком открытом месте, подумал я. Может, они договорились с Джеем и все будет в порядке. Но сколько бы раз я не повторял эти слова, меня все равно мучили сомнения. Свои документы я хранил у себя в комнате. Страховка и все такое. Будь у меня больше времени, я бы абонировал банковскую ячейку.

На место я приехал за 10 минут до назначенного времени. У качелей играло несколько ребятишек, их родители держались в тени деревьев. Температура, наверное, была выше 100 градусов[32].

Вскоре у одного из столиков я обнаружил Бесс. Она

[32] Примерно 38^0C.

сидела спиной ко мне, и впечатление было такое, будто она что-то читает. Когда я подошел поближе, то понял, что она молится. Время от времени она прерывалась, чтобы вытереть глаза, потом снова принималась читать молитву.

- Бесс? – позвал я.

Когда она обернулась, я увидел, что в руке она держит какой-то рисунок, выполненный на желтой бумаге. Я различил красного человечка, что-то вроде голубого солнца и несколько корявых печатных букв. Бесс быстро свернула рисунок и убрала его в карман рубахи.

- Ты рано, - сказала она.

- С тобой все в порядке?

Она вытерла глаза:

- Сядь, Пол.

Я уселся напротив нее.

- Где остальные? – спросил я.

Печаль словно смела с ее лица все следы жизни.

- Где-то здесь, - голос ее звучал безжизненно.

Я огляделся. Других членов группы видно не было, но они, насколько я знал, могли прятаться в кустах.

- Мне нужно кое-что сказать тебе, - сказала Бесс. – Джей больше не с нами.

Я попытался разыграть удивление:

- Что случилось?

- Теперь с тобой на связи буду я.

- Ты не ответила на мой вопрос, - сказал я.

- Тебе лучше не знать.

На секунду я почувствовал головокружение:

- Я думал, мы не можем уйти.

Ее глаза сузились:

- Это не твое дело.

- Это…

- Бумаги у тебя с собой?

Я с силой втянул воздух:

- Могу рассказать, что я там обнаружил.

- Ты их не принес?

- Они в безопасном месте.

Некоторое время Бесс молчала.

- Не волнуйся, - сказала она наконец. – Если бы Брюс решил, что ты опасен, тебя бы здесь не было.

Ее взгляд свинцовым грузом давил на меня.

- Но…

- Не усложняй мне жизнь, - огрызнулась Бесс. Печаль у нее в глазах переросла в решимость.

Я не знал, что ей ответить. Наверное, они убили Джея. Я впервые так явственно осознал, что попал в ловушку.

- Скоро подойдет Брюс. Можешь рассказать ему, что ты там нашел, - сказала Бесс.

Через несколько минут к парку подъехала машина и остановилась у обочины. С пассажирского места вылез Лу. Он помахал нам рукой, подзывая к себе. Я вслед за Бесс пошел к машине, хотя никогда еще так сильно не сомневался в выбранном пути.

Мы с Бесс забрались на задние сиденья. Пока Брюс вел машину, Лу пялился на меня:

- Бумаги у тебя? – спросил Брюс, не сводя глаз с дороги.

- Не с собой, - ответил я. – Я могу рассказать, что выяснил, если хочешь.

Не дожидаясь его согласия, я рассказал все, что мне удалось узнать. Брюс смотрел вперед, никак не реагируя на мои слова. Когда я закончил, он некоторое время молчал, обдумывая услышанное.

- В общем-то, в этом есть смысл. Мы смогли установить, что она пыталась выкупить книгу из церковного собрания.

- Так куда мы едем? – спросил я.

Сейчас мы стояли в пробке.

- Куда…

- Мы едем в церковь, - наконец ответил Брюс.

До самой церкви никто из нас не проронил ни слова. Поездка длилась минут 20, но казалось, что прошли часы. Ужас из-за смерти Джея словно выдавливал из салона всю жизнь. Может, им впервые пришлось убить кого-то из своих. Если так, то я надеялся, что это убийство оставило шрамы, которые не скоро забудутся.

На краю бездны

Во что мы превратились? Я присоединился к этой группе, чтобы помешать демонам, которые пытались поработить человечество. И единственное, что нам пока что удалось сделать, - это убить одного из своих. Вопреки заверениям Бесс я чувствовал, что буду следующим. Не слишком-то это было похоже на выбранный мною путь к спасению. В то мгновение я чувствовал себя так, словно снова попал в ад. Неужели я сделал еще один неправильный выбор? Я так не думал. Я должен был верить в то, что это своего рода испытание, возможно, посланное мне Богом – или подстроенное членами группы, - чтобы я смог показать, на что способен. Я смотрел в окно на современную церковь, мимо которой мы проезжали. Мысленно я молился о том, чтобы эта книга дала нам ключ к разгадке, без которого мы не могли нанести демонам ответный удар.

Наконец мы подъехали к маленькой католической церкви. По виду ей было лет сто, не меньше. Могу ошибаться, но выглядела она намного старше, чем остальные церкви в округе. Брюс заехал на почти пустую стоянку.

- У нас назначена встреча со священником, - сказал он. – Лу, ты и Пол останетесь в машине.

Мы прождали примерно полчаса. Я был слишком напуган для того, чтобы заговорить. В конце концов Бесс и Брюс вернулись к нам. Брюс нес что-то, очень похожее на старую толстую тетрадь с пожелтевшими от времени страницами.

- Спасибо Бесс, благодаря ей мы смогли на пару дней позаимствовать книгу, - сказал Брюс. Я не стал спрашивать, как им удалось заполучить книгу. Мне совсем не хотелось этого знать.

Мы отъехали от церкви и направились назад к "Звездному свету". До конца поездки все сидели молча. Я испытывал облегчение от того, что в этот раз никто не умер – в особенности я сам. И все же я не мог не вспоминать сказанное Джеем. Была ли это та самая книга, о которой он говорил? Что в ней было такого важного, чтобы Джил попыталась дотянуться до нас из Ада и убедить забрать книгу?

Мы остановились за несколько кварталов до театра у какого-то обшарпанного здания и остаток пути прошли пешком, неся в рюкзаках снаряжение. Дойдя до "Звездного света", мы свернули к задней двери и включили фонарики.

- Что теперь? – спросил я.

- Иди за мной, - ответил Брюс.

Мы дошли до сцены. Лу и Бесс отошли в сторону, а я продолжал идти за Брюсом. Когда мы забрались на сцену, Брюс опустился на колени и зажег старый фонарь.

- Я должен задать тебе несколько вопросов, - сказал он, вставая.

В круг света вступили Бесс и Лу, держа в руках дробовики. Я уронил рюкзак:

- Да? – сердце бешено заколотилось. Они собираются убить меня?

- Я хочу, чтобы ты рассказал о своих снах.

Я взглянул на Бесс и Лу. Ружья не были нацелены на меня, но это ничего не значило.

- Если вы собираетесь убить меня, то вперед, - сказал я. – Не надо ходить вокруг да около.

Брюс улыбнулся:

- Пол, не думаю, что ты умрешь этим вечером. Но мне нужно кое в чем убедиться. В отличие от Христа, мы не можем позволить, чтобы рядом с нами отирался Иуда.

- Я не Иуда, - сказал я.

- Тогда расскажи о своих снах. Тебе снилась Джил?

- Какое вам дело до моих снов? – спросил я. Откуда они вообще узнали? Джей рассказал?

- Если тебе нечего скрывать, ты ответишь на вопрос, - сказал Брюс.

- Да, мне снилась Джил.

- Сколько раз?

- Дважды.

- Расскажи мне о снах.

- Она звала меня. Вот и все. Ничего… - я заставил себя замолчать.

- Продолжай.

Я не мог сказать им, что Джей звонил мне.

- Ничего важного.

Брюс подошел ко мне:

- Это мне решать, - он снова улыбнулся. – Не надо бояться нас. Или меня.

- Джею вы тоже так говорили?

Брюс опустил мне руку на плечо:

- Джей знал, что у него есть только один выход. Ты знаешь, что это за выход?

- Когда Джил умерла, я освободился. Я по-прежнему свободен, и если вы убьете меня, то вам придется отвечать перед Богом за свою ошибку.

- Ты уверен, что свободен?

- Джей, может, и сомневался, но я уверен.

Брюс отпустил меня и сделал несколько шагов по сцене:

- Ты точно не хочешь дать другой ответ?

- Не хочу.

- Мне не нравится твой тон, Пол. Ты говоришь так, словно что-то скрываешь.

У меня отвисла челюсть. Бесс положила палец на спускной крючок дробовика. Он что, назвал меня лжецом?

- Я говорю правду, Брюс, - сказал я, удивляясь звучащему в голосе гневу. – Я думал, что ты можешь отличить правду от лжи. Или это всего лишь удобная выдумка, чтобы заставить людей тебя слушаться?

- Я вам не помешаю? – раздался голос из темноты.

Бесс и Лу направили стволы на сиденья. Брюс посветил фонариком в ту сторону, откуда доносился голос. Луч выхватил из темноты фигуру мужчины в голубой рубашке-поло и черных джинсах. У незнакомца были короткие черные волосы и густые усы.

- Опустите ружья, - со вздохом сказал Брюс и двинулся к Лу и Бесс. – Он со мной.

- Что это за хрен? – рявкнул Лу, его дробовик даже не шелохнулся.

- Тот, кому я доверяю, - ответил Брюс.

- Верно, - вмешался чужак. – Он пригласил меня.

- Поднимайтесь сюда, - позвал его Брюс, делая рукой приглашающий жест. – Лу просто подстраховывается.

Лу опустил ствол. Я подошел к своему рюкзаку. Пока остальные отвлеклись на гостя, я вытащил свой пистолет и теперь держал его при себе.

- Прощу прощения, что пришел слишком рано, - любезно сказал черноволосый, - но этим вечером у меня много дел.

Бесс бросила на Брюса предостерегающий взгляд:

- Что тут происходит? Ты знаешь правила.

Брюс кивнул, шаря рукой в своем рюкзаке:

- Я также знаю, что ему можно доверять, - он посмотрел на чужака. – Хотя предполагалось, что мы встретимся в ресторане.

- Ну что я могу сказать? – ответил тот, разводя руками. – Никогда не мог точно следовать правилам.

Брюс вытащил небольшую книгу:

- Мой друг предоставил полезную информацию о нашем враге. Я подумал, что он сможет помочь нам с книгой.

Мужчина поднялся на сцену:

- Язык чероки для меня почти как родной, - сказал он с улыбкой.

- Что за херня! – заорал Лу. – Почему ты нам ничего не сказал?

- Чем меньше вы знаете, тем лучше, - ответил Брюс.

- Почему?

- На тот случай, если вас схватят.

- Хватит! – резко сказал незнакомец. – Поспорите об этом позже. А сейчас мне нужна книга, чтобы я смог приступить к переводу. Если я получу ее сейчас, то уже завтра смогу вернуть назад.

Брюс развернулся к нему и протянул книгу. Именно в эти мгновения мне пришлось принимать решение. Слушаться Джея или довериться Брюсу? Если я поверю Джею, то придется признать, что Джил может дотянуться и до меня. Если я доверюсь Брюсу, то этот человек, возможно, поможет нам найти нужную ниточку.

Мужчина потянулся за книгой, и я поднял пистолет. Я хотел верить Брюсу, но не мог избавиться от сомнений. Как Брюс вообще узнал о существовании книги? Могу ли я допустить, чтобы книга попала не в те руки? Мужчина уже почти схватил ее. Во имя человечества мне пришлось довериться интуиции.

Я спустил курок.

Пуля проделала в его рубахе прореху - в правой части груди. Мужчину отбросило назад. Я снова выстрелил. На рубахе расцвело кровавое пятно, он отшатнулся еще ближе к краю сцены. Еще один выстрел. Чувство было такое, будто время замедлилось. На этот раз я попал ему в лоб.

К моему уху прижалось холодное дуло.

- Что ты делаешь? – проорал Лу.

Я был слишком потрясен, чтобы ответить. Мужчине мои выстрелы не причинили никакого вреда, маленькая ранка у него на лбу затягивалась у меня на глазах. Прежде чем я успел произнести хотя бы слово, он бросился в темноту зала и исчез из виду. Брюс отшатнулся назад, словно его ударило взрывной волной.

Брюс повернулся ко мне. Он открыл рот, и оттуда полился поток непонятных слов, которые кислотой обжигали наши уши. Каждое слово било по мне и Лу, как кулак. Я упал на спину. Внезапно слова иссякли. Брюс поднял голову и закричал от боли. Пока я смотрел на него, на меня нахлынули воспоминания. Воспоминания о том мгновении, когда Джил иссушала мою душу, питаясь верой, которая не дала бы ей исчезнуть из нашего мира. Теперь Брюс испытывал такую же боль.

- Он все еще с ними! – прокричал я.

Бесс, с широко раскрытыми от страха и потрясения глазами, выстрелила в Брюса. Картечь вошла в его тело, разворошив грудную клетку. Второй выстрел сделал Лу. Голова у Брюса взорвалась. Меня всего перекосило, когда я увидел, как исчезает его лицо. Затем то, что осталось от Брюса, рухнуло на пол, раскинув руки.

- О, Господи! – простонал я. Я никогда раньше не видел смерть так близко, и она оказалась еще страшнее, чем я воображал. Не знаю, как долго я и Бесс смотрели на тело.

- Бесс! Пол! – крикнул Лу. – Куда ушел демон?

Мы встряхнулись, прогоняя охвативший нас ужас. Я вытащил из рюкзака несколько запасных обойм и охотничий нож. Лу заскочил за кулисы и вернулся с двумя вещевыми мешками, а потом откуда-то из темноты до нас донесся нечеловеческий вопль. Бесс отступила в глубь сцены, держа дробовик наготове.

- Отсюда нам пути нет! – крикнула она.

В чем-то она была права. Именно здесь мы должны были проявить себя. Пришло время заслужить спасение, даже если шансы наши были невелики.

Вглядываясь в темноту, я уловил знакомый рык, который уже слышал несколько дней назад. Я взвел курок, припомнив того монстра, который вломился в дом к Тренту. Лу ошибся. Где-то тут было *два* демона.

Внезапно ко мне метнулась какая-то тень. Прежде чем она врезалась в меня, я успел сделать один выстрел. От полученного удара я пролетел через всю сцену. В прыжке темная фигура превратилась в того звероподобного демона, которого я видел в доме у Джил. Он приземлился прямо на меня. Пистолет лежал в нескольких футах от нас. Я уставился на его красные когти, ожидая, что сейчас они располосуют меня. Вместо этого он ударил меня кулаком в лицо, выбив несколько зубов. Я услышал грохот выстрелов. Тварь, содрогаясь от каждой входящей в ее тушу пули, отскочила от меня.

Я выплюнул зубы, потом увидел, что демон приземлился перед Бесс. Охваченная ужасом, она продолжала стрелять, но выстрелы почти не причиняли чудовищу вреда.

Я заставил себя встать и доковылял до пистолета. У меня земля уходила из-под ног, но я *должен был что-то делать*. Нельзя, чтобы они победили.

Бесс начала поворачиваться, когда тварь с размаху ударила ее по голове. Бесс бумажной куклой пролетела над сценой и с тяжелым стуком упала на пол.

Я добрался до своей пушки и начал стрелять, мысленно умоляя Господа не дать мне попасть в Бесс. Я попал твари в ногу в тот самый момент, когда Лу выстрелил ему в спину. Чудовище взвыло, и в первый раз за все время я увидел на нем кровь. Я продолжал стрелять, когда оно бросилось на меня. Демон остановился в нескольких дюймах от меня. Вместо того, чтобы убить меня на месте, он поднял меня в воздух и швырнул туда, где лежала Бесс. Плечи и колени обожгло болью, но каким-то чудом все кости у меня остались целы.

Тварь прыгнула на Лу. Тот с размаху ударил ее по морде прикладом ружья. Демон увернулся, а затем полоснул Лу когтями. Когда Лу упал, тварь схватила его дробовик и согнуло ствол пополам.

Выстрел Бесс отвлек демона. Он повернулся к женщине и взлетел в воздух. Прежде чем я успел сделать хоть что-нибудь, он вонзил когти ей в живот. Изо рта у нее хлынула кровь. Я хотел закричать, но не смог издать ни звука.

Краем глаза я заметил в воздухе какую-то штуковину, летящую в демона.

- Получи! – проорал Лу.

Демон поймал то, что оказалось одной из самодельных бомб Лу. Я метнулся прочь, едва успев укрыться от взрывной волны, за которой последовал крик демона. Вместо правой руки у него теперь был кровоточащий обрубок. Вторая бомба упала у его ног. Я откатился в сторону, не дожидаясь взрыва. По театру пронесся грохот. Я едва успел заметить, как тварь подпрыгнула вверх и скрылась во тьме.

Лу выхватил пистолет и начал палить в потолок.

- Спускайся и давай кончать с этим!

Я знал, что демон сейчас залечивает раны и что где-то в тенях рыскает еще одна тварь. Бесс была мертва, и наши шансы на победу стремились к нулю. Мне пришло в голову, что демоны не должны заполучить книгу. Может, это и станет моим вкладом во все это.

Я проверил, на месте ли нож, и заставил себя встать. Спина и руки болели, челюсть ныла, но на отдых времени не было. Я со всех ног бросился к Бесс. Как я и опасался, она без движения лежала в луже крови. Хотел бы я оплакать ее, но время поджимало. Я схватил ее пистолет и послал к черту все мысли о безопасности. Быстро осмотрев сцену, я увидел книгу, лежащую недалеко от тела Брюса.

Я подбежал к фонарю, который уже начинал гаснуть. Мне оставалось только молиться, чтобы в нем осталось достаточно керосина. Свободной рукой я схватил фонарь.

- Что ты делаешь? – крикнул Лу.

Я пробежал еще несколько футов, потом швырнул фонарь туда, где лежала книга. Он упал рядом с ней и разбился. Продолжая молиться, я принялся стрелять по книге. Керосин вспыхнул, огонь

перекинулся на книгу. Секунду спустя что-то швырнуло меня на пол. Огонь взметнулся огненным смерчем. Я поднял голову и увидел демона, заносящего кулак. Мне оставалось только умереть.

Лу промчался сквозь пламя и, выставив вперед плечо, врезался в тварь сзади. Она отскочила от меня и развернулась. Лу начал стрелять ей прямо в морду. Под градом пуль ослепленное чудовище начало падать.

- Убирайся отсюда, - прокричал Лу.

Если бы. В неверном свете огня я разглядел вещевые мешки, в которых Лу, похоже, держал свои бомбы. Я вскочил на ноги и побежал к ним, на бегу вытаскивая нож. Схватив один из мешков, я ткнул ножом в ткань. Глядя на лезвие, я понадеялся, что мне хватит сил выполнить задуманное.

У Лу кончились патроны. Прежде чем он смог удрать, тварь толкнула его в огонь. Лу споткнулся и упал в костер.

- И это все? – выкрикнул он, истерически смеясь, когда пламя охватило его одежду.

Демон вытащил Лу из огня и начал избивать.

Пока тварь стояла ко мне спиной, я сунул мешок в огонь и подождал, пока загорится ткань. Молясь, я смотрел на обнаженное лезвие ножа. Потом, собрав остатки сил, бросился на демона.

Господи, дай мне силу, мысленно взмолился я.

Я вонзил нож в толстую шкуру, пришпилив ему к спине мешок с бомбами. Кулак демона просвистел в нескольких дюймах у меня над головой. Я ткнул ему в морду пистолетом и выстрелил. Выстрел снова ослепил его. Теперь мне только оставалось продержаться до тех пор, пока не взорвутся бомбы. Я умру, но прихвачу с собой демона. Я продолжал стрелять, зная, вот-вот погибну. Хватит ли у меня времени?

К моему ужасу, Лу зашевелился. Он закричал от боли, когда пламя охватило все его тело. Каким-то чудом он смог добраться до твари и прыгнул ей на спину.

- Беги! – крикнул он, вжимая горящее тело в мешок с бомбами.

Я побежал со всех ног, остановившись только для того, чтобы швырнуть в демона второй мешок с бомбами. Тварь откинула назад руку и когтями пронзила Лу. Развернувшись, я нырнул за кулисы. Еще пара мгновений – и раздался взрыв, за которым пришла взрывная волна, отбросившая меня в проход. Я рухнул на пол.

Я оглянулся и увидел горящую сцену. Встать у меня не получилось, так что я пополз к двери. Когда я в последний раз посмотрел назад, то увидел демона, которого привел Брюс. Он парил над пламенем. Когда он направился ко мне, огонь рванулся вслед за ним, как хвост от кометы. Я попытался ползти быстрее, но огонь догнал меня. Тварь подняла меня когтистой лапой, как котенка. Проломив собой забранное досками окно, мы приземлились за обшарпанным многоквартирным домом.

Демон огорченно покачал головой:

- Даже через столько тысяч лет люди не перестают удивлять меня.

- Возвращайся в ад, где тебе и место.

Он фыркнул:

- Это тебя туда надо отправить, человечек. Ты хоть понимаешь, что ты только что сделал?

Я наконец почувствовал боль от полученных ран. Хватая ртом воздух, я лишь молча потряс головой.

- Мы думали, что сможем управлять вашей группкой, - сказал он. – Вы вынесли книгу с освященной земли.

Вдалеке послышался вой сирен.

- Увы-увы, она сгорела, - ответил я сдавленным голосом.

Демон наклонился ко мне:

- Эта книга была нужна нам, чтобы освободить могущественного союзника, - он снова покачал головой. – Никогда больше не буду недооценивать людей.

От боли я стиснул зубы:

- Брюс все время сидел у вас на поводке, да?

Демон кивнул:

- Да. С его помощью мы управляли вами. Вся эта детская болтовня о хороших и плохих демонах…

- Но вам была нужна книга, - ответил я. – И вы не рассчитывали, что мы ее уничтожим.

Демон напрягся. В его глазах блеснул гнев.

- Нет, не рассчитывали, - он сделал глубокий вдох, потом вдруг расслабился. – Я также не рассчитывал, что вы сможете убить моего напарника.

Сирены становились громче.

- Сомневаюсь, что на этот раз тебе удастся избежать внимания полиции… разве что ты согласишься на сделку?

Руки у меня болели, но я все же сумел показать ему средний палец.

Демон рыкнул, потом развернулся, собираясь уходить. Сделав несколько шагов, он оглянулся и сказал:

- Существо, которое ты знал как Джил, возвращается, как тебе известно. Это только вопрос времени. Передавай ей от меня привет.

Потом он ушел.

Свобода или смерть

Не помню, сколько времени я провел, прячась за мусорными ящиками, прежде чем мне удалось улизнуть. Я направился в круглосуточный магазин. Продавец помнил меня и неохотно позволил воспользоваться туалетом, где я привел себя в порядок. Мне даже удалось поймать автобус, идущий к моему дому.

Сейчас я пишу это, сидя у национального мемориала Оклахома-сити. Я пытаюсь разобраться во всем, что произошло.

Джил стала чаще являться мне во сне, и я думаю, что очень скоро она вернется. Хуже всего то, что часть меня ждет ее возвращения. Я знаю, что снова буду принадлежать ей.

Почему я не покончил с собой, когда у меня была такая возможность? Когда я начал писать все это, ответа у меня не было. Теперь, глядя на отражающую небо лужу и ряды пустых металлических стульев, я думаю, что знаю ответ. Я должен был сразиться со злом, которое ходит по миру. Злом, родственным тому, которое когда-то заставило Тимоти Маквея[33] убить столько невинных людей. У меня был один-единственный шанс поступить правильно, и я им воспользовался. Когда я начал писать, я сожалел о свом выборе. Больше не сожалею.

Моя душа – вот одна из причин, по которым я присоединился к группе. Теперь я понимаю, что был эгоистом. Я должен был настоять на своем. Не имело значения, что рано или поздно мои поступки перевесят мои грехи. Борьба с ними была единственным выбором.

Теперь я надеюсь, что поступок, который я собираюсь совершить, будет правильным. Хотел бы я верить, что смогу сражаться с демонами до тех пор, пока Джил не вернется. Но кого я обманываю? Откуда мне знать, когда наступит "подходящее время"? Я в любую секунду могу стать ее рабом и разрушить все, ради чего трудился. Думаю, выбора у меня нет.

---

[33] Тимоти Джеймс Маквей (13 апреля 1968 — 11 июня 2001) — резервист армии США, ветеран войны в Персидском заливе, организатор самого крупного (до событий 11 сентября 2001 года) террористического акта в истории Америки — взрыва в федеральном здании имени Альфреда Марра в Оклахома-Сити 19 апреля 1995 года, унесшего жизни 168 человек, включая 19 детей младше шести лет.

Сегодня я отпишусь в Usenet[34], а потом покончу с собой. Надеюсь – только надеюсь, - что мой пример вдохновит кого-нибудь на продолжение борьбы. Я понимаю, что большинство просто посчитает меня чокнутым. Но я верю, что смогу стать примером хоть для кого-нибудь.

Как там говорят? Зло не восторжествует, пока хотя бы один человек отказывается впустить его в душу?

Надеюсь, этого будет достаточно.

Друзья и соседи

К августу Пелхэм был мертв. Я не знал, как относиться к этому. С одной стороны, он был лжецом и поганым манипулятором. С другой, он был единственным из нас, у кого были хоть какие-то наметки. Думаю, остальные чувствовали себя примерно так же. Мы все были напуганы до чертиков, это точно. Тем, как мы нашли его в нашем гостиничном номере – он лежал на ближайшей к двери кровати и был буквально изрезан на ленточки. Мы втроем просто стояли и смотрели. Над ним жужжали мухи, время от времени садясь на липкие красные подушки. Пальца Пелхэма, скрюченные, как когти, сжимали разноцветную картонку – что-то вроде приглашения на свадьбу, перевязанного мягкой красной лентой.

Пока остальные пялились, я взял эту чертову открытку и развернул ее.

Причудливым почерком, который бывает, когда пишешь пером и чернилами, там было выведено: *Вам повезло, что мы разминулись. Исчезните.*

И все. Мы забрали ключи и свалили оттуда нахрен.

Разбитая чашка

Мы подобрались очень близко. В Дейтоне была Красная школа, и мы вынюхивали ее, как свора умненьких ищеек. Она находилась в каком-то приятном месте. Окленд-парк, а может, рядом с Университетом. Вот только приходилось признать, что за собой мы оставляли довольно четкий след. Мы были слишком неосторожны. Не убирали грязь. И из-за этого нашего бесстрашного предводителя разделали на порционные кусочки. Мы стали подобны стаду без пастуха. Спаркс выдвинул идею, с которой я волей-неволей согласился: мы отправились в бар и начали нажираться, словно уже наступил конец света.

Спаркс пинту за пинтой вливал в себя темное и светлое пиво, Томми глушил джин с тоником. Я пил скотч. Стакан виски, лед, и больше ничего. Мой друг как-то сказал, что это его любимый "коктейль". И я был с ним согласен.

Мы все знали, зачем пришли сюда и что нам надо обговорить. Так что вместо того, чтобы сидеть за стойкой и смотреть телевизор, я заставил ребят встать и оттащил их в темную угловую кабинку за игровыми автоматами. А потом я сказал:

- Нам нельзя останавливаться.

Спаркс кивнул. Томми нахмурился.

- Верно, черт возьми, - сказал Спаркс, размахивая рукой с зажатой в ней пивной кружкой. – Чтобы разобраться с этом делом, Пелхэм нам не нужен. Я все равно собирался найти этих тварей и пинком отправить их в ад, хоть с ним, хоть без него.

Его слова успокаивали, как прикосновение к теплой подушке. В последнее время Спаркс казался неживым, как зомби, который механически шевелит конечностями. Теперь в нем снова пылал огонь, без которого он все равно был ни на что не годен.

- Не знаю, - промямлил Томми. У него был отсутствующий взгляд, устремленный на некую точку в пространстве, которую никто из нас не мог видеть. – Вы видели, что они с ним сотворили? Господи. Мухи. Запах. Не хочу, чтобы такое случилось со мной.

[34] система телеконференций Internet.

- Так ты уходишь? – спросил я, надеясь, что он скажет "да". Я не хотел видеть Томми в нашей команде. Отказываться от помощи было неразумно, но было в нем что-то, чему я не доверял. Никогда нельзя было предсказать, что взбредет ему в голову в следующее мгновение. Он был слишком себялюбив, словно только и думал о том, как к нему относятся окружающие. Мне это не нравилось.

Он ответил так, как мне хотелось. Просто кивнул и начал вставать. Но Спаркс резко вскинул руку, схватил его за запястье и дернул вниз, заставляя опуститься на место.

- Дерьмо, - прошипел Спаркс. – До сих пор ты тут задирался, как петух в курятнике. А теперь, как Пелхэма грохнули, у тебя прыти поубавилось, а? Ушлепок, который вечно боялся сделать чего-нибудь не то, вот ты кто. И не думай, что я дам тебе удрать, как какой-нибудь девке, и кинуть…

- Спаркс, - сказал я. – Пусть идет.

Он бросил на меня взгляд, значение которого было мне понятно. В его глазах читался вопрос: ты *уверен*? Спаркс смотрел на меня, ожидая ответа. Я кивнул. Он ослабил хватку, и Томми отскочил от столика.

- Вы, ребята, не понимаете, - сказал Томми. – Вас убьют. Не меня. Я прагматик.

Вывалив на нас это дерьмо, он убрался прочь. Томми не был "прагматиком". Он был трусом. То, что сотворили с Пелхэмом, напугало его. И он отрекся от своего ребенка. Я – нет. Только не сейчас.

- Какого хрена ты дал ему уйти? – прошептал Спаркс. – Этот хорек побежит в полицию, и что тогда?

Я покачал головой:

- Не пойдет. Сам подумай – у него кровь на руках, как и нас с тобой. Он убил того политика. Он бросил нас. Свалил. И хуже всего то, что он все равно получит назад своего ребенка, потому что мы их найдем, ты и я.

Спаркс запрокинул голову, выливая в рот остатки темного пива. Потом стукнул кружкой по столу и облизнул губы:

- Аминь, брат.

Странно, но я уже много месяцев не спал так хорошо, как той ночью. Спаркс и я сняли разные номера, благо, наличность у нас была. Я включил кондиционер, лег, прислушиваясь к его гулу, и заснул как убитый. Мне было хорошо. Словно рядом с сердцем включилась лампочка, согревающая меня изнутри. Казалось, финиш уже близко, и мне приснился хороший сон о Трейси и Марджори. Мне снилось, будто мы все вместе отправились в отпуск во Флориду, на острова Кис. Мы часто подумывали, не съездить ли туда. Сон длился и длился, он не превращался в кошмар, как в предыдущие ночи, и мне было хорошо. А потом, после того, как сон закончился и я удобно устроился в темноте, кто-то сдавил мне шею, одновременно залепив рот и глаза. Я свалился на пол, меня тут же ухватили за руки и принялись избивать. Кто-то засмеялся. Что-то тяжелое – доска или бита – врезалось мне в челюсть. Я почувствовал, как выбитый зуб скользит по гортани. А потом снова пришла настоящая тьма, и я соскользнул в холодные объятия беспамятства.

Разговоры с проклятым

- Мистер Ройс? Добро пожаловать в Красную школу.

Эти слова эхом отдавались у меня в голове, пока я пытался разлепить веки, которые дрожали, как крылья мотылька. Вначале все было словно залито белым туманом, но потом постепенно зрение прояснилось и я начал разбирать цвета. Первым цветом был красный. Красные шторы на окнах. Сквозь них тщетно пытается пробиться солнце, окрашивая ткань в цвет крови. Или огня. Или того и другого вместе. Я попытался пошевелиться, но ничего у меня не получилось. Руки и ноги у меня были связаны. Я повернул голову туда, откуда шел голос, и чуть не взвыл от боли в шее. Но все же у меня получилось. Там, одетый в черный костюм, со скрещенными на груди руками стоял тот самый здоровый лысый ублюдок, с которым я так долго хотел увидеться. Оверхольт. Демон, укравший мою дочь.

Я сказал первое, что пришло мне в голову:

- Я тебя убью.

Он только рассмеялся в ответ, и это сильно меня озадачило.

- Представить не могу, как вы это сделаете, Уилл. Надеюсь, не так, как вы убили моего слугу, мистера Вига? Да, вы убили тело, но он вернулся и чувствует себя просто прекрасно. Разумеется, пришлось поработать и посидеть над книгами, как в старые добрые времена, но пока что ваша деятельность нам особого вреда не причинила.

Он врет, сказал я себе. Точно врет. Нельзя вернуть мертвого. Тело – это же не костюм, который можно сменить, так? Хотелось бы верить, что да.

Я огляделся, не обращая внимания на вспышки боли в голове, чтобы понять, как отсюда можно выбраться. У него за спиной была дверь. Еще в комнате были ряды парт для учеников и учительский стол. Доска. Окна с красными шторами. Сквозь ткань проступали черные полосы, которые, как я понял, были оконными решетками. Черт! Я машинально провел языком по тому месту, где был выбитый зуб, и на мгновение порадовался боли.

Оверхольт улыбнулся:

- Надеюсь, вы не собираетесь так скоро покинуть нас? Мне так много нужно вам показать – в том числе и то, что, я уверен, вам понравится.

- Я ненавижу твой голос, - сказал я. – О таких, как ты, моя бабушка говорила "скользкие, как гусиный помет на стекле".

- Очень мило. Ваша бабушка, должно быть, была очаровательной дамой. Но вернемся к делу, - дверь за ним распахнулась, и в комнату вошла девочка лет 14-15 с заплетенными во французскую косицу каштановыми волосами, доходившими ей до середины спины. Она вручила Оверхольту стакан с желтой жидкостью. Он сделал большой глоток, и по лицу его расплылась улыбка, как масло по сковороде. – А! Лимонад. Одно из немногих удачных изобретений человечества. В Эдеме ничего такого не было, вот что я скажу, - он протянул руку и потрепал девочку по волосам. Она выглядела довольной, как собака, которую чешут за ушами. – Милашка, верно? Да-да, я знаю, о чем вы думаете. *Нет*, я их не развращаю. Ничего, связанного с сексом. Я просто учу их. Вот и все. Это как… привести маленьких детей в церковь. Так из них получаются лучшие верующие. А самые лучшие ученики могут обучать паству.

- Почему я здесь? – спросил я. – Почему бы просто не убить меня?

На лице у него появилось задумчивое выражение:

- Я человек практичный, но не могу сказать, что полностью лишен слабостей. У всех есть свои пороки, и я тут не исключение. Я с удовольствием займусь укрощением такого человека, как вы. Некоторым людям нравится объезжать диких лошадей. И в чем-то я их понимаю, - он прочистил глотку. – Вас когда-нибудь боготворили, мистер Ройс? Конечно же, это была не ваша дочь.

Он рассмеялся, и я снова сказал, что убью его. Ублюдок просто промокнул уголки губ красным платком, а потом встал и подошел ко мне.

Картины того, что я увидел, будут вечно преследовать меня. Все было еще хуже, чем с Вигом, не потому, что случившееся было ужасным, а потому, что оно было по-своему прекрасно. Оверхольт крестом раскинул руки и словно начал *расти*. Не только телом, но и всем обликом, всеми *проявлениями* размера. Над плечами плавно взметнулась пара покрытых темными перьями крыльев, таких больших, кто их кончики касались противоположных стен. Он весь был окружен пляшущим изменчивым светом, каждое пятнышко которого было как осколок черного стекла, попавший в луч прожектора. Я не мог отвести от него глаз. Я ненавидел его. Я любил его. Я вдруг понял, что прикусил себе язык, чтобы не рассказать ему все, что знаю, все, что смогу вспомнить, начиная с того самого момента, когда я появился на свет, и до настоящего времени. Он посмотрел на меня и мягко улыбнулся, на лбу у него появилась пара рогов, таких гладких, словно они были выточены изо льда.

- НИЧЕГО ТАКОГО ВЫ *НЕ СДЕЛАЕТЕ*, МИСТЕР РОЙС, - низкий голос пробрал меня до самых печенок. И снова я почувствовал одновременно ненависть и любовь. Я заплакал. - СМОТРИТЕ НА

МЕНЯ, И ВЫ УВИДИТЕ ВЕЧНОСТЬ. ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ Я ПОКАЖУ ВАМ, НА ЧТО СПОСОБЕН, И, НАДЕЮСЬ, ВЫ ОЦЕНИТЕ ПОДАРОК.

А потом, словно ничего и не было, он снова стал человеком. Я всхлипывал, как ребенок. Он вышел, и я остался один.

Ритуалы

Следующие несколько дней прошли, как в бреду. Мне приносили еду, и я ее съедал, но в нее почти наверняка что-то подмешивали, потому что как только я заканчивал жевать, у меня начиналось неконтролируемое слюнотечение, а потом я отключался. Этот цикл повторялся снова и снова. Покрытое синяками тело болело. Через несколько дней – которые для меня были неделями, а то и месяцами – пришла кучка детей, молчаливых, с широко раскрытыми глазами. Они подняли меня, словно я ничего не весил, и вынесли из комнаты.

Они тащили меня, как носильщики тащат гроб. Меня пронесли по запутанным проходам, стенами которых были свисающие с железных рам красные занавески. Этот лабиринт из кроваво-красной ткани очень быстро вызвал у меня тошноту. Я до сих пор не отошел от той дряни, которую мне подсунули вместе с едой. Меня занесли в комнату, похожую на какую-нибудь институтскую лабораторию. Там стоял металлический стол, окруженный безликими мужчинами в темных костюмах. Там же был и Оверхольт – стоял в углу, скрестив на груди руки, с самодовольным глумливым выражением на морде.

Дети поставили меня в противоположный угол, и тут же чьи-то руки обхватили меня со спины, удерживая на месте. Над моим плечом возникло женское лицо. Крупная краснощекая девушка с пустыми глазами шепнула мне на ухо:

- Ты думал, что убил меня там, на юге, парень? Но тебе не повезло, - этот голос я раньше не слышал, но было в нем что-то знакомое. Водитель лимузина вернулся. Все, что я сделал, было сделано зря.

Оверхольт кивнул, и открылась вторая дверь. Мужчина в медицинской форме ввел девочку с белым мешком на голове. Форма на враче была не обычного голубого или зеленого цвета, нет, она

была черной, как ночное небо. Он помог девочке забраться на стол и открыл металлический чемоданчик. Оверхольт посмотрел на меня:

- Помните, я сказал, что некоторые ученики уже сами могут управлять паствой? Она одна из них. Можете *гордиться.*

Я уже знал, что произойдет в следующее мгновение. Одетый в черное врач сдернул мешок, и я увидел свою дочь. Прежде чем я смог закричать, женщина-которая-раньше-была-Вигом сунула мне в рот кляп и затянула у меня на затылке завязки. Трейси посмотрела на меня пустыми глазами и приподняла голову. Я для нее был кем-то, кого она встречала в прошлом или, быть может, видела в кино. Потом врач снова заставил ее положить голову на стол.

Из чемоданчика он достал маленькую циркулярную пилу. Воткнул шнур в розетку, и пила зажужжала. Я попытался вырваться и закричать, но ничего у меня не получилось. Меня удерживали на месте, заставляя смотреть. Я попытался закрыть глаза, но детские пальцы потянули мои веки вверх, едва не оторвав их. Когда врач вскрыл Трейси череп, комната наполнилась вонью горелых волос и костей. Меня начало рвать, но даже тогда мне не позволили опустить голову, и блевотина просто извергалась у меня изо рта, как отрыжка у младенца.

Они заставили меня увидеть все. Как ей вскрывают череп. Как, словно шляпу, снимают срезанную верхушку. Врач взял длинные тонкие ножницы, которыми, наверное, было удобно снимать швы. Он по кусочку что-то резал у нее в голове, а она спокойно и неподвижно лежала на столе, словно ничего и не происходило. Тем временем безликие мужчины (на самом деле они не были безликими – на них были гладкие маски) достали блокноты. Они что-то говорили на незнакомом языке. Я такого никогда раньше не слышал. Впечатление было такое, словно они просто бормочут, как слабоумные. Я видел все это. Я хотел умереть. Я хотел убить их. Я наконец нашел свою дочь, и что стало мне наградой? Наконец врач закончил "операцию". Он взял шприц с длинной тонкой иглой и пощелкал пальцами по самому ее кончику. Потом вколол Трейси ту дрянь, которая была в шприце. После этого он вернул на место верхушку черепа и начал накладывать черные швы, пришивая на место скальп с дорогими мне волосами. Оверхольт зааплодировал. Меня что-то кольнуло в шею, и я снова погрузился во тьму.

Когда я открыл глаза, то увидел Томми. Он сидел на одной из парт, глядя на меня сверху вниз. По-моему, ему было стыдно, то точно сказать не могу, потому что я по-прежнему был под действием наркотика, и голова у меня словно была наполнена холодцом. Мысленно я все еще видел лежащую на столе Трейси, врача, Оверхольта, кровь и часть черепа с волосами.

Томми попросил прощения. За то, что сдал меня и Спаркса, чтобы вернуть своего ребенка. Он сказал, что не может забрать ее, зато ему самому разрешили остаться здесь. За его женой уже отправили машину. Меня затошнило. Я сказал ему, что он покойник, что как только я отсюда выберусь, я его на кусочки порву и разбросаю их по округе. Он снова попросил прощения.

- Ничего уже не изменишь, - объяснил он с задевшей меня за живое обреченностью. Потом он пожал плечами и вышел из комнаты. Вскоре пришел Оверхольт. Он молча стоял надо мной, я тоже не произнес ни слова. Да вряд ли смог бы. Губы у меня распухли и онемели, и я не знал, получится ли у меня выдавить из себя хотя бы звук. Вошел мальчик лет восьми и трясущимися руками протянул лысому демону очередной стакан с лимонадом. Оверхольт только довольно причмокивал, отпивая из стакана.

- Новый ученик, - наконец сказал он, указывая на мальчика. – Мне нравится смотреть на них. Свет в их глазах, как от мерцающего фонаря – его так легко поймать и удержать. Мне нравится эта заботливость. Кстати, у меня для вас хорошие новости – ваша дочь быстро идет на поправку. Врач у нас хороший – даже, пожалуй, лучший из всех. Остальные мои сотрудники уверены, что приготовления были проведены должным образом и ритуал прошел как по нотам. Но, *как обычно,* есть и плохие новости. Не думаю, что она захочет увидеть вас еще раз. Возможно, она вас даже не узнает. Уж точно не после того, как мы закончим с ее подготовкой.

Я лежал на полу, больной и беспомощный. Оверхольт подошел ко мне и опустился на колени. Он влил мне в рот лимонад. Холодная жидкость легко скользнула в пищевод, но мне пришлось стиснуть зубы, чтобы удержать ее внутри. Оверхольт наклонился ко мне и прошептал на ухо:

- Когда-то мы любили вас. Денница учил нас наставлять и просвещать вас, показывать вам, как ценить всю ту полноту жизни, что дал вам Бог. Но теперь вы, обезьяны, забили себе головы кучей всяких идей и забыли свое место. Вы даже не способны узнать тех, кто стоит над вами. Так что мы снова берем бразды правления в свои руки. Вы тут устроили бардак – загадили собственное гнездо, можно сказать. Пришло время погрузить овец в сон и населить леса волками. Меня огорчает все это, Уилл, действительно огорчает. Вскоре вы поверите. Вскоре вы снова займете свое место в строю.

Он встал. Одним глотком допил лимонад и передал стакан ребенку, который появился из ниоткуда, словно почувствовав, что он нужен Оверхольту. Мне хотелось умереть. Все те идеи, которые внушили мне его слова – о Боге, Земле и обезьянах, - вылетели у меня из головы, вытесненные мыслями о дочери. Что бы там ни воображал себе Оверхольт, вся эта его космическая свистопляска меня не беспокоила. Я просто хотел, чтобы у Трейси все было в порядке. Чтобы она любила меня так же сильно, как я люблю ее.

Я пытался не заснуть, но уже через час впал в дрему, заранее страшась тех снов, которые найдут меня в этом месте.

Выход

Сны мне снились странные. В них был шум, долгий сердитый шум, *грохот*. В них кричали люди. Я видел тени, мелькавшие у дверей, и слышал встревоженные голоса. Дети что-то скандировали. Или кричали. Сложно было разобрать. В комнату вошел Спаркс, в руке у него что-то было – что-то длинное и темное. Я почувствовал кислый пороховой запах, а потом, когда мои путы оказались разрезанными, я понял, что это не сон, что все происходит наяву. Спаркс поднял меня на ноги. Конечности, которые уже много дней подряд оставались в одном положении, отказывались мне повиноваться. Он потащил меня прочь, к двери, закинув мою руку себе на плечо.

- Ты бежал, - сказал я, с трудом выговаривая слова.

- А я и не попадался, приятель, - он вытер сочившуюся из пореза кровь.

За дверью, в завешанном красными шторами коридоре – сейчас ткань горела, охваченная быстро ползущим вверх огнем, - стояла моя дочь. В этом дымном жарком мареве она казалась миражом. У меня перед глазами все мелькало, как в нарезке из какого-нибудь мюзикла. Вот я стою рядом с Трейси, потом позади нас возникает Спаркс. Его дробовик рявкает несколько раз, и тени у нас за спиной начинают падать в огонь. Мы видим кусок коридора, до которого еще не добрался огонь, и идем к нему и по нему, а потом перед нами лежат ведущие вниз ступени, и двери открываются, а за ними сумерки, почти ночь. Свежий воздух ворвался в легкие, и я почувствовал, как постепенно возвращаются ко мне силы.

Спаркс, с глазами как у лунатика, заталкивал в дробовик новые патроны. Трейси смотрела на меня так, словно не могла вспомнить, знакомы мы или нет. У нее на лбу, под волосами, я заметил ряд черных стежков. Но это была моя дочь, она была жива, и я тоже внезапно ощутил себя живым. Тут мне в голову стукнула одна мысль, и я повернулся к Спарксу:

- Твои близнецы…- сказал я.

- Здесь их нет, - ответил он. Потом он указал на грузовой пикап, лимонно-зеленую развалину, припаркованную на обочине обсаженной деревьями проселочной дороги. Мы были не в Дейтоне. Двигатель у грузовика работал, и Спаркс направился к нему, подталкивая нас с Трейси. У меня в голове все смешалось. Прежде чем я понял, что происходит, из теней выступила крупная женщина. Улыбаясь, она посмотрела на Спаркса:

- Я тебя помню, - сказала она, и я тут же узнал женщину из операционной, ту, которая раньше была водителем лимузина. Мы думали, что убили его. Как и тогда, ее кожа пошла рябью, прорывая ткань одежды. Ее плоть содрогалась в отвратительных конвульсиях, рот разошелся и стал похож на змеиную пасть. Она бросилась на нас с напористостью быка, и я услышал, как Спаркс говорит нам уходить – прямо перед тем, как поднять дробовик и выстрелить. Но выстрел не помог. Женщина-Виг обрушилась на него, и в лицо мне брызнула какая-то теплая жидкость. Я машинально вытер щеки руками, а потом увидел, что ладони у меня стали красными. Спаркс закричал. Я схватил Трейси и

бросился к грузовику. За спиной я слышал вопль Оверхольта и шорох крыльев, но мы уже заскочили в грузовик. Из-за захлестывающего меня адреналина время тянулось еле-еле. Грузовик рванулся с места в тот самый момент, когда Оверхольт приземлился на дорогу перед нами, широко распахнув крылья. Я закрыл глаза и почувствовал, как врезался в него грузовик. Колеса переехали через что-то мягкое, и мы помчались прочь.

Я помню, как снова и снова повторял:

- Это его не убьет.

Потом я посмотрел на Трейси, а она посмотрела на меня. Я объяснил ей:

- Я думаю, может, нам лучше вернуться и убедиться, что он мертв.

И тут произошло то, чего я никак не мог ожидать. Она вытянула руки, касаясь ими приборной панели, и из кончиков пальцев у нее прорезались черные когти. Ее глаза стали белыми.

- Не беспокойся, пап, - сказала она. – Мы его найдем в другой раз. А сейчас едем.

Это был лучший совет из всех возможных.

Будущее

Мы быстро ехали прочь от школы, которая и в самом деле была школой – пустующее здание на краю кампуса гуманитарного колледжа в крохотном туристическом городке под названием Йеллоу-Спрингс. Отсюда до Дейтона было миль десять. Я старался выжать из разваливающегося пикапа все, что мог. Мы въехали на шоссе и покатили на юг. Где-то через восемь часов мы добрались до Эшвилла в Северной Каролине. Мы сняли комнату в небольшой гостинице, где всем заправляла пожилая дама с выводком кошек. Приятное разнообразие после бесчисленных дешевых мотелей, в которых я жил последние месяцы.

Трейси. Дочка. Я вернул ее. Честно говоря, она теперь не совсем моя дочь. Даже если она не вполне понимает, что происходит, уверенности в ней больше, чем во мне, и это все, что мне нужно.

К ней вернулись воспоминания. Она помнит, как в свой пятый день рождения играла на ледяной горке у "Макдональдса". Она припоминает, как в 11 лет ее покусали пчелы, а в 13 укусила собака. Она помнит, как я орал на нее и ее мать, и без проблем может назвать причины, которые заставили ее убежать из дома – только для того, чтобы попасть в руки похитителей и оказаться в месте, которое навеки и полностью изменило наши жизни.

Но она говорит, что этим все не ограничилось. Она спокойно описывает, как пахли цветы в саду много-много лет назад. Я могу только догадываться, о каком саде она говорит, и хотя в другой ситуации я бы сам в это не поверил, но она – моя Трейси, я и доверяю ей так же, как своему собственному измученному сердцу.

Вообще-то не просто доверяю. Тут нечто большее. Я верю *в* нее. Я принимаю все, что она говорит мне. В особенности когда она показывает, насколько верны ее слова. Она физически меняется. Иногда эти изменения едва заметны, но они есть. Временами это крылья, черные и блестящие, как у холеного ворона. Как-то она прошла мимо комода в гостиничном номере, не отразившись в зеркале. Она может, совсем как ребенок, возиться с разными предметами, трогать их, рассматривать и изучать. Когда она взяла пульт от телевизора, а он рассыпался в ее руках в пыль, я понял, что в ней есть что-то очень, очень необычное. От гордости я раздулся, как воздушный шар.

Не сказал бы, что полностью разобрался во всем, что произошло с нами. Я знаю, что ей вскрыли голову (нитки выпали, а рана полностью затянулась). Что-то там наворотили с ее мозгом. Некоторое время я думал, что в нее в самом деле что-то вложили, но Трейси, похоже, считает, что ее просто готовили, приводили в порядок, так сказать, примерно как мы приводим в порядок комнату, которую решили сделать детской. Что-то в этом роде. Я склонен ей верить. Я верю в мою девочку, отныне и вовеки.

Теперь, когда она готова, мы составили план: мы возьмем тот грузовик и начнем с того самого места, на котором я остановился. Ну, если не считать того, что теперь руководить будет она. Трейси говорит, что почти чует запах *других*, разлитый в воздухе. Это лучше, чем все, на что был способен

Пелхэм. Мы с ней займемся делом, найдем остальные Красные школы и сожжем их. И Оверхольта тоже – Трейси называет его Мальфасом. Мне нравится эта затея. Сил нет, как хочу увидеть его еще раз – поблагодарю за то, что вернул мне дочь, а потом оторву ему макушку и помочусь в череп.

Мне не хватает Спаркса. Он был славным парнем. Слишком диким и резким на поворотах, но надежным. Не как Томми, который, я надеюсь, словил свою пулю или сгорел, или и то и другое сразу. Я скучаю и по Марджори. Но мы с Трейси вернемся домой. Она снова увидит свою мать. И, может быть, мы поедем в Кис, как и собирались. Но пока что у нас есть работа, и я не успокоюсь, пока не закончу ее.

Ибо, если верность Божия возвышается моею неверностью к славе Божией, за что еще меня же судить, как грешника? И не делать ли нам зло, чтобы вышло добро, как некоторые злословят нас и говорят, будто мы так учим? Праведен суд на таковых.

- Римлянам 3:7-8

В этой главе приводятся советы и рекомендации, при званные помочь в создании персонажа-экзорциста, который может стать как противником, так и союзником – и даже главным участником вашей истории. Представленный ниже текст позволяет разобраться в мотивации и образе мышления таких экзорцистов, а также помогает превратить их в полноценных, трехмерных личностей, у который есть свои причины шагнуть в ночной кошмар.

Изгнание нечистых духов

Что должно быть в человеке, чтобы он мог противостоять демону? Это ведь совсем не так просто, как противостоять задире в школе или родителям. Демоны – это люди, в которых вселились древние духи, могущественные существа, появившиеся в незапамятные времена, и в каждом, кто видел их, они пробуждают целый водоворот эмоций. Они – великие искусители, жаждущие поклонения, одновременно прекрасные и ужасные. Не так-то легко выступить против одного из таких созданий, ведь сражение с падшими требует мрачной решимости, которой большинство людей просто не обладают.

Обнаружение

Все начинается с осознания того факта, что демоны расхаживают среди людей. Так или иначе человек узнает, что демоны действительно существуют. Это знание не обязательно должно быть полным. Нигде не сказано, что человек должен полностью понимать природу того, с чем собирается бороться. Скорее уж, его знания будут весьма ограничены, возможно, он даже не будет говорить о своих противниках как о демонах (их могут называть чудовищами, тварями, а то и просто звать по имени тела-носителя). В любом случае, обнаружение падшего является ключевым моментом, и вам

нужно решить, как именно и почему это произошло. Ужас возрастает по мере того, как накапливаются знания, и это нужно отразить. Возможно, персонаж стал свидетелем Проявления? Демон потребовал от него веры или, того хуже, полного поклонения? Если так, то как персонажу удалось избежать власти падшего? Как он сумел удержаться от того, чтобы упасть на колени и начать возносить хвалу? Возможно также, что персонаж узнал, что один из близких ему людей – член семьи, муж, лучший друг – попался падшему под руку или даже стал слугой демона (но помните, что будущий экзорцист пока что ничего не знает о "слугах"). Женщина может наткнуться на необычную запись в выписке со счета или на странные каракули в дневнике мужа, из которых следует, что некто заполучил деньги семьи и повлиял на сознание мужа, - и этот некто, конечно же, окажется демоном. Вам обязательно нужно продумать первое столкновение со сверхъестественным. Как будущий экзорцист понял, что демоны существуют?

Кто они?

Сначала поговорим о том, кем они *не* являются. Современные экзорцисты не состоят в тайных организациях, упорно стремящихся к тому, чтобы стереть всех демонов с лица Земли. Они не рыцари-храмовники, не иллюминаты и даже не сотрудники суперсекретного подразделения ЦРУ, которое должно разбираться с такими вещами. Они не наделены сверхъестественной силой[35] и не подходят под описание из *Demon Hunter* X.

Они – обычные люди. Водопроводчики, бухгалтеры, служащие, фабричные работники, флористы, кто угодно. Посмотрите в окно на тех, кто ходит по улицам. Ни о каких испанских инквизиторах и речи нет. Нам нужны обычные, добропорядочные членов общества, которые видели, общались или даже пострадали от чего-то такого, что заставило их взять оружие и вступить в борьбу. При создании персонажа-экзорциста особое внимание следует уделить именно элементам "обычного человека" – они такие же люди, как и мы. От чего становится только страшнее, согласны?

Выбор

Осознав, что в мире есть чудовища, что среди погруженных в полудрему людей ходят величественные сознания, исполненные красоты и боли, персонаж сталкивается с необходимостью выбора. И самым первым возникает вопрос *как быть?* Но под ним таится и второй вопрос: *можно ли забыть об этом?* Здесь стоит выбор между действием и бездействием. Если персонаж выбирает бездействие и решать жить дальше как ни в чем не бывало или же верит, что сможет забыть о существовании демонов, получится ли у него остаться в своем уме? Не все, но очень многие люди, выбравшие бездействие, днем не могут позабыть о том, что им стало известно, а ночью страдают от кошмаров. Они могут притвориться, что у них все в порядке, как и прежде, ходить на работу и играть с детьми, но в мозгу у них нескончаемой мантрой будет крутиться одна и та же мысль: "Демоны существуют, а я ничего не делаю, чтобы остановить их". Чувство вины становится сильнее, если из-за этого бездействия демоны смогли навредить члену семьи или близкому человеку персонажа. Не так-то просто сидеть слова руки, когда демоны соблазняют и обманывают (или даже убивают и похищают) тех, кто вам дорог. Обычно такие персонажи постепенно теряют рассудок.

Но есть те, кто выбирает действие. Они просто не могут забыть о том, что узнали, и другого выбора у них нет. Важна мотивация, которая подталкивает их к действию. Персонаж может начать свой личный крестовый поход по самым разнообразным причинам. Одна из них – это сочетание ненависти и гнева. У персонажа, семья которого попала в лапы демона (возможно, их похитили, убили или же совратили, поманив древней мощью и бессмертной порочностью), будут все основания для того, чтобы испытывать по отношению к падшему ненависть и/или злость. Кратко эти ощущения можно выразить словами: "Эти твари навредили мне и моим родным, так что я собираюсь отплатить им той же монетой".

Еще один вариант – это сочетание отчаяния и вины. Возможно, персонаж совсем не хочет противостоять падшим. В конце концов, это очень опасное занятие. Скорее всего, персонаж лишь мельком увидел, что же на самом деле представляют собой демоны, но ему хватило этого, чтобы

[35] Imbued.

понять, насколько сам он мал и ничтожен в сравнении с ними. Но когда в дело вступают отчаяние и вина, персонаж может почувствовать себя загнанным в угол. Обычно те, кто оказывается безвыходной ситуации, стремятся ударить в ответ, напасть, и в этот момент демон (или все демоны) могут стать подходящей мишенью. Персонаж думает: "У меня нет другого выбора. По-другому нельзя", - и тогда он становится экзорцистом.

Можно также рассмотреть религиозность или иные убеждения. Персонаж, обладающий сильной личной верой (в особенности если он принадлежит к мировым религиям, таким, как христианство в любом его проявлении), может вступить в "бой" потому, что этого от него требует вера. Сама идея демонов, вполне возможно, несовместима с убеждениями персонажа, будь то вера в Яхве или Аллаха, язычество или буддизм. В большинстве религий демоны воплощают зло (хотя в некоторых случаях они воплощают просвещение, что позволяет посмотреть на действия персонажа под несколько другим углом), и персонаж может начать охоту, руководствуясь этим знанием. "Эти твари не дают нам достичь Небес, и я сделаю все, чтобы привести мой народ в Землю Обетованную", - сказав так, персонаж начинает бороться с открывшейся ему угрозой.

Но необходимый толчок может жать и безумие. Многие экзорцисты теряют рассудок еще до того, как вступают в эту отчаянную битву. Иногда разум им отказывает при виде демонского Проявления, но есть и такие, кто погрузился в мутные пучины фанатизма задолго до того, как встретился с демоном. У таких экзорцистов самая пугающая мотивация. Часто она вообще не имеет смысла, даже для них самих. Психические расстройства (чаще всего шизофрения) заставляют их выступать против демонов, наделяя невероятной силой духа, и таким людям уже не важно, кто пострадает в процессе (не исключая и их самих).

Демоны с разных точек зрения

Как экзорцисты опознают падших? Если вы вдруг увидите, как падший являет свою силу, сможете ли вы понять, что это демон из иудео-христианских преданий? Если в предках у вас выходцы из Азии, то станет ли для вас это создание *они*, зловредным демоном-обманщиком, сеющим беды на пути человека? Каждый экзорцист будет видеть демонов по-своему. Об этом нужно помнить, потому что от представлений персонажа зависит не только то, как именно он будет в будущем находить демонов, но и ход исследований и поисков информации, которая понадобится для понимания этих сверхъестественных существ и борьбы с ними. Если демоны – это именно демоны, то персонажи могут полагаться на Библию, распятие и прочую христианскую символику. Если они видят *диббуков*, злых духов их иудейских верований, то им понадобится Талмуд и каббалистические тексты, чтобы понять, что делать с такими тварями. Демон – это воплощение Лилит, первой женщины в садах эдема? Или же он - порождение Лилиту, зловещей женщины-совы из шумерских мифов? Спятивший экзорцист может считать демонов пришельцами, выходцами из какой-нибудь книги (например, рассказов Лавкрафта) или же результатом неудачных генетических экспериментов. В любом случае, помните, что многие экзорцисты, увидев падшего, вовсе не обязательно назовут его "демоном". Вам важно знать, как именно экзорцисты воспринимают сверхъестественных существ, потому что от этого зависит весь их образ мышления при столкновении с падшими.

Противостояние

После того, как будет найден ответ на вопрос "почему", персонажу нужно решить, *как* он собирается бороться с падшими. Так или иначе, намеренно или случайно, но экзорцист должен наметить план действий и выработать те "правила боя", которым будет следовать. Ему не обязательно составлять четкий список из множества пунктов, но без общего представления о будущей битве ему не обойтись. Направить эти размышления в нужное русло можно, ответив на ряд вопросов. Он собирается бороться с одним конкретным демоном или же с демонами вообще? Знает ли персонаж о существовании других демонов или же считает, что достаточно будет остановить одного? Он в самом деле собирается уничтожить нечистую тварь, или же возможен и менее жестокий подход? Возможно, персонаж надеется, что демон согласится оставить его и его близких в покое, соблазнится взяткой или же уйдет, смущенный религиозным рвением экзорциста. Есть и

такие экзорцисты, которые совсем не прочь "поэкспериментировать" над падшими, чтобы больше узнать об этих чудовищах, их сущности и том, что заставляет их дергаться. Ваш персонаж – один из них? Может быть, ему недостает смелости напрямую противостоять демону, поэтому его главной целью становится разведка и сбор информации. Он может предпочесть обходные маневры, которые осложнят демону жизнь: взлом банковских счетов, похищение смертных слуг или даже взрыв лимузина твари. У большинства экзорцистов есть план действий, иногда четкий, иногда – приблизительный. Этот план может измениться в любой момент, но надо же с чего-то начинать.

Пример: *Кларк Хеннесси – торговец антиквариатом. Его жена умерла несколько лет назад, оставив его с пятилетней дочерью, Стейси.*

Кларку стало известно о старом доме в викторианском стиле, расположенном в соседнем городке. Весь антиквариат бывшего хозяина дома выставлен на аукцион. Кларк часто берет с собой дочь на подобные мероприятия, так как у него нет денег на няньку, поэтому Стейси всюду ходит за ним.

Во время аукциона Кларк просит дочку отойти куда-нибудь в уголок и поиграть с куклой, но когда через некоторое время он оборачивается, то не видит ее. Он отправляется на ее поиски и в конце концов находит дочь на верхнем этаже, в пустой нежилой комнате. Рядом с ней стоит женщина и держит ее за руку. Обе они смотрят в зеркало, которое показывает светящиеся сферы, прекрасные и загадочные. Женщина что-то шепчет на ухо Стейси. Женщина оборачивается на шум шагов, и Кларк видит, что она – не совсем человек. От ее кожи исходит серебристое сияние, а глаза подобны глубоким провалам, заполненным тьмой и звездным светом. Женщина с шумом выдыхает воздух, и у Кларка вдруг начинает кружиться голова. Сохранить рассудок ему удается только за счет силы воли. Когда он приходит в себя, женщина уже исчезла, а его дочь лежит на полу без сознания.

Полностью Стейси так и не поправилась. Она плохо спит, ей снятся кошмары, у нее настолько портится характер, что ее приходится забрать из школы и начать поить лекарствами. И она постоянно рассказывает о своих снах, в которых к ней приходит женщина "с глазами-звездами". Кларк вполне созрел для того, чтобы стать экзорцистом. Он напуган тем, что происходит с его дочерью, и он зол. Поэтому он решает побольше узнать об этой женщине. Он расспрашивает тех, кто присутствовал на аукционе, пытаясь выяснить, кто же она такая и где ее можно найти. Когда ему удается найти ее, он решает помешать ей. Причинять ей вред он будет только в том случае, если она не прекратить "околдовывать" его дочь. Так начинается его охота.

Не поддаваясь Проявлению

Проявление – это показ демоном своей древней сущности окружающему миру, когда падший

отбрасывает человеческую личину и является всем, кто его видит, в своем истинном облике. Не важно, явит ли падший отблеск былого величия или же наложенные пороком уродства, большинство смертных все равно будут захвачены врасплох. Кто-то будет стоять, разинув рот, кто-то упадет на землю, сожмется в позу зародыша и начнет бормотать всякую чушь. Но наши персонажи в этой ситуации не поддадутся благоговейному страху и не станут кататься по земле. Как правило, они сохраняют все воспоминания о том, чему стали свидетелями. Но как это возможно?

Например, можно свести все к обычному броску на Силу воли. Если бросок окажется удачным, значит, персонаж может противостоять видению силой своего разума, вот и все. Такой способ в основном походит персонажам с высокой Силой воли (7 и выше), так как они, вероятнее всего, сумеют устоять перед эффектами Проявления. Но не плохо было бы учитывать и другие факторы. Если персонаж видит, что близкий ему человек вот-вот пострадает от рук проявившего свою сущность демона, сложность броска на Силу воли может быть снижена. В этом случае Рассказчик даже может решить, что Проявление вообще никак не повлияло на разум персонажа. Аналогичным образом можно поступить с персонажами, отличающимися религиозностью. У персонажей, в которых вера крепка, а убеждения сильны (и вовсе не обязательно связаны с христианством), сложность бросков на Силу воли может быть снижена. По решению Рассказчика они также могут обойтись без бросков.

Некоторые охотники на демонов вообще не сопротивляются Проявлению и могут быть среди тех, кто впал в оцепенение или же опустился на колени и бормочет молитвы. Такие персонажи впоследствии чувствуют себя "сломавшимися" и со временем тоже могут стать экзорцистами. Вся их жизнь может сводиться к воспоминанию о том моменте, когда они увидели демона. Преследующие их сны и галлюцинации порою подталкивают их на путь мученичества, заставляя вести охоту, значения которой они не понимают.

Заполнение листа персонажа и составление описания экзорциста, как правило, не требует больших усилий. Расставить точки в листе совсем просто. У экзорцистов нет никаких особенных Характеристик или Дополнений. Игрок может воспользоваться обычным распределением точек на Способности, Атрибуты и Силу воли, представленным в книгах по "Демонам". И все же эти точки одновременно являются ответами на вопросы, которые и определяют, кто же такой ваш экзорцист на самом деле и что именно дает ему возможность сражаться с тьмой. Часть ответов была получена при описании встречи с демоном, но у экзорцистов имеются некоторые особенности, которым тоже стоит уделить внимание.

Кем он был до встречи с демоном?

Люди не рождаются с ненавистью к демонам. Большинство из них живет, даже не подозревая о том, что среди людей бродят падшие ангелы. У экзорцистов в игре есть доказательства того, что демоны существуют, но это знание не составляет основу их существования. Кем они были до судьбоносной встречи? Подумайте о самых обычных людях с обычными профессиями. Веб-дизайнеры, техники, курьеры, художники-оформители. Конечно, вы можете сделать своих персонажей "зелеными беретами" в отставке или тайными агентами на службе Ватикану, но мы этого не советуем. Такой подход затмит реалистичность, свойственную Миру Тьмы. Да, демоны существуют, но и их влекут души обычных людей. Падшие ангелы вовсе не обязательно вселяются в тела современных драконобойцев или диверсантов-разведчиков.

Что заставило его объявить войну падшим?

Случилось что-то такое – некое событие с участием демона, - что дало экзорцисту повод объявить падшим войну. Возможная мотивация уже обсуждалась в начале главы, но повторение еще никому не вредило. Что-то произошло, и ваш персонаж решил, что не может сидеть сложа руки. Как-то была затронута его семья и друзья? Демон попытался повлиять на него самого? Только после того, как погибли люди, он сумел понять, что демоны – это реальность, или же обстоятельства оказались еще более зловещими, и любимый человек нашего экзорциста пал жертвой ментального, физического или сексуального насилия? Причина может быть любой. Возможно, при Проявлении демона ваш персонаж лишился конечности, или же демон обчистил его банковский счет, оставив без гроша в

кармане. Но причина, по которой персонаж решается вступить во взаимодействие со сверхъестественными существами, должна быть весомой. Экзорцисты начинают охоту не ради денег и не по приколу. Это не работа. Они делают то, что делают, потому что случившееся затронуло их *лично*.

Какие цели он преследует?

Под целями мы подразумеваем то, чем персонаж хотел бы заполнить свою жизнь и что он надеется получить от охоты на демонов. Возможно, он хотел стать художником? Или выйти замуж за прекрасного принца и родить 2,5 детей? Сможет ли он добиться желаемого после того, как стал экзорцистом? Чего именно он добивается в процессе охоты на демонов? Это своеобразная месть? Многие экзорцисты полностью порывают со своими прошлыми жизнями и хотят лишь полностью очистить мир от демонов – что зачастую означает физическое уничтожение врага. Некоторые встают на путь религиозности и пытаются помешать демонам, покушающимся на духовные устои людей. Помните, что далеко не все экзорцисты действуют по принципу "давайте надерем им задницы". Возможно, они вовсе не хотят причинять демонам прямой вред. "Экзорцист" – довольно расплывчатое понятие. Среди них есть такие, что хочет "исцелить" душу демона, вернуть ему "ангельские крылья и нимб". Экзорцист может противостоять демону, вселившемуся его ребенка (или друга, или отца), и искать способы изгнания злого духа из тела близкого человека.

Смысл этого вопроса в том, что у каждого человека свои желания и надежды. Цели, планы, мечты. Некоторые из них вполне достижимы, другие настолько невероятны, что для их реализации не хватит всей человеческой жизни. Вы должны представлять себе все эти планы, чтобы экзорцисты в вашей игре были полноценными персонажами, а не набросанными на скорую руку шаржами.

Группа экзорцистов

Персонаж, выступающий против падших в одиночку, имеет все шансы быстро расстаться с жизнью. Один человек против демонов? Долго он не протянет. Один человек против тьмы? Надежный способ расстаться с жизнью или рассудком. Поэтому экзорцисты обычно собираются в отряды. Частично это связано с необходимостью защищаться. Нельзя поставить повозки кругом и оборонятся от врагов, если у вас всего лишь одна повозка. Наличие рядом других людей, связанных с вами определенными узами, обеспечивает поддержку. Прочие экзорцисты знают, кто вы, что вы делаете и что вы видели. Они верят вам. Вы можете рассказать им, что вы пережили, и они не станут смеяться над вами, не подадут на развод и не отправят вас в психушку. Именно по этой причине многие сотрудники СРУ предпочитают вступать в брак друг с другом. Они ведут общую войну, в которой остальные ничего не понимают (хотя бы потому, что им это не позволено).

Чтобы пуститься с отрядом экзорцистов во все тяжкие, нужно многое знать о входящих в него людях. В этом вам помогут ответы на некоторые вопросы.

Как они собрались в отряд?

У жертв демонов нет групп поддержки, как, например, у раковых больных. Нельзя заглянуть в местный колледж и записаться на курсы по демонам. Это одинокая, полубезумная охота. Так как же охотники находят друг друга? Возможно, они все присутствовали при одном проявлении сверхъестественного – или, по крайней мере, охотятся на одного и того же демона. Этих людей объединяет "общий враг". Для людей, находящихся под демонскими чарами (или почти без ущерба переживших демонское Проявление), вполне естественно держаться друг друга, поначалу даже не ради охоты на демона, а потому, что они понимают друг друга. Проходит время, и из долгих посиделок друг с другом возникает потребность выследить демона. Тогда члены группы понимают, что они – единственные, у кого есть доказательства существования сверхъестественного ужаса. Но есть и другие способы собраться вместе. Опытные экзорцисты могут придумать, как свести остальных. Расклеенные по городу объявления или зашифрованная тематическая реклама могут привлечь внимание будущих помощников. Персонажи даже могут остановиться у ближайшей церкви и "поспрашивать" прихожан.

Какие у них цели?

Уничтожение демонов – это лишь один из возможных образов действия. Экзорцисты могут взаимодействовать с демонами совершенно по-разному: стремиться понять их, исцелить их жертв или даже самих демонов. Да, разумеется, точно так же они могут хотеть изгнать их, вышвырнуть назад в Ад, Бездну или откуда там повылазила эта нечисть. Но у отряда экзорцистов, скорее всего, будет одна общая цель. Персонаж, желающий убивать и мучить демонов, едва ли поладит с тем, кто хочет изучать и "спасать" их. Хотя такие противоречия позволяют создать внутриигровое напряжение между персонажами, все же стоит продумать, к чему может привести такая разница в целях, если не сразу, то со временем. Члены отряда могут собраться под общее знамя, но, встав на разные пути, сумеют ли они по-прежнему держаться вместе? А если сумеют, то не приведет ли это к их смерти, порабощению или чему-нибудь похуже? И это подводит нас к следующему вопросу…

Есть ли в отряде внутренние конфликты?

Цель объединяет людей, а конфликты могут развести их по разные стороны. Ни одно общественное объединение не может существовать без конфликтов, таков закон жизни. Даже сосуществование с обычными людьми порождает конфликты, а представьте себе, что начнется, если свести вместе кучку полусумасшедших охотников на демонов? Возникнут разногласия. Разница в идеологии разобщит членов отряда? Половина группы может решить, что единственным разумным решением будет полностью выжечь демонскую чуму, а вторая половина может считать, что в демонах все же присутствует искра человечности, которую стоит разжечь ради того, чтобы поспособствовать "спасению" падших. Может случиться и так, что один из экзорцистов сойдет с ума и решит, что его товарищи на самом деле демоны, который нужно "наказать".

И тут перед нами открывается целый ряд новых возможностей: охотники на демонов смотрят в бездну, так сколько времени потребуется для того, чтобы бездна заглянула в них? Иными словами, когда вы так близки к демонам, очень просто поддаться их искушениям. Что произойдет, если экзорцист тайно продаст душу демону? Или если он с самого начала был слугой демона? Внезапно ситуация начинает напоминать фильм "Нечто" Джона Карпентера: персонажи не могут доверять друг другу и только и ждут, что товарищ вдруг окажется предателем. Внутренняя слабость – вот источник драматического напряжения в группе. Если демоны почуют слабину, они смогут расколоть отряд.

Одиночки

Как уже говорилось ранее, мало кто из охотников на демонов может выжить, действуя в одиночку. Его или убьют, или он съедет с катушек. Без поддержки группы (как моральной, так и финансовой) одинокий экзорцист обречен.

Но отсюда вовсе не следует, что вы не можете ввести такого одиночку в качестве противника для персонажей-демонов. Автономно действующий экзорцист, скорее всего, будет очень опасен, хотя и недолго: это безумец, который пойдет на все, чтобы выполнить свою миссию. Введение противника-одиночки позволит вам заниматься только им одним. Если у вас в хронике не меньше десятка сюжетных линий, времени и сил на создание целой группы охотников вам может не хватить. В этом случае достаточно ввести одного противника – одинокого стрелка, по сути своей, - который выступит против демонов. Но помните, что одиночка будет действовать не так, как группа. Одинокие волки зажигают свечу с обоих концов и вспыхивают, как сверхновые. Группа же, состоящая из людей с разными темпераментами, действует более осторожно. Ничьи голоса (ну, если не считать пары-тройки у него в голове) не могут приглушить порывы одиночки и во время "охоты" он часто ведет себя как полный псих.

Жизнь – отстой

И так понятно, что быть экзорцистом – это непростая работа, но все же можно и повторить. Вообще-то это не работа. Она не оплачивается, и у вас не получится взять отпуск. Никаких отметок о

приходе, никакого начальника, раздающего приказы. Только бесчисленные опасности, подстерегающие экзорциста в реальном мире.

Власти

У демонов есть их сила. Любой демон, принимающий Апокалиптическую форму, опасен, потому что он может привлечь внимание других сверхъестественных существ (демонов, охотников, да кого угодно), но вот о чем демоны почти не беспокоятся, так это об органах власти. Падшие часто обладают силой внушения – соблазн в голосе, невероятная требовательность позволяют им подчинить себе слабовольных людей. "Купить" Веру в ночном клубе и оставить после себя случайный труп? У демона могут возникнуть затруднения, но, скорее всего, он освободится еще до конца вечера.

Охотники на демонов не настолько везучи. Экзорцисты – это смертные мужчины и женщины. У них нет сверхъестественных сил. Они не могут сказать полицейскому "Сэр, я просто отомстила за смерть мужа твари, которая существует с начала времен". Такая история приведет к тому, что экзорцист окажется в тюрьме (или палате с мягкими стенами). Поэтому одним из основных препятствий на пути охотников на демонов являются человеческие власти. Копы, агенты ФБР, даже ЦРУ и полиция других стран. Псих с арбалетом и металлическим распятием не нравится никому, что бы он там ни говорил насчет своей "святой войны". Так как же экзорцисты могут избежать длинной руки закона? Где им искать укрытие? У них могут быть союзники среди полицейских? Или, быть может, один из них – коп или специальный агент? Вам нужно знать, почему ваших персонажей еще не арестовали и как им избежать неприятностей такого рода в будущем.

Отыгрыш экзорциста

Что если кто-нибудь захочет отыграть экзорциста в вашей хронике? Допустите ли вы это? Что может получиться в результате?

Сначала поговорим о недостатках. *Как правило*, игра-кроссовер оказывается неудачной. Персонажи, сильно различающиеся по ментальности, слишком часто вступают в конфликт, что портит всю историю. Только представьте себе: демон и охотник на демонов сражаются в одной команде? Едва ли такое возможно. Такие враги обычно стараются убить друг друга уже на второй или третьей игровой сессии, из-за чего прерывается история, которую вы, как Рассказчик, пытаетесь создать.

Но давайте вспомним старую мудрость: *противоположности сходятся*. Она может сработать и в вашей игре. Экзорцист может сотрудничать с группой демонов, желающих искупить прошлое, в надежде получить новые знания или же из желания помочь им в борьбе с общим врагом, несущим зло. Противоборствующие стороны также могут сойтись для того, чтобы вместе решить общую задачу, важность которой перевешивает все их различия. Они сообща могут выслуживать особо опасного Привязанного, или же экзорцист может помогать падшему в обретении "спасения".

Есть и еще одна известная мудрость: *враг моего врага – мой друг*. Как уже говорилось ранее, не все экзорцисты пытаются уничтожить демонов. Это позволяет демонам и охотникам вступать в определенные отношения. Преимущества такого подхода вполне очевидны: он вносит разнообразие в ваши истории и создает нужное напряжение. Введение в группу двух почти враждебных друг другу персонажей, при условии, что оно не разрушит сюжет, позволит вам пережить по-настоящему интересные моменты и поспособствует созданию более масштабной и полноценной истории.

Помните, что решение всегда остается за Рассказчиком. Если вашей хронике такой кроссовер не подходит, не пропускайте его. Но если вы считаете, что от него будет толк, то смело вводите необычных персонажей.

Угроза здоровью

Экзорцисты страдают от ран. Это естественный результат столкновения с демонами. Падшие намного сильнее и быстрее человека, их тела могут изменяться, придавая им сходство с чудовищами из фильмов ужасов. Экзорцистам не избежать травм – начиная от пореза на щеке и заканчивая

сломанной челюстью или открытым пневмотораксом. Где охотники получают медицинскую помощь? Да, на работе предоставляют медицинскую страховку, но может ли экзорцист одновременно работать полный день и охотиться на демонов? Если нет, он может сам ежемесячно делать страховые взносы, но это требует денег, а если у него нет работы, то откуда он возьмет деньги? Но об этом мы поговорим чуть позже. Проблемы со здоровьем вносят в замыслы экзорцистов свои поправки. Скажем, охотник получил огнестрельное ранение и был доставлен в больницу. И тут снова возникает уже знакомая нам проблема – органы власти. Больничные работники обязаны сообщать о ранах от пуль или ножей в полицию. Если же экзорциста с места событий увезла "скорая помощь", то не стоит забывать: стычка с демонами оставляет после себя весьма пугающие следы. Полиция может решить, что охотник как-то связан с резней, и тогда ему придется ответить на несколько неприятных вопросов.

Финансовые трудности

Мы уже сказали, что экзорцистам не так-то просто находиться на рабочем месте с 9 до 5 и одновременно вести охоту. Возможно, выходом для них станет работа на неполный рабочий день или фриланс (у них должно быть свободное время, потому что крестовый поход против демонов – это вовсе не бесконечные битвы. Демоны не роятся вокруг, как мухи, и иногда могут пройти месяцы, прежде чем охотник нападет на след). Но как только охота начнется, прежняя работа, скорее всего, будет забыта, в результате чего экзорциста уволят или внесут в черный список. Так что вопрос остается нерешенным: где персонажи берут деньги? Их средства рано или поздно подойдут к концу. Им постоянно нужна еда. Им нужно платить за каждую ночь в гостинице. 9-мм пулей можно выстрелить только дин раз. А еще и расходы на лечение, о которых говорилось выше. Так где же брать деньги? Если работы у персонажа нет, он может воровать деньги у падших и их рабов – и даже у обычных людей. У экзорцистов постепенно вырабатывается особое отношение к людям: "Обычные люди не могут сражаться с этими тварями, так что пусть платят". Если уж вы убиваете и грабите демонов (которые выглядят как люди), то преступный склад ума вам не так уж чужд.

Семья

Теперь поговорим о семье охотника на демонов. Ее тоже можно отнести в разряд "проблем". От того, что человек вдруг стал экзорцистом, его жена, дети, мать и отец никуда не делись. Семья, сплоченная или нет, приходит в волнение и начинает замечать, что "папа" отсутствует ночи напролет и забивает книжную полку в ванной сочинениями по демонологии. К тому же, если экзорцист получает ранение или начинает сходить с ума (об этом ниже), члены семьи замечают все изменения так, словно наблюдают за ними с увеличительным стеклом.

И если в некоторых случаях семью удается держать в неведении, чаще всего родственники так или иначе вовлекаются в события, даже начинают вмешиваться, предполагая, что наш экзорцист – тайный алкоголик или наркоман. Почему это должно затрагивать вас как Рассказчика? Все просто. Во-первых, так вам проще будет понять, что представляет из себя экзорцист. Изучив его семью (и те препятствия, которые родственники могут воздвигнуть на его пути), вы сможете создать полноценного, достоверного персонажа-человека. Более того, семья может стать частью вашей игры. Представьте, что произойдет, если демон вдруг обнаружит, что у охотника, который ему как кость в горле, есть семья, и эта семья хочет знать, куда делся их родственник. Как поступят персонажи? Решат сделать семью разменной монетой в борьбе с охотником? Причинят семье вред, чтобы показать экзорцисту: с ними не надо играть в кошки-мышки? Возможно, они даже решать сделать дочь охотника (его жену или мать) одной из своих слуг. В любом случае, помните: семьи есть у всех, даже у экзорцистов.

Рассудок

Экзорцисту известно то, о чем обычный человек знать не должен. Последний раз люди напрямую общались с демонами тогда, когда только-только покинули сады Эдема. Может случиться так, что встречи с демонами начнут разъедать тот клей, который скрепляет рассудок охотника. Чтобы не лишиться рассудка, люди делятся своими переживаниями с окружающими, не замыкаясь в себе. Но

экзорцист не может записаться на прием к психотерапевту и обсудить с ним охоту на демонов в буквальном, а не метафизическом смысле, иначе на него быстро наденут смирительную рубашку. Впрочем, встреча с психиатрами может произойти и в том случае, если персонаж будет все держать в себе.

Как экзорцисты спасаются от безумия? Чувство полного одиночества в темноте ночи переживается особо мучительно. Что же позволяет этим людям сохранять рассудок? Это важно знать не только потому, что такая информация является весьма важной при взаимодействии с демонами, но и потому, что она придает дополнительную глубину персонажам. Способ расслабиться может быть как вполне невинным, вроде просмотра субботней игры, чтобы прочистить мозги, так и весьма нездоровым – персонаж может глушить водку или пить транквилизаторы, чтобы не погрузиться с головой в безумие.

Иногда экзорциставм не удается сохранить рассудок – пальцем не получится закрыть щель в плотине, сдерживающей безумие. И что тогда? Что ж, теперь у вас на руках совсем другой персонаж. Если ваши персонажи-демоны слишком расслабились, столкните их с настоящим психом – спятившим охотником, который готов сотворить такое, о чем демоны даже не задумываются.

Такие свихнувшиеся экзорцисты в чем-то схожи с полковником Курцем из фильма "Апокалипсис сегодня" или Джоном Доу из "Семи". Предположим, у одного из ваших персонажей-демонов в местной старшей школе есть несколько слуг, и тогда этот псих начинает убивать студентов, чтобы добраться до демона. Или он может постоянно пытать и мучить союзников, друзей и членов семьи персонажей, как какой-нибудь серийный убийца.

Такие охотники могут быть страшнее тех чудовищ, с которыми они, как считается, ведут войну. Они могут пожертвовать всем (в том числе и собственными детьми), чтобы хотя бы на шаг приблизиться к мести. Это потерянные, сломавшиеся люди. Введение такого персонажа может внести некоторое оживление в игру, но едва ли общение с ним приведет к чему-то путному. Смерть – вот единственный выход для такого антагониста, и, как правило, ждать ее недолго. Решить эту проблему можно, введя экзорциста, который еще не сошел с ума – по крайней мере, в начале. Пусть игроки пронаблюдают за распадом личности охотника, и тогда они прочувствуют, до чего может дойти одержимый идеей человек.

Получение психических расстройств

Экзорцисты, выступившие против скрывающихся среди людей демонов, почти постоянно испытывают страх, чувство вины и отчаяние. Со временем даже самый стойкий разум начинает сдавать, а затем и разрушаться под влиянием неослабевающего давления.

Когда экзорцист попадает в ситуацию, требующую броска на Силу воли, и бросок этот заканчивается провалом, персонаж по решению Рассказчика может получить временное психическое расстройство. К ситуациям, когда требуется бросок на Силу воли, можно отнести попытку противостоять эффектам Проявления, применение силы (см. главу 9 основной книги правил) или противостояние таким обращениям, как Послать видение, Изменение памяти или Фантом. Более подробно информация по расстройствам представлена в основной книге правил.

Колокол, книга и свеча

У экзорцистов не бывает должностных инструкций. Им не выдают ящик с инструментами и не подкидывают идеи по поводу того, как вести это безумное сражение. Они вообще не знают точно, что им делать. Так как же быть? Как экзорцист сумеет выступить против тьмы и не погибнуть на месте? Какие инструменты они используют, какие тактики разрабатывают, чтобы победить чудовищ? Охотники не знают слабых сторон демонов, зато демоны прекрасно знают людские слабости. И все же со временем у экзорциста возникают кое-какие идеи, то ли по чистой случайности, то ли благодаря общению с более "продвинутыми" охотниками. Ниже приводится описание некоторых приемов и инструментов, которые экзорцист может использовать в битве с исчадиями ада.

Обычное оружие

Обычное оружие (от бейсбольной биты и до двуствольного дробовика), не требующее особой сноровки и обладающее большой разрушительной силой, - это, пожалуй, первое, что приходит на ум фанатичным охотникам. В самом деле, к чему еще у вас потянется рука после столкновения с исходящим от демона злом? Вы, скорее всего, попытаетесь убить проклятую тварь. Застрелить ее. Зарезать. Размозжить ей голову. В конце концов, большую часть времени она выглядит как человек. Возможно, у нее те же слабые места, что и у человека. Новоявленные экзорцисты часто хватаются за ствол калибра .38, а то и за обычный кухонный нож.

Само собой, со временем экзорцисты понимают, что такой образ действия далек от идеала. Во-первых, чаще всего толку от него никакого. Демоны – крепкие ребята. Они могут прямо на глазах залечивать ранения. К тому же они владеют уймой способностей, которые делают их быстрыми, сильными и стойкими.

Во-вторых, выстрелы привлекают внимание. Да, это Мир Тьмы, и пара выстрелов в гетто не приведет к высадке отряда спецназовцев (скорее уж, копы постараются держаться от вас подальше). Но стрелять в других частях города – это все равно что вывесить перед собой большой красный флаг с надписью "Эй, я преступник!" Ничего хорошего в этом нет. Экзорцист в тюремной камере бесполезен – и уязвим.

В-третьих, охотник, позволивший вовлечь себя в перестрелку, очень быстро понимает, что сверхъестественных способностей у него нет. Он крайне уязвим. Открытое насилие – это самый прямой путь к тому, чтобы упустить демона и самому получить ранения.

Предметы культа

Само понятие войны с "демонами" берет свое начало в религиях и мифологиях разных народов. Охотник может обратиться – сознательно или случайно – к инструментам, которые эти религии предлагают для борьбы с подобными созданиями. Экзорцист может ухватиться за такие распространенные предметы культа, как Библия, святая вода или распятие. Многие охотники, и верующие, и нет, пользуются этими предметами потому… ну, просто потому, что что-то в этом есть.

Но охотники не обязательно пользуются только христианскими символами. Им подойдет любой символ веры, будь то звезда Давида, буддистские четки или даже колокол, книга и свеча, которыми предлагают изгонять демонов поклонники "Эры Водолея". И некоторые из этих предметов действительно работают.

Порою экзорцисты склонны слишком сильно полагаться на подобные предметы и переоценивать их значение. Предметы культа эффективны только в стычке с демоном. С их помощью можно отогнать врага, но сами по себе они демона не остановят. Заманить демона в церковь или наложить на него распятие – это не то же самое, что изгнать тварь назад в Бездну. Демон может отступить, но не более того. Более подробно эффект от использования освященных и священных предметов см. в основной книге правил.

Без насилия

Часто бывает так, что прямое противостояние с демоном для экзорциста – не самый лучший вариант. Даже исключительные по своим способностям люди безнадежно проигрывают демонам в апокалиптической форме, и мало кому из охотников удается уцелеть, чтобы потом пожалеть о недооценке противника. Если бросить вызов демону и уничтожить его невозможно, охотники прибегают к множеству самых разнообразных обходных хитроумных тактик, чтобы помешать падшему заниматься его делами. Если демон в общении с современным миром сильно зависит от своих слуг, этих людей можно обвинить в реальных или вымышленных преступлениях и заявить на них в полицию, вымотать их телефонными звонками и электронными письмами, наконец, запугать угрозами. Если экзорцист имеет связи в местных или федеральных органах власти, он может превратить жизнь демона в ад, натравив на него аудиторов из налоговой службы, подведя его под следствие или обеспечив утерю важной информации ("Сэр, согласно записям в компьютере, у вас просрочены права. Пожалуйста, выйдите из машины"). Не у всех демонов получится повлиять на умы людей, отремонтировать автомобиль или восстановить сгоревший дом. И почти никто из них не способен справиться со всеми этими ситуациями одновременно. Даже незначительные препятствия на пути демона могут в конце концов привести к тому, что падший будет слишком занят собственными делами и уже не станет беспокоить невинных людей. Такая тактика едва ли приведет к блистательной победе, но охотники на демонов часто довольствуются тем, что им по силам.

Искупление грехов

Сейчас, в наше время, мы постоянно пытаемся защитить людей от чувства вины, создав самый настоящий культ жертв. Мы не боремся с наркоманами, но предлагаем им пройти курс лечения. Даже в случае с преступниками мы разделяем наказание и реабилитацию. Этот же подход можно применить и по отношению к демонам. Некоторые охотники считают, что падшие (и их слуги) не могут контролировать себя. Они не просили делать их чудовищами, а поэтому их надо не столько наказывать, сколько помогать им (попытка застрелить их к помощи не относится). Некоторые охотники даже пытаются разговаривать с демонами, задают им вопросы и стараются помочь в обретении спасения – или даже предлагают выслушать и помочь. Иногда такой подход срабатывает. Не все демоны – адские монстры, жаждущие разрушить мир (скорее всего, персонажи игроков такими не будут). Многие демоны хотят говорить, слушать и учиться. Но экзорцисты, предлагающие падшим искупление, становятся на трудный и опасный путь. Они становятся уязвимы для соблазнов. Демон может нагло воспользоваться их "сочувствием", не ставя их об этом в известность. К тому же они могут ошибиться, попытавшись сблизиться с самым настоящим сукиным сыном. "Терапия" может закончиться крайне неприятно – "пациент" оторвет экзорцисту голову.

Оружие Веры

Конечно же, смертный может причинить вред демону. Для этого существуют освященные предметы, молитвы, святая земля и ритуалы подчинения. Но средний человек, как правило, практически ничего не знает о таких вещах – как и большинство экзорцистов. Информацию о том, что Истинное Имя демона даст вам власть над тварью, нельзя назвать общедоступной.

Но отсюда вовсе не следует, что прилежный экзорцист не сможет ухватить суть такого оружия. Охотник, с головой зарывшийся в демонологию – в Интернете или в библиотеке, - может выяснить, что знание настоящего имени дает власть над демоном. Или что некий ритуал или молитва могут остановить демона и даже обратить его в бегство. Но как, в таком случае, узнать Истинное Имя демона? Где найти изгоняющие молитвы? Да, высокое значение Оккультизма показывает, что персонаж знает, с чего начинать, и сможет найти достаточно эффективное оружие. Но большинство экзорцистов – обычные люди (водители, бухгалтеры, домохозяйки), а такие люди, как правило, знать не знают, что такое "оккультизм", не говоря уже о владении соответствующими знаниями. Очень малая часть персонажей (священников, преподавателей, библиотекарей) может разбираться в оккультных вопросах на одну-две точки, но и они смогут собрать лишь часть головоломки.

И все же у некоторых экзорцистов есть доступ к священным предметам, молитвам или освященной земле. Таких людей мало, как правило, о свойствах "оружия" они узнают случайно, в результате везения, но все же они есть.

Исследования

Хороший охотник получает "истинное оружие" не только за счет удачи. Может случиться и так, что он случайно наткнется на нужный предмет или ритуал, обычно для обретения молитв и освященного оружия требуется провести некоторые изыскания. Не следует сразу же выдавать экзорцистам, будь они союзниками, противниками или игровыми персонажами, "орудия труда". Получение нужных инструментов – это долгий, медленный процесс, включающий бессчетные часы над пыльными библиотечными книгами, расспросы старых священников и изучение самих падших.

Поиск информации о молитвах и реликвиях, изучение мифов и легенд в поисках достоверных способов борьбы с демонами выполняются с обычным броском на Интеллект + Исследование (или Интеллект + Оккультизм, по решению Рассказчика). Сложность зависит от того, насколько легко исследователь может получить источники потенциально полезной информации. Для охотника со связями среди духовенства и доступом ко всему разнообразию литературы по демонологии сложность будет равна 6 и ниже, в зависимости от качества доступной информации. У охотника, который может посетить центральную библиотеку какого-нибудь крупного города, например, Лондона или Нью-Йорка, сложность будет равна 7. Библиотека небольшого города и личные собрания одного или нескольких человек повышают сложность до 8. Просеивание всего того вороха лжи, выдумок и городских легенд, который вываливает на нас Интернет, имеет сложность 9 или 10.

Даже имея доступ к источникам полезной информации, охотники должны тратить время и силы на сбор нужных сведений, и часто им приходится проводить часы, дни и недели за изучением различных отсылок и примечаний. Количество успешных баллов, которое экзорцист должен получить после ряда бросков на длительное действие (extended roll), зависит от доступности и понятности нужной ему информации. Как правило, бросок на Исследование выполняется за каждые четыре часа, которые персонаж неотрывно провел за изучением источников информации, хотя в зависимости от обстоятельств это время может быть изменено. Если по разным причинам его работа постоянно прерывается, можно выполнять один бросок за день, а изучение основ отображается броском за каждый час. Игрок при желании может потратить единицы Силы воли, чтобы сделать бросок автоматически успешным. Если изучением информации занимается несколько персонажей, успехи по броскам на Исследование складываются.

Поиск короткой молитвы, которая укрепит веру экзорциста, требует относительно небольшого числа успешных баллов – от 10 до 15, которые можно набрать за несколько дней усиленных поисков в библиотечных архивах. С другой стороны, выяснение местонахождения древней стрелы, которая якобы может пронзить сердце демона и отправить его "назад в ад", может потребовать от 50 до 100 и более успешных баллов, набрать которые можно только за недели, а то и месяцы неустанных поисков. Помните, что игрокам, вне зависимости от того, кем они играют - персонажами-экзорцистами, пытающимися найти подходящее оружие, или же демонами, старающимися выявить собственные уязвимые места, - не следует знать, сколько баллов им надо набрать. Это должно быть тайной. Им можно намекнуть на продвижение к цели, чтобы они не думали, будто работают вхолостую, но знание точных цифр сделает игру менее интересной.

Не забывайте и о том, что процесс исследования нельзя сводить к унылому бросанию кубиков. Рассказчик сам должен провести небольшое исследование и ознакомиться с соответствующей информацией, чтобы в процессе выдавать игрокам интересные "находки" (это может быть часть настоящей молитвы или описание реликвии, существовавшей в средние века), чтобы создать подходящий настрой и оживить игру. Иными словами, не следует говорить "Так, ты получил семь баллов и немного продвинулся в поисках молитвы". Дайте описание: "Семь баллов? Между листами руководства по охоте на ведьм, написанного в 17 веке, ты нашел кусок старого пергамента. На нем записан частичный перевод апокрифического текста под названием *Весть о Явлении*". После этого можно передать игроку куски найденного текста.

Священные предметы

По миру разбросано немало предметов, которые могут помочь в войне с падшими. Это могут быть как небольшие, простые реликвии, такие, как частицы Креста Господня, которые помогают отогнать демонов, так и массивные предметы, которые могут стать оружием в битве с демонами, - например, непальский нож-*кукри* с покрытым сутрами (молитвами) лезвием, наносящий адским тварям усиливающиеся повреждения. Чтобы узнать местонахождения священного предмета, нужно, как уже говорилось выше, набрать определенное количество успешных баллов (длительное действие, броски на Интеллект + Расследование). Редко когда для поиска предмета требуется меньше 25 баллов. Ниже приводится два примера священных предметов.

Медальон св. Бенедикта Нурсийского

В конце тысячелетия, в 1000 году от Рождества Христова, в итальянском городе Нурсия появился волшебник, вызывавший демонов. Немало жителей поддалось тьме, а тех, кто сумел удержаться от соблазнов, ночами убивали на городской площади. Горожане в своих молитвах просили оградить их от тьмы. Однажды утром, когда жители Нурсии уже решили, что их ничего не спасет, над дверьми своих домов они обнаружили небольшие, размером с монету, образки, подвешенные на толстой бечевке. На каждом образке было две надписи. Первая гласила CRUX SANCT1 PATRIS BENEDICTI, или "Крест отца нашего святого Бенедикта" (св. Бенедикт, почитаемый чудотворец и экзорцист, родился в Нурсии в 480 году), вторая - NON DRACO SIT MIHI DUX, или "Да не будет Дракон моим проводником". Рисунок на обеих сторонах медальона был одинаковым – мужчина в монашеском облачении с крестом в руке, отгоняющий бестелесных демонов (видны только их лица). Эти образки защищали тех, кто их носил, от дьявольских козней, и делали неуязвимыми перед тварями, осаждавшими город. Говорят, что дома Нурсии были "благословлены" сотней таких медальонов, а до нашего времени их сохранилось всего 13.

Система: Медальон не обеспечивает того, кто его носит, автоматической защитой. Чтобы "включить" его, нужно потратить единицу Силы воли, эффект сохраняется в течение одной сцены 9эпизода). Медальон наделяет невосприимчивостью ко всем ментальным воздействиям демонского Проявления и позволяет тому, кто его носит, игнорировать все обращения, предназначенные для подавления разума. При этом медальон не может защитить от физических атак и травм, причиняемых демоном. Чтобы "исследовать" медальон св. Бенедикта, нужно набрать 60 баллов.

Кила (или пхурба[36])

Кила – это ритуальный кинжал, в основном используемый одновременно с чтением молитв из тибетской Книги мертвых. Большинство таких предметов хранится в музеях, но несколько штук можно найти и в частных коллекциях – а также у экзорцистов. У этого кинжала рукоятка длиннее лезвия. Само лезвие по форме похоже на стальной наконечник стрелы и до самого кончика покрыто изображениями змей (или *наг*). Рукоятка украшена изображением крокодилов (или *макары*). Навершие рукоятки представляет собой голову божества Ваджракилайи с выложенными яркой

[36] Пхурба (*тибет.* «колышек» или «гвоздь») — ритуальный кинжал, используемый в эзотерических обрядах тибетского буддизма для изгнания злых духов. Рукоятку кинжала с трехгранным клинком увенчивает лошадиная голова свирепого охранительного тибетского божества Хаягривы. Кинжал также украшают «узлами» бессмертия, головой макары — чудовища с туловищем крокодила — и сплетшимися змеями.

бирюзой глазами. Кинжал использовался во время церемонии "отсечения", но до пролития крови дело обычно не доходило: им размахивали над теми, кто считал себя одержимым демоном или подверженным злу. Это оружие *действительно* помогало против демонов (а значит, и против современных падших). Демоны, пораженные этим кинжалом, воют от боли, так как лезвие "похищает" часть их божественности.

Система: Кинжал достаточно тяжел, его использование (нанесение удара) требует броска на Ловкость + Фехтование со сложностью 8. Кинжал наносит летальные повреждения, равные Силе +1 своего владельца. Каждый раз, когда оружие поражает демона, для вооруженного кинжалом человека можно выполнить бросок на Силу воли со сложностью 7. Каждый полученный при этом успешный балл на единицу уменьшает значение временной Веры у раненого падшего. При этом просто потратить Силу воли на уменьшение Веры противника нельзя. Для изучения килы нужно набрать 35 баллов.

Молитвы и ритуалы

В мире существует немало заклятий, молитв, обетов и ритуалов, которые по-разному воздействуют на демонов – отгоняют их, сбивают с толку, даже причиняют физический вред их смертным оболочкам. Но эти молитвы и ритуалы надо найти. У каждого заклятия есть своя "стоимость", и некоторые из них найти проще, чем все остальные. Католический обряд изгнания демонов достаточно распространен, поэтому стоимость его изучения равна 10 баллам. А вот у шумерского ритуала *шурма машу* (из которого берет начало понятие "козла отпущения", когда козла приносили в жертву, чтобы отвлечь демона) стоимость будет равна 50. И это не считая перевода с шумерского. Ниже приводится два примера заклятий, которые могут помочь в битве с падшими.

Молитва св. Михаилу Архангелу

Эта молитва, которую часто читают во время проведения экзорцизма, может быть представлена в сокращенной форме, чтобы помочь экзорцистам, сошедшимся в духовной битве с демонами.

О Господень Великий Архангел Михаил, первый князь, воевода Небесных Сил, покрой нас в час брани против начальств, властей и миродержцев тьмы века сего, духов злобы в поднебесной. Приди на помощь сотворенным по образу и подобию Господню, искупленным великою ценою от тирании дьявольской.

Стань же во имя Господа во главе ангельской рати и сразись, как некогда сражался ты с Люцифером, охваченным гордыней, и ангелами его и не допустил их победы, и не стало им более места на Небесах. Но был низвергнут тот дракон, древний змей, рекомый Дьяволом и Сатаною, что совратил весь мир. И был он низвергнут на землю, и ангелы его пали с ним.

Смотри же, как древний враг и убийца поднимает голову! Приняв обличье ангела света, с толпою злых духов ходит он по земле и всюду устанавливает свою волю, и так может он стереть имя Господа и Сына Его Христа и похитить, осквернить и обречь на погибель души, предназначенные для сияния вечной славы. Люди неверные и слабые, с порочным сердцем – вот добыча древнего змея, что несет с собой яд злобы, и лжи, и нечестивости, и богохульства; и дыхание его - дыхание похоти, беззаконий и порока.

Будь же с людьми Божьими, и оборони их от духовного зла, и даруй им победу.

Система: Прочитав эту молитву, экзорцист может восстановить все израсходованные единицы временной Силы воли (а значит, и запас бросков). Использовать молитву можно только один раз в неделю. Стоимость изучения молитвы равна 15 баллам.

Ритуал Зар

В некоторых странах третьего мира "просвещение" еще не до конца вымыло из голов людей веру в сверхъестественное. Так, часть африканских народностей по-прежнему считает, что колдуны и демоны так или иначе влияют на их повседневную жизнь. В рамках культа, известного как Зар, был разработан один ритуал. С его помощью страдающие от побоев и притеснений женщины пытались

изгнать из своих мужей злых духов. Ритуал, появившийся в Сомали и попавший в Египет и на Гаити, требует, чтобы одержимый человек (в нашем случае – падший) был физически связан и не мог пошевелиться. В некоторых случаях "демона" предполагалось изранить до полного обездвиживания.

Женщина сначала постилась 12 часов, а затем танцевала 12 часов подряд. Эти 24 часа постоянного напряжения заканчивались трансом для заклинателя и заклинаемого, целью которого было заставить духов выйти из тела человека.

Система: Танец не обязательно исполняется женщиной, но ему в любом случае должны предшествовать 12 часов без еды и сна. За эти первые 12 часов выполняется 3 броска на Выносливость (по одному за каждые четыре часа очищения). Сложность первого броска равна 6, второго – 7, третьего – 8. Если один из бросков оказывается неудачным, заклинатель не выдерживает испытания и или ест, или засыпает (если только не решит потратить единицу Силы воли). Если один из бросков закончился провалом, экзорцист теряет сознание.

Сам танец тоже требует трех бросков на Выносливость + Атлетизм. Сложность первого равна 7, второго – 8, третьего – 9. Если один из этих бросков оказывается неудачным, считается, что танец был прерван, и в этом случае все надо начинать сначала. Если бросок заканчивается провалом, то заклинатель получает два уровня поверхностных повреждений от переутомления. Сам по себе ритуал не изгоняет демона, но если в течение 12 часов после танца тело-носитель демона будет убито, демон не сможет войти в другое тело или объект, а значит, вернется в Бездну. Стоимость нахождения и изучения ритуала равна 85 баллам.

Крайние меры

Насколько далеко готовы зайти охотники? Вначале они, вероятно, сами не знают ответа на этот вопрос. Они могут начать охоту на демона, а в результате или распрощаться с собственными задницами, или же осознать, что постоянно находятся на шаг позади противника и никак не могут загнать его в угол. Но когда им все же удастся напасть на след, когда они поймут, что игры закончились, насколько далеко они зайдут в своем желании разобраться с демоном? Подумайте об этом, потому что персонажам-демонам предстоит на собственной шкуре ощутить всю силу "привязанности" со стороны охотников.

Охотники готовы убивать? Пытать? До чего они дойдут, не потеряв при этом собственные души? Или же для них такая жертва вполне оправдывает цель и они верят, что, обрекая на проклятие себя, они спасают бессчетное множество невинных людей? Что если они захватили слугу демона – или его союзника, или близкого человека? Станут ли они пытать жертву физически и психически, надеясь выяснить, где скрывается демон? Дойдут ли они до того, чтобы оставить за собой след из трупов – трупов тех, кто играл в жизни демона определенную роль? Возможно, что экзорцисты не позволят себе ничего подобного, потому что считают себя людьми нравственными и порядочными и не желают вступать на скользкий путь. Но если эти экзорцисты не станут прибегать к крайностям, как долго им удастся оставаться в живых?

Спасение души

Можно ли спасти душу человека, ставшего носителем для демона? Осталась ли в теле душа, или же это лишь память, результат работы мозга? Вам, как Рассказчику, стоит подумать над этими вопросами. Если в вашей хронике душа человека по-прежнему остается в теле-носителе, полностью подавленная личностью демона, или если вы решили, что душу можно вернуть в тело, изгнав тем самым демона, то в игру можно ввести экзорцизм в буквальном смысле слова. Это не так-то просто. Несколькими бросками кубиков и игровым временем тут не отделаешься. Это серьезное испытание, и проводить его следует с соответствующим отношением. Ведется битва за души – и человеческую, и демонскую. Игровые системы приведены ниже, но победу или поражение следует отыграть как можно убедительней и достоверней.

Христианский экзорцизм

В общественном сознании экзорцизм, как правило, связан с католичеством – прочие ветви христианства почти не практикуют его. Католический ритуал изгнания демонов может длиться очень долго, иногда – до нескольких дней. Обычно его поводит священник или епископ с несколькими помощниками, которые по очереди читают молитвы (тексты могут быть разными, но, как правило, обязательно зачитываются отрывки из Евангелия от Иоанна, молитва Михаилу Архангелу и псалом 67). Обряд может начаться со слов "Во имя Господа нашего Иисуса Христа, по заступничеству матери Божьей, непорочной девы Марии, во имя архангела Михаила, благословенных апостолов Петра и Павла и всех святых (и властью, даваемой нам нашим саном) отразим мы нападки дьявола и раскроем его обманы". Потом читается молитва (поочередно со вторым священником или самостоятельно), приказывающая дьяволу именем Господа Иисуса Христа покинуть тело.

Иудейский экзорцизм

Можно сказать, что традиция экзорцизма в западной культуре появилась еще до Христа и пошла от странствующих иудеев, называвшихся *экзоркистами,* которые занимались изгнанием демонов за деньги, в обмен на покровительство или признание их "священного сана". Основным отличием иудейских ритуалов изгнания было повторение имен всех верных ангелов. Имена были важной составной частью мифологии и магии раннего иудаизма, и процедура изгнания демонов тут не была исключением. Также считалось, что Соломон, известный своей властью над демонами, создал специальные заклинания, в основе многих из которых лежат нумерологии, речевые формулы и каббалистические письмена. Люди верили, что демона можно вынудить выйти из тела и войти в предмет или животное. После этого предмет следовало уничтожить, а животное убить, чтобы причинить вред демону. Во время таких ритуалов обычно зачитывались отрывки из Талмуда и других книг, например, *Сефер а-Разим* (Книги тайн).

Восточный экзорцизм

Рассказ о восточных практиках изгнания демонов не поместится и в 10 книгах. Эти ритуалы до сих пор являются частью крупных религий и разрозненных верований Востока. Одни только буддисты знают тысячи таких обрядов, различающихся по форме и наполнению. У корейцев существует *кубёнсисик* – тщательно разработанный длительный ритуал, частью которого является причинение боли одержимому человеку, чтобы заставить демона покинуть тело. Тибетские шаманы исполняют *мани римду*, танец в масках, который должен отогнать демонов. В Японии синтоисты верят, что в одержимости повинны рассерженные духи предков, которых надо напугать и прогнать прочь. Для этого используется тяжелый посох с металлическими кольцами, известный как *сакудзо* (он издает очень громкий шум). Индуизм знает бессчетное множество способов изгнания злых духов: от избивания одержимого и до поднесения ему богатых даров и сладостей, чтения молитв и мантр и вдыхания дыма от горящего коровьего навоза.

Индивидуальный экзорцизм

Возможно, основным способом "спасения души" одержимого для персонажей станет индивидуальный ритуал, разработанный с учетом личности захваченного демоном человека или экзорциста. Он может иметь нечто общее с сеансом психотерапии, когда плененному демону будут задавать вопросы, чтобы "напомнить" ему о его человеческой душе и вывести ее на поверхность. Такие попытки могут сопровождаться соответствующей "обработкой", в том числе и лишением демона пищи, воды и прочих необходимых вещей, чтобы заставить его выйти из организма человека. В других случаях ритуал может принять весьма интимную форму: чтение вслух любимой книги одержимого (будь то Библия или "Алиса в Стране чудес"), секс с любимым человеком или насильственное погружение в наркотический бред. Индивидуальный, специализированный ритуал изгнания может быть основан на чем угодно, и Рассказчик должен всячески поощрять хороший отыгрыш.

Система

В сущности, все экзорцизмы, вне зависимости от их происхождения и отличительных свойств, подчиняются одной общей схеме. Приводимые ниже правила дополняют систему, описанную в основной книге. Вы можете пользоваться системой, которая подходит вашей хронике.

Во-первых, экзорцист должен каким-то образом пленить демона и удержать его на месте, чтобы можно было провести достаточно длительный ритуал. Идеальным способом можно считать молитву связывания (см. основную книгу правил, глава 9), но в этом случае потребуется хотя бы один помощник, чтобы читать молитву в то время, как сам экзорцист будет проводить начальный осмотр и решать, стоит ли продолжать ритуал. Можно прибегнуть и к более приземленным вещам – тяжелым цепям, обездвиживающим наркотикам или физическим увечьям. Но демоны, как правило, физически сильные и выносливы, поэтому такие методы могут быть опасны.

Во-вторых, нужно разобраться, осталась ли в теле человеческая душа, которую можно было бы спасти. На этой стадии демону задается ряд личных вопросов и выполняется бросок на Восприятие + Осведомленность со сложностью, равной Силе воли демона +2 (максимальное значение - 10). Если бросок окажется неудачным, игрок может сделать еще две попытки. Если и два последующих броска оказываются неудачными, или же один бросок заканчивается провалом, считается, что изучение "подопытного" ни к чему не привело и ритуал не может быть проведен. Если же проверка прошла успешно и экзорцист убедился в том, что в теле еще осталась душа, которую можно выманить на поверхность, начинается долгий ритуал изгнания демона.

Сам по себе ритуал состоит из чтения ряда молитв, которые увещевают демона и приказывают ему покинуть тело смертного. Фактически, это противостояние между экзорцистом и падшим, где оружием выступает их воля. На протяжении всего ритуала экзорцист физически должен находиться рядом с демоном, не отходя от него дальше, чем на расстояние слышимости (при обычной громкости голоса). За каждый час ритуала выполняется бросок сопротивления (resisted roll) на Силу воли экзорциста и демона со сложностью 8. Если экзорцист знает Истинное Имя демона (см. основную книгу правил), он получает определенное преимущество, снижающее сложность его броска на Силу воли до 6. Проигравшая сторона теряет единицу Силы воли, броски продолжаются до тех пор, пока

одна из сторон полностью не лишится Силы воли или пока экзорцист не решит прервать ритуал. Если один из бросков со стороны экзорциста заканчивается провалом, ритуал автоматически считается неудачным, его повторное проведение невозможно. По решению Рассказчика потрясение, вызванное неудавшейся попыткой изгнания, может вызвать у экзорциста психическое расстройство. Если провальным оказывается бросок со стороны демона, ритуал немедленно завершается полной победой экзорциста.

Если демон полностью лишается Силы воли, ритуал считается успешным, при это душа демона покидает тело и возвращается в Бездну, освобождая от своего влияния душу человека. У вернувшегося человека Сила воли равна нулю, он страдает от временного психического расстройства (по выбору Рассказчика). Позже, при восстановлении очередной единицы Силы воли, можно выполнять бросок на Силы воли со сложностью 7, чтобы избавиться от этого расстройства. Чтобы восстановить психическое здоровье, достаточно получить один успешный балл. Если же такой бросок заканчивается провалом, психическое расстройство становится постоянным, дальнейшие броски не выполняются.

Проведение ритуала несколькими экзорцистами

При желании несколько экзорцистов могут проводить изгнание демона сообща, присоединяясь к нему даже после начала ритуала. Если ритуал выполняется несколькими экзорцистами, бросок на Силу воли выполняется для каждого из них, потом результаты суммируются и сравниваются с количеством успешных баллов, полученных демоном. Если сравнение будет не в их пользу, каждый из экзорцистов теряет единицу Силы воли. Если у одного из экзорцистов бросок заканчивается провалом, ритуал считается неудавшимся, все его участники рискуют получить временное психическое расстройство. Участники ритуала могут выйти из него в любой момент, но, один раз откланявшись, вернуться назад они уже не могут.

Последствия

Рассказчик может решить, что экзорцизм невозможен. Демон, захватив тело, убил душу человека, или, возможно, навеки изгнал ее. Но разве это может помешать экзорцистам провести обряд? Если они предприняли соответствующую попытку и достигли определенного "успеха", результат могут быть самыми разнообразными. Рассказчик может сказать, что демон покинул тело, но душа человека не может вернуться назад. Тело или находится в состоянии комы, или вообще умирает на месте. Или, возможно, изгнанию подверглась именно душа человека, и тогда Мука демона захлестнет персонажа, превратив его в куда худшего монстра, чем он был до этого. Демон даже может изобразить "возвращение" души, заставив экзорцистов думать, что ритуал был проведен успешно!

Сострадание к Дьяволу

Экзорцисты вовсе не обязательно должны быть антагонистами. Не все охотники готовы вламываться к демону в номер с винтовкой AR-15 наперевес и открывать стрельбу. Прочтя книги по "Демонам: Падшим", вы знаете, что демоны не хорошие и не плохие, что им присущи все "оттенки серого". То же самое можно сказать и об экзорцистах – их сложные характеры не позволяют рядить их только в белое или черное. Поэтому возможно, что время от времени экзорцисты и демоны будут сотрудничать, вместо того, чтобы порвать друг друга на куски.

Не надо обольщаться: экзорцист, встретившись с очередным демоном, скорее всего, посчитает его такой же злобной тварью, как и те, кто попадался ему раньше. Да, это предрассудок, но когда демон на ваших глазах расхаживает у вас по дому и силой забирает Веру у членов семьи, встреча с *другим* демоном едва ли вас порадует. Виновен, пока не докажет обратное, вот и все. Отсюда, впрочем, не следует, что охотник постоянно находится в состоянии боевого безумия. Существует немало причин, по которым можно установить полезные, ненасильственные отношения с демоном.

Общие враги

Запомните раз и навсегда: очень малое число людей способны сравниться с демонами, в особенности если те принимают апокалиптическую форму. Охотник, который палит во все, что движется, долго не протянет. Экзорцисты могут заключать временные или даже постоянные союзы с теми демонами, которые тоже не прочь изгнать или уничтожить их общих врагов. Демоны, принадлежащие к партии Миротворцев, легко смогут найти общий язык с группой экзорцистов, которые хотят изгнать (или даже привести к покаянию) более злобных тварей. Такие отношения будут взаимовыгодными: экзорцисты получают физическую поддержку и доступ к силам, превосходящим силы их противника, а демон может воспользоваться знаниями экзорцистов о человеческом обществе и его законах.

Поиск ответов

Экзорцистам нужна информация. У охотников, вышедших на тропу войны, нет видеоуроков, которые могли бы помочь им. Они вообще ничего не знают о том, с чем имеют дело. Да, они видели, как какой-то покрытый коростой зловонный монстр свернул человеку шею. Но это все, что им известно. Они не знают, какие у демона слабые стороны, не имеют ни малейшего понятия о том, что может ему навредить. Со временем они могут заняться изучением основ демонологии (см. выше), чтобы сразиться падшими, но гораздо чаще их методы борьбы с этими тварями абсолютно неверны. И поэтому встреча с демоном, который готов поделиться хотя бы крохами информации, может пойти экзорцисту на пользу. В противном случае он так и будет блуждать во тьме. Коварные охотники даже могут пощадить плененную жертву в обмен на поток информации о способностях, силах и уязвимых местах демонов.

Точно так же демоны могут получать от охотников информацию, которая пригодится обеим сторонам. Скрытный, бьющийся над разгадкой тайны или пытающийся выяснить местонахождение врага, может привлечь группу экзорцистов к поиску нужных сведений и поделиться полученными результатами. Демоны, вполне возможно, согласятся выменять свободу на имена и местонахождение своих соперников или поведают смертным ученым о древних временах, потребовав в ответ провести для них исследование. Никакие ангельские силы не помогут тому, кто вынужден рыться в библиотечных запасниках в поисках невнятной отсылки к одному из шумерских богов.

Узы прошлого

Демоны – тоже люди. Звучит странно, но вспомните, что разум падшего хранит остатки человеческой личности. Тело и разум демона сдерживают напор адской ярости, захлестывающей духа. Поэтому падшим свойственны те же причуды, мотивации и отношения, что и людям. Вполне возможно, что человек стал экзорцистом после того, как увидел пугающие изменения, произошедшие с его старым другом, бывшим возлюбленным или членом семьи. Эти давние узы дружбы и привязанности позволяют создать достаточно своеобразные отношения между демоном и будущим охотником. Сможет ли экзорцист преодолеть чувства, связывающие его с давним знакомым, и отбросить прочь мысль о его спасении? Демон может поддерживать в нем слабую надежду (и даже усиливать ее), надеясь со временем обрести союзника в борьбе с врагами. Такой подход достаточно рискован, поскольку демон может поддаться Муке, и тогда экзорцист, который знает все его слабые стороны и уязвимые места, станет его врагом.

Марионетки падших

Экзорцисты – это люди на 100%. Они – не чудовища, у них нет сверхъестественных сил, они практически ничего не знают о *реальном положении вещей*. Все, что у них есть, так это энергия и желание уничтожить то, что они считают неправильным, а также несокрушимая воля разрушить ту нечестивую власть, которая на миг предстала перед ними. Но всем людям свойственно *ошибаться*, и охотники на демонов здесь – не исключение.

Экзорцисты могут перейти на сторону тьмы и стать инструментами в руках тех самых тварей, которых ненавидят. Стать пешкой демона, даже сражаясь с ним, - вот какая угроза постоянно подстерегает охотников. Чаще всего переход совершается против воли охотника – у падших есть целый набор возможностей, как обычных, так и сверхъестественных, обратить экзорциста в свою "веру". Многие Знания позволяют контролировать разум (например, Знание Сияния), а демоны в апокалиптической форме приобретают такие способности, как Неземное великолепие или Сверхъестественное обаяние. Любое из этих воздействующих на волю умений может превратить экзорциста в послушную собачку демона. Кроме того, есть и пытки. Когда какая-то тварь с черными маслянистыми крыльями и пастью в брюхе ломает вам пальцы, почти любой может сдаться и стать марионеткой в руках тех, кого ненавидит.

С другой стороны, есть и такие экзорцисты, которые охотно подчиняются демону (или нескольким демонам). Они считают, что без этого им не справиться. Охотник может рассуждать так: "Я сражаюсь с демонами и должен уничтожать их, но у меня не хватает сил. А этот демон предложил помочь мне, хоть и в обмен на что-то". Так все и начинается. Экзорцист добровольно заключает договор (возможно, даже становится слугой демона) в надежде получить недостающую ему силу и выполнить взятую на себя миссию. Многие охотники, соглашающиеся на такие сделки, хотят отомстить какому-то одному демону и охотно пожертвуют всем, чтобы добраться до своего врага.

И что же происходит дальше? Экзорцист поддается, предлагает Веру и заключает договор. Что ж, с одной стороны, теперь у него есть прямой выход на тех, кого называют "демонами". Возможно, самой важной частью тут можно считать информацию. Если раньше охотник был, фигурально выражаясь, слеп, то теперь у него появился освещающий путь фонарь – хотя так происходит не всегда. Помните, что падшие – великие мастера манипуляций и без особых проблем могут соврать своим слугам. Демон может убедить слугу-охотника, что личные враги куда более многочисленны, чем он думал, и тем самым превратить человека в орудие, нацеленное на противников падшего. И все же демон, вполне вероятно, выдаст достаточно информации для того, чтобы помочь экзорцисту в его поисках, а экзорцисту только этого и надо.

Помимо информации есть еще и сила, которая передается при заключении договора. Не важно, как именно будет выражена эта сила – в форме физических усовершенствований, обращений или изменении Атрибутов персонажа. В результате сделки экзорцист в любом случае становится сильнее.

И все же экзорцист кое-что теряет. Не стоит забывать, что он *добровольно* стал марионеткой демона. Он не только слуга, получивший согласно договору некие способности, но и ходячая и говорящая батарейка, из которой демон в любой момент может высосать Веру, даже если будет находиться на другом полушарии. Стоит злоупотребить этим, и экзорцист превратится в бледную тень себя самого. Да, он получит информацию и сверхъестественные силы, но сам при этом станет жалким рабом, покорным воле демона, и со временем будет становиться все более и более послушным. Такова цена.

Можно внести дополнительное напряжение в игру по "Демонам", подкинув персонажам мысль перетянуть на свою сторону экзорциста. Возможно, они знают врагов этого экзорциста. Если у персонажей есть что предложить ему (и при этом не схлопотать пулю и не попасть под обряд изгнания), они могут получить нового союзника.

Драма

Экзорцистами не становятся с бухты-барахты. Гостиничный служащий не получает из ниоткуда магические знания о существовании демонов и не выходит на охоту за падшими ангелами. У охотников есть причины стать тем, кем они стали, и часто это очень личные причины, так как только личные мотивы заставляют человека порвать с обычной жизнью и вступить в бой с существами из иного мира. Возможно, демон убил его близкого человека, или же возлюбленный охотника стал слугой падшего. Демон мог надругаться над будущим охотником, изувечить или почти убить его. Или охотник мог случайно оказаться на пути демона, который громил универмаг, и увидеть, как

адская тварь рвет на куски или порабощает невинных детей. Так или иначе, у экзорциста есть определенные мотивы, от которых многое зависит.

Рассказчик может ознакомить игроков с историей их противников-охотников еще до того, как будут созданы игровые персонажи. Но если вы действительно хотите привлечь внимание игроков к этим антагонистам и сделать из охотников нечто большее, чем просто мальчики для битья, тогда вам придется каким-то образом связать персонажей-демонов с экзорцистами. Так все участвующие стороны смогут воспринять ситуацию ближе к сердцу. Что если один из игровых персонажей поддастся Муке и утратит власть над обращением, в результате чего погибнет случайный прохожий? Что тогда станется с семьей, близкими людьми и друзьями этого несчастного? Станут ли они охотиться на демонов, желая отомстить (возможно, экзорцисты только предполагают, что их родные были убиты демонами, и движутся в неверном направлении)? А вдруг охотником станет кто-то из родных или друзей самих персонажей? Что произойдет, если жена демона (ладно, жена носителя) постучится в дверь, держа наготове пистолет 45 калибра и флакон со святой водой?

Смысл в том, что экзорцисты должны стать для игроков и их персонажей чем-то большим, чем безликие куклы. Если вы сумеете связать предысторию охотников с историей падших, игроки станут любить, ненавидеть и даже бояться их, а не считать досадной помехой в игре.

Развязка

Итак, зачем же в игре нужны экзорцисты? Во всех историях есть постепенно развивающийся сюжет, обычно приводящий к кульминации, за которой следует развязка (после чего при желании можно рассказать следующую историю). Как экзорцисты влияют на общее развитие ваших персонажей-демонов? Эта глава помогает найти ответ, но Рассказчик должен знать, когда именно вводить охотников в сюжет, кто они такие и чего они хотят. Они – часть развязки? Вы хотите, чтобы с ними быстро разобрались, или же победа над ними будет стоить персонажам немало сил?

Окончательный исход всей истории с экзорцистами зависит от многих факторов. Когда дело доходит до их миссии, они проявляют невероятное упорство и смелость, но это вовсе не значит, что их нельзя убить или упрятать под замок или что они не способны принять необдуманное решение, в результате которого потеряют все, что у них было. Вполне возможно, экзорцист просто сдастся и выйдет из игры, признает себя побежденным, поверив, что ему никогда не удастся победить "бессмертных злобных тварей". Но может ли человек жить спокойно, зная то, что он знает, и радоваться при этом жизни? Наверное, нет.

У каждой истории есть конец, и вам надо решить, как в него вписываются ваши экзорцисты. Возможно, вы не хотите, чтобы они участвовали в финальной схватке, и надеетесь использовать их позже, в продолжении хроники. За время игры они несколько раз могут превращаться из врагов в союзников и наоборот. Они всегда такие ненадежные враги или союзники? И, само собой, не надо забывать, что даже самые тщательно разработанные планы могут пойти наперекосяк. За действия основных персонажей игры отвечают игроки. Они могут не пойти по следу из хлебных крошек. Они могут обратиться за помощью к враждебным им охотникам или предать тех, кто стал им союзником. Так что готовьтесь к импровизации. Но у вас все равно должен быть план, от которого можно отклоняться. Сделайте экзорцистов частью общей схемы. Это поможет вам получить удовольствие от игры, какую бы роль в ней вы ни отвели экзорцистам.

POLICE LINE · DO NOT

Любой человек, верящий в ад, будет гонителем, если только у него есть власть.

- Джозеф Маккейб[37], *Чего боги стоят людям*

В этой главе приводится описание пяти персонажей-экзорцистов, которые могут стать противниками главных героев вашей хроники, как по отдельности, так и в команде. Эти описания раскрывают самые разнообразные концепции и способности и призваны осветить широкий набор возможностей, имеющийся у вас при создании персонажа-экзорциста. Охотниками на демонов становятся не только католические священники, хитроумные правительственные агенты или чудаковатые оккультисты. На самом деле самые интересные противники могут получиться из самых обычных, ничем не приметных людей, чья судьба – сражаться с обитающими рядом с ними демонами. Экзорцисты – это безымянные лица в толпе, незнакомцы, мимо которых падшие могут пройти, не обратив на них ни малейшего внимания. Мужчина из соседней квартиры, старик на лавочке в парке, бездомный попрошайка – каждый из них может стать экзорцистом, которого к действию подтолкнуло знание о существовании падших.

Рассказчики могут использовать приводимые ниже описания в качестве образца при создании собственных оригинальных полноценных персонажей. Эти описания – лишь шаблон, который вы можете дополнять, менять и исправлять так, как того требует ваша игра. К крайнем случае их можно использовать как образцы для игроков, если вы собираетесь провести игру только с персонажами-экзорцистами или ввести охотника на демонов в качестве одного из основных персонажей уже существующей хроники. В целом Характеристики, данные в описаниях, выше, чем у обычного начинающего персонажа, но они все равно не идут ни в какое сравнение с силами и умениями падших. Экзорцисты побеждают за счет смекалки, мужества и везения, а не в прямом столкновении с ангелами Бездны!

[37] Маккейб Джозеф (1867-1955) — английский философ-рационалист, в юности был приверженцем католицизма и даже вступал в орден францисканцев (1883). В 1896 г. оставил церковь и стал решительно критиковать католическое учение с позиций рационалистической философии.

Иви Салливан

Уже в шесть лет Иви Салливан знала, что хочет стать полицейским. Это судьбоносное решение было принято в тот день, когда ее отец, сам чикагский полицейский со многими наградами, был повышен в звании до капитана. Позже, когда отец со своими приятелями в кухне Салливанов отмечали продвижение пивом и сигарами, она надела его шляпу, вышла к высоким, крупным мужчинам, сидящим вокруг кухонного стола, и гордо заявила, что будет лучшим следователем города. Суровые старые полицейские смеялись до слез, и Иви, плача, убежала из кухни. Позже, когда она всю ночь напролет готовилась к тесту, должна была бежать 10 миль под ледяным дождем или выслушивала ор инструктора, Иви вспоминала тот день в кухне, стискивала зубы и упорно, невзирая на кровь, пот и слезы, доводила дело до конца.

В довольно нежном возрасте 26 лет Иви вполне успешно доказала: те старые копы ошибались. Сразу после школы поступив в полицейскую академию – вопреки яростным возражениям отца, который к тому времени уже вышел в отставку, - Иви с трудом справлялась с физическими нагрузками, сопровождавшими обучение, но ее острый ум и исключительная память были по достоинству оценены инструкторами. Закончив академию, Иви получила несколько приглашений на административную работу, но отклонила их, решив стать патрульным полицейским, как любой другой неопытный коп. В конце концов ее зачислили в чикагский отдел борьбы с организованной преступностью, пообещав через шесть месяцев повысить в должности при условии, что она будет хорошо справляться со своими обязанностями.

Начальником Иви стал опытный следователь по имени Ларри Донеган, "бессрочник", который уже несколько десятилетий работал в отделе. Иви он казался высокомерным и циничным. Он с пренебрежением отзывался о ее способностях и был уверен, что с чикагской преступностью ничего сделать не удастся. Иви, с присущим ей упрямством, решила доказать, что Донеган ошибается. Но чем усердней она вела расследования, тем отчетливей понимала, что мафия всегда на шаг опережает полицию. Преступники не просто знали о намечающихся действиях полицейских сил; казалось, что все городские банды каким-то образом связаны между собой. Очевидно, им помогал кто-то из самих полицейских – возможно даже, из отдела по борьбе с организованной преступностью. Иви шесть месяцев подряд раз за разом заходила в тупик и наконец начала присматриваться к сослуживцам. Чтобы сократить список возможных подозреваемых, потребовалось не так уж много времени, и возглавил этот список Ларри Донеган. Днем она работала рядом со своим боссом, а по ночам следила за ним. То, что она узнала, удивило и напугало ее.

Донеган не пытался скрыть свои передвижения. Она знала обо всех его встречах и видела, как он сидит рядом с главными фигурантами всех их дел. Иви надеялась увидеть, как деньги переходят из рук в руки, но впечатление создавалось такое, будто Донеган отдает приказы, а не сливает информацию. Когда он говорил, тертые уголовники лишь покорно кивали, как марионетки. Это зрелище сбило Иви с толку так, что она не могла подобрать нужных слов. Еще больше ее обеспокоило то, что Донеган, похоже, знал, что она следит за ним, но его это совсем не волновало.

Иви потратила четыре месяца на сбор фотографий, ведение записей и составление стопроцентно верного дела, которое можно было бы передать в отдел внутренних расследований. Затем, когда, по ее ощущениям, уже пора было предъявлять улики окружающим, Иви проснулась у себя в квартире и обнаружила, что все досье, фотографии и пленки исчезли. Сигнализация по-прежнему была

включена, никаких следов проникновения обнаружить не удалось. Чуть позже тем же утром, когда она в одиночестве сидела в комнате отдыха в участке, к ней подошел Донеган.

Позже Иви решила, что их разговор продолжался всего несколько мгновений, но тогда ей казалось, что они проговорили больше часа. Время словно остановилось. Донеган похвалил ее за настойчивость, внимание к деталям и верность принципам. Он сказал, что охотно будет сотрудничать с ней в будущем, и пообещал всяческую поддержку и помощь, если она покажет себя хорошим командным игроком. Донеган ни словом не упомянул о собранных ею доказательствах, не говоря уже о многомесячной слежке, но он знал. Она видела это знание в его глазах. Донеган знал и не боялся. Он был неуязвим. А когда он заговорил с ней о возможностях и тесном сотрудничестве, Иви поняла, что кивает, радуясь открывающимся перспективам. Она даже не заметила, как он вышел из комнаты. Когда она наконец пришла в себя, все, на что ее хватило, это отправиться в туалет, где ее начала бить дрожь.

Донеган не был человеком. Она не знала, откуда пришла эта странная уверенность, но ничего не могла с ней поделать. Это читалось в его глазах, в звуках голоса, который превращал ее в тряпичную куклу. Он каким-то образом подчинил себе банды, и ей никогда не удастся завести на него дело.

На несколько дней, последовавших за исчезновением доказательств, Донеган оставил ее в покое, позволив погрузиться в отчаяние. Был момент, когда она со всей серьезностью подумывала принять предложение Донегана – в конце концов, если игра ведется по шулерским правилам, стоит ли бороться с этим? Но потом Иви вспомнила тот летний полдень в кухне родительского дома и поняла, что ей придется сделать ужасный выбор.

Устроить подставу оказалось проще, чем она думала. Донеган был человеком привычек, поэтому подгадать налет группы по борьбе с наркотиками к тому моменту, когда босс собрался пообщаться с кучкой особо опасных латиноамериканских наркоторговцев, было не так уж сложно. В перестрелке погибли трое офицеров, в том числе и Ларри Донеган, ветеран управления. Иви побывала на всех похоронах, прося Господа о том, чтобы сделанный ею выбор оказался правильным.

Внешность: Атлетически сложенная, привлекательная Иви Салливан привлекает к себе внимание, но ужасающие навыки общения приводят к тому, что большинство людей считает ее холодной и высокомерной. Не то чтобы Иви это беспокоило. Ей больше нравятся книги, чем люди, и она скорее проведет вечер пятница за изучением старых дел, чем отправится на встречу с друзьями. Она отличается целеустремленностью и умом и превосходно умеет сопоставлять данные и раскрывать тайны (вспомните Кларису Старлинг из "Молчания ягнят").

Советы по отыгрышу: Иви одержима мыслью, что она, возможно, допустила ошибку, подстроив смерть Донегана. С тех пор она каждую свободную минуту посвящает изучению других возможных случаев странных и необъяснимых явлений, и эти исследования могут столкнуть ее с персонажами вашей хроники. В зависимости от действий персонажей она может как посчитать их врагами, так и заключить с ними что-то вроде перемирия, надеясь получить информацию о падших.

Атрибуты: Сила 2, Ловкость 3, Выносливость 3, Обаяние 1, Манипулирование 2, Внешность 3, Восприятие 4 (место преступления), Интеллект 4 (анализ), Сообразительность 2.

Способности: Академические знания 1, Бдительность 2, Атлетизм 2, Осведомленность 2, Рукопашный бой 2, Знание компьютера 1, Уворот (Уклонение) 1, Вождение 2, Огнестрельное оружие 3, Запугивание 2, Расследование 3, Правоведение 3, Медицина 1, Фехтование 2, Исследование 1, Наука 1, Безопасность 1, Знание улиц 2.

Дополнения: Контакты 3, Ресурсы 2.

Добродетели: Совесть 3, Убежденность 3, Мужество 3.

Сила воли: 8.

Потенциал Веры: 2.

Имущество: крупнокалиберный пистолет, кевларовый бронежилет, раздвижная дубинка, наручники, внедорожник.

Марша Хэмбли

Все, чего Марша хотела от жизни, так это выйти замуж за какого-нибудь состоятельного мужчину, который смог бы позаботиться о ней и обеспечить семью. Этот идеал достался ей от матери, разочаровавшейся в жизни женщины, которая ненавидела существование в рамках среднего класса и чувствовала, что мир ей задолжал.

В итоге все свелось к выбору подходящего мужа. Марша училась на ошибках своей матери : она окончила школу с высокими баллами и поступила в колледж, широко известный программой по медицине. Там она встретила будущего мужа, Джорджа Хэмбли, честолюбивого невролога.

Свадьба состоялась через шесть месяцев после того, как Джордж окончил колледж. Поначалу им на всем приходилось экономить: выплаты по счетам за обучение Джорджа должны были закончиться, когда им обоим было бы уже под сорок, - но Марша хорошо знала цену терпению. Когда ей исполнилось 34, жизнь уже вполне наладилась. Джордж получил постоянное место невролога в местной больнице, их милый двухэтажный дом располагался в фешенебельном пригороде Мэриленда. Своих двоих детей Марша отвозила в школу на "Форде Эксплорере" – у машины был огромный пробег, но она прекрасно соответствовала их имиджу, - и днями напролет ходила по магазинам, ухаживала за собой и кокетничала с ландшафтным дизайнером. Жизнь была прекрасна.

Она не заметила, когда Джордж начал меняться. Просто однажды утром она подняла взгляд от своего обычного грейпфрута и поняла, что ее ценный муж стал мрачным и раздражительным. Он долгие часы проводил у себя в кабинете и с горечью жаловался на то, что она постоянно тратит деньги. В больнице были какие-то неприятности – увольнения в отделении, скандал с несколькими врачами, уличенными в использовании наркотиков. Джордж выглядел так, словно не спал неделями, и буквально подскакивал на месте, стоило ему услышать телефонный звонок. Когда она предложила ему принести из больницы успокоительное, Джордж взорвался, прямо перед детьми назвал ее сукой и выбежал из дома.

Когда ночью он вернулся домой, Марша думала, что их ждет ссора. Но что-то в ее муже изменилось. Он стал спокойней, сдержанней. В его глазах появился огонь, *голод*, которого ей раньше не приходилось видеть, и тот взгляд, который он бросил на нее, когда вошел в их комнату, заставил ее затрепетать от предвкушения. Той ночью он жадно овладел ею. Она в жизни своей не думала, что эти слова можно применить к кому-нибудь кроме героев дешевых романов, но по-другому описать происходящее не получалось. Он подчинил ее своей воле, и телесно, и душевно, и она была не в силах остановить его.

Именно тогда мечта Марши Хэмбли превратилась в кошмар.

Отношение к ней Джорджа так и не изменилось. Можно даже сказать, что оно стало еще хуже. Он смотрел на нее и детей как на каких-нибудь животных, говорящие вещи, единственное предназначение которых – развлекать его. За обедом он мог задумчиво разглядывать одного из их сыновей и в подробностях излагать, как он вскроет им черепа и отрежет кусочек мозга, чтобы сделать их послушными детками. Марша только однажды попыталась остановить его. Он заставил ее кричать несколько часов напролет, но при этом ни единого звука не сорвалось с ее губ.

Шли месяцы. Дети перестали ходить в школу и прятались в своих комнатах. Марша не осмеливалась вызвать полицию, потому что он четко дал понять, что произойдет в этом случае, а она уже не сомневалась, что Джордж способен буквально на все. По вечерам она накрывала на стол для мужа и целой вереницы гостей – врачей, медсестер, студентов-медиков и администрации больницы, которые преклонялись перед Джорджем так, словно он был особой королевской крови. Из разговоров она поняла, что для Джорджа они тоже представляют большую ценность – они были источником его силы, как он часто говорил после целого вечера обожания.

Идея устроить обед в честь Джорджа принадлежала Марше. Она узнала, что недавно он возглавил отдел исследований в больнице, и когда неуверенно предложила организовать торжество, Джордж сразу же согласился. Марша несколько недель провела за планированием праздника и приведением дома в надлежащий вид.

Ожидалось, что гостей будет немного. На самом деле Марша рассчитывала, что не будет никого, помимо ближайшего окружения Джорджа, но на всякий случай подсыпала в подаваемые блюда трехкратную дозу стрихнина. Когда гости начали падать в конвульсиях, она гарпией выскочила из кухни, размахивая мясницким ножом. Она собиралась воткнуть лезвие Джорджу аккурат между глаз, но ее муж, пошатываясь, поднялся со стула – губы синие, рука хватается за горло, в глазах полыхает ненависть. Послышался раскат грома, внезапный порыв ветра отшвырнул ее к противоположной стенке, а потом на нее нахлынула тьма.

Когда Марша пришла в себя, Джорджа в доме не было, как и детей.

Внешность: Марша сохранила остатки былой красоты, но тяжелые переживания состарили ее, а малоподвижный образ жизни плохо сказался на физической форме. Поведение и одежда в целом соответствуют образу домохозяйки среднего класса, но затравленный взгляд позволяет понять, что эта женщина столкнулась с настоящим кошмаром.

Советы по отыгрышу: Марша может стать превосходным антагонистом в побочной сюжетной линии. Ее стремление выслеживать и убивать падших в сочетании с присущими ей организационными способностями делает ее превосходным вожаком небольшого отряда, который будет досаждать персонажам. В этом случае Марша станет не полевым командиром, а организатором, отправляющим своих агентов на борьбу с демонами. Помните, что, хотя физически Марша не представляет угрозы, она очень хорошо разбирается в людях и легко подчиняет их себе, к тому же ради достижения цели она без зазрения совести может манипулировать людьми на всех уровнях. С ее точки зрения, цель всегда оправдывает средства.

Атрибуты: Сила 1, Ловкость 2, Выносливость 2, Обаяние 3, Манипулирование 3, Внешность 2, Восприятие 3, Интеллект 2, Сообразительность 3.

Способности: Академические знания 1, Бдительность 2, Осведомленность 2, Знание компьютера 1, Ремесло 3, Эмпатия 3, Этикет 2, Выразительность 1, Финансы 2, Лидерство 2, Медицина 1, Исполнение 1, Политика 1, Религия 1, Исследование 1, Хитрость 3.

Дополнения: Контакты 3, Ресурсы 2.

Добродетели: Совесть 1, Убежденность 3, Мужество 3.

Сила воли: 6.

Потенциал Веры: 2.

Имущество: минивэн, дорогая одежда.

Дрю Хейс

Дрю, выросшему в американской семье среднего класса, всю жизнь было скучно. Ему не приходилось преодолевать трудности, у него было никаких интересов, кроме катания на скейте. Все свое свободное время – и большую часть времени, которое должен был тратить на учебу, - он проводил в парке или на стоянке у универмага, осваивая различные трюки и зависая с приятелями. Повзрослев и получив права, он открыл для себя радости горного велосипеда и походов. Большая часть ребят его возраста подумывала о колледже, но Дрю знал, что науки – это не для него. Он устроился на работу в местный магазин, где продавали кассеты, и проводил выходные в холмах вокруг города.

С Лизой Дрю встретился на склонах Медвежьей долины, где он осваивал сноуборд. Они сразу же понравились друг другу и вскоре уже были неразлучны. Единственной странностью в их отношениях была Лизина нездоровая одержимость смертью. Дрю никогда не размышлял над тем, что и он смертен, и никак не мог понять, чем смерть так привлекает Лизу, но во всем остальном они были счастливы, так что этот вопрос его не слишком волновал.

Они прожили вместе почти год, когда произошел несчастный случай. Они проснулись до восхода солнца, чтобы на рассвете добраться до вершины горы и первыми порадоваться свежему слою снега, выпавшему за ночь. Во время спуска Лиза вильнула в сторону и исчезла. Дрю, охваченный паникой, начал искать ее. Он нашел Лизу лежащей на валуне, лицо ее было в крови. Доска, все еще

привязанная к ее ногам, раскололась на две части. Тело девушки было покрыто царапинами и ссадинами, но сама она каким-то чудом осталась цела, хотя и никак не реагировала на сыпавшиеся из Дрю вопросы, глядя на него так, словно ей было непонятно, о чем он говорит. Дрю с трудом удалось спустить ее со склона, после чего он отвез ее ближайшую больницу.

Врачи не обнаружили у нее никаких физических повреждений, а проведенная томография опровергла все подозрения на мозговую травму. По настоянию Дрю Лиза согласилась остаться в больнице на ночь для дальнейшего наблюдения, но утром она была так же здорова, как и всегда. И все же что-то в ней изменилось. Шли дни, и Дрю все отчетливей понимал это. Иногда она вела себя совсем как ребенок, словно впервые видела этот мир.

Правда открылась через несколько недель, когда их попытались ограбить по дороге из кафе. Нападающий размахивал ножом, но Лиза лишь прикоснулась к бандиту, и тот осел бесформенной грудой, умерев еще до того, как коснулся земли. Убийство словно пробудило Лизу, и, к ужасу Дрю, любовь всей его жизни откинула назад голову и засмеялась – этот дикий, торжествующий смех был старше, чем сама Земля. Когда девушка повернулась к Дрю, он увидел обитавшего в ней духа, змеей свернувшегося где-то за ее глазами цвета нефрита. Она протянула к нему руку с длинными пальцами, и он побежал прочь, крича в ужасе.

Той ночью Дрю изменился. Перемена в Лизе пошатнула его эго и встряхнула облетевший разум. Не в силах постичь истинную природу этих изменений, он обвинял себя в том, что произошло. Это была его вина, и только он мог все исправить.

Уже светало, когда Дрю наконец направился домой. Лиза – или тварь, вселившаяся в Лизино тело, - ждала его. Она улыбнулась и притянула его к себе, шепча успокаивающие слова голосом холодным и гладким, как речная галька. Он проплакал несколько часов, и все это время она обнимала его и говорила, что все будет в порядке. Она позаботится о нем. Она сделает его сильным. Все, что от него потребуется, это служить ей, и тогда он никогда больше не будет несчастлив. Дрю слушал и кивал. В последовавшие за этим дни он не отходил от нее, обращая самое пристальное внимание на все, что делал или говорил демон. Лиза – или Абтиэль, как она теперь предпочитала зваться, - восприняла его обожание как нечто само собой разумеющееся. Постепенно Дрю узнал все, что только смог.

Абтиэль сдержала слово, и Дрю обрел силу и быстроту, которые раньше едва ли считал возможными. Демонесса поручала ему различные задания, то отправляя за книгами и прочими нужными ей предметами, то приказывая напасть на слуг тех демонов, с которыми Абтиэль враждовала. Дрю запоминал все, что ему удавалось узнать о падших. Со временем он неплохо изучил природу падших ангелов, в том числе и понял, как можно изгнать одного из них.

Пока Абтиэль спала, Дрю солью нарисовал круг, а когда она проснулась от звука молитв, было уже слишком поздно. С помощью местного священника Дрю провел экзорцизм над демоном, который скрывался в теле Лизы. Она умоляла его, обращалась к нему голосом женщины, которую он любил, но Дрю не останавливался. В конце концов, когда на востоке небо начала светлеть, предвещая зарю, воля демона была сломлена. С диким воплем Убийца покинула тело Лизы и вновь была ввергнута в Бездну. Но у победы оказался горький привкус. Дрю надеялся, что после того, как демон будет изгнан, душа Лизы вернется, но все, что ему осталось, это пустая оболочка, из которой ушла жизнь.

Теперь Дрю бродит по стране, выискивая следы падших. У него есть своя цель, потому что на службе Абтиэль он узнал о месте, куда уходят души умерших, чтобы дожидаться там Страшного

суда. Дрю также знает, что ангелы смерти могут пересекать границы этого места, и собирается найти одного из них и заставить его вернуть Лизу.

Внешность: Дрю выглядит как типичный пижонистый серфер или спортсмен-экстремал – высокий, загорелый, внешне безразличный ко всему окружающему миру. У него длинное, стройное и сильное тело, чисто выбритые лицо и голова, кожа покрыта татуировками и пирсингом. Только глаза позволяют понять, какой ужас он пережил на службе Абтиэль, и при столкновении с падшими или их слугами его обычное ленивое выражение исчезает, сменяясь неукротимой решимостью истинного фанатика.

Советы по отыгрышу: Дрю – это трагический персонаж, внешность которого часто вводит людей в заблуждение. Неумные разговоры и кажущаяся недалекость скрывают опытного экзорциста, знающего о падших столько, что ему может позавидовать большинство охотников (и даже некоторые демоны). Он полностью, всецело охвачен одним желанием – выслеживать падших, где бы они ни находились, и делать все, что нужно для того, чтобы изгнать или уничтожить их. Если ему удастся найти Убийцу, способного вернуть Лизу в земли живых, он попытается подчинить демона своей воле, чего бы это ему ни стоило.

Способности: Сила 3, Ловкость 3, Выносливость 4 (туризм), Обаяние 2, Манипулирование 2, Внешность 3, Восприятие 2, Интеллект 1, Сообразительность 3.

Способности: Бдительность 2, Атлетизм 4 (альпинизм), Осведомленность 2, Рукопашный бой 1, Знание компьютера 2, Уворот (Уклонение) 2, Вождение 2, Огнестрельное оружие 1, Языкознание 1 (испанский), Медицина 2, Фехтование 1, Оккультизм 4 (демонология), Знание улиц 2, Выживание 3.

Дополнения: Контакты 2, Слава 1, Ресурсы 2.

Добродетели: Совесть 1, Убежденность 3, Мужество 2.

Сила воли: 5.

Потенциал Веры: 2.

Имущество: разрозненные книги по оккультизму с ритуалами вызова, подчинения и изгнания, дробовик, потрепанный фургон-"Фольксваген".

Кеннет Уилсон

Вся жизнь Кеннета Уилсона была борьбой за выживание. Он родился в Гарлеме у женщины, которая зарабатывала себе на наркотики проституцией и мелкими кражами, в возрасте пяти недель был взят под опеку и провел первые восемь лет жизни, переходят из одного учреждения в другое. Он слишком рано получил уроки выживания, научился ни с кем не считаться и усвоил определенную безжалостность, когда дело доходило до получения желаемого. Кеннет не отступал перед ложью, мошенничеством и воровством – и кое-чем похуже, - если по-другому было нельзя.

В восемь лет жизнь Кеннета, и без того нелегкая, стала еще хуже – его мать успешно опротестовала передачу его под опеку. Она представила судье целую кипу документов, подтверждающих, что она несколько лет провела в тюрьме, а потом прошла реабилитацию и стала совсем другим человеком. Мать забрала Кеннета с собой в многоквартирный дом в Гарлеме, и мальчик очень быстро оказался на побегушках у ее дружка.

Леон, молодой, крепко сложенный мужчина, обладавший сверхъестественным обаянием и большими амбициями, присматривал за местной торговлей наркотиками. К Кеннету он относился немногим лучше, чем к собаке, посылая его с сообщениями к конкурентам и оставляя на шухере всякий раз, когда сам встречался с вожаками банд. Дважды такие встречи заканчивались крайне неудачно, и каждый раз Леону удавалось выйти из потасовки без повреждений, но Кеннет как-то словил в руку случайную пулю. Из раны хлестала кровь, мальчик был уверен, что умирает, но Леон обхватил его предплечье своими сильными ладонями, и Кеннет, прежде чем потерять сознание от боли, почувствовал, как под цепкими пальцами соединяется и скручивается плоть. Когда он очнулся, рана уже успела зарасти. После этого между ними двумя возникла своеобразная связь. Леон по-прежнему обращался с Кеннетом как с куском грязи, но сам Кеннет не забыл, что Леон спас ему

жизнь. Когда после той стычки они вернулись домой, мать даже не заметила кровь, заляпавшую его рубашку и штаны.

С того самого момента Кеннет прикрывал Леону спину, ища случая отплатить за добро. Со временем он узнал, что торговля наркотиками интересует не столько Леона, сколько того, кто руководил всей этой деятельностью – демона, как сказал Леон кому-то из членов банды. Кем бы ни был этот человек, Леон считал его своим давним врагом, с которым у него были кое-какие счеты. Кеннет тогда решил, что Леон – ангел, но в этом случае выходило, что в Библии написана неправда. Все равно, ему нравилось думать, что он сражается на стороне ангелов. Эта мысль дарила чувство самоуважения, ранее ему незнакомое.

Леон был сильным, в этом можно было не сомневаться, он плохо знал жизнь улиц. Ему нужен был кто-то, кто смог бы незамеченным пробраться в нужные места и задать правильные вопросы, кто знал бы, где искать сведения. Ему был нужен охотник, а сам он был нужен Кеннету.

Внешность: Кеннет – юноша-негр с довольно светлым оттенком кожи, очень стройный, на вид почти хрупкий. У него поразительные глаза цвета ореха. Его поведение позволяет понять, что долгие годы к мальчику относились очень плохо. Он часто вздрагивает и не любит громких звуков. При встрече с Кеннетом людям на ум приходит образ молодого оленя. При всем при этом, у него острый пытливый ум. Говорит он тихо, так, что его трудно расслышать, но сказанные им слова выдают сметливость и проницательность.

Советы по отыгрышу: Сейчас Кеннет всей душой предан Рабису по имени Леон Уотерс, демону-Люциферианину, который когда-то спас ему жизнь, но в целом относится к нему немногим лучше, чем к домашнему животному. Пока что Кеннет охотно помогает Леону выслеживать и его давних противников и конкурентов и избавляться от них, веря, что так он выполняет работу ангелов. Полное лишений детство не позволило ему обрести самоуважение, поэтому он тянется к тем, кто обращает на него внимание. Если охотник на демонов решит, что подчинить Кеннета не составит труда, этот экзорцист столкнется с безжалостным уличным бойцом в теле 15-летнего мальчика.

Атрибуты: Сила 1, Ловкость 2, Выносливость 3, Обаяние 2, Манипулирование 2, Внешность 3, Восприятие 3, Интеллект 3, Сообразительность 3.

Способности: Бдительность 3, Рукопашный бой 1, Уворот (Уклонение) 3, Вождение 1, Безопасность 2, Маскировка 3, Знание улиц 3, Хитрость 2, Выживание 1.

Дополнения: Союзники 1, Контакты 1.

Добродетели: Совесть 2, Убежденность 2, Мужество 2.

Сила воли: 4.

Потенциал Веры: 2.

Имущество: мелкокалиберный пистолет.

Донни Кэхилл

Гатри, штат Западная Вирджиния, расположенный в окружении гор, был одним из тех городков, где от сына ожидается, что он пойдет по стопам отца – как правило, это означало работу в мрачных глубинах угольных шахт по будням и утро за молитвами в старой обшитой деревом церкви по

воскресеньям. Там преподобный Эрнест Кэхилл часами мог говорить об огненном аде, поджидающем души тех, кто не повинуется слову Всемогущего Господа. Преподобный был тем краеугольным камнем, на который опирались 250 душ Гатри, и никто не сомневался, что придет время, и его сын Донни примет на себя обязанности отца и продолжит наставлять новые поколения паствы.

Но сын преподобного хотел лишь одного – стряхнуть угольную пыль со своих подошв. Донни слишком многое унаследовал от матери. Эта образованная женщина из Роли последовала в горы за молодым проповедником, сраженная его очарованием, и оказалась заперта в ловушке безрадостного, полного унижений брака, который в конце концов убил ее. Она умерла от воспаления легких, когда Донни было 14 лет, и он поклялся перед Господом, что уберется из Гатри до того, как преподобный уничтожит и его тоже.

Прошло четыре года, Донни вырос, но его гнев на отца лишь усилился. Побои были для него делом обычным, потому что преподобный бурно реагировал на малейшие проявления непокорства, но чем старше становился Донни, тем меньше он боялся твердой руки Эрнеста Кэхилла или его кожаного точильного ремня. Если раньше он был богобоязненным и набожным, как и все жители города, то теперь всякий раз, как его отец начинал извергать с кафедры полные страха и отвращения тирады, Донни чувствовал лишь презрение. Проповеди Эрнеста Кэхилла были искажением библейского учения, потоком яда, который скорее отравлял отца, чем спасал души Гатри. Чем больше Донни раздумывал над поведением своего отца, тем отчетливей понимал, что преподобный – истинное зло, питающееся душами всех, кто его окружает. Время показало, что эта мысль была пророческой.

За две недели до своего восемнадцатого дня рождения, сидя в церкви в первом ряду, Донни увидел, что его отец внезапно остановился в самый разгар яростной проповеди о Содоме и Гоморре. Лицо преподобного обмякло, узловатые пальцы задрожали. На мгновение юноша осмелился поверить, что Бог наконец послал преподобному давно заслуженный тем инсульт, но затем в глазах Эрнеста Кэхилла появилось выражение, которого Донни до сих пор видеть не приходилось. В них читалось ликование, триумф, от которого у Донни кровь застыла в жилах. Преподобный откинул голову и расхохотался, заполнив церковь раскатами торжествующего смеха, а затем он начал *меняться.* Охваченные страхом и изумлением прихожане смотрели, как Эрнест Кэхилл, окруженный золотистым сиянием, расправляет орлиные крылья, кончики которых касаются грубо обтесанных потолочных балок. Мужчины и женщины Гатри попадали на колени, бормоча молитвы и воздевая руки к Небесам, но ненависть Донни помогла ему устоять. Она защитила его от пронизывающей все помещение силы и позволила разглядеть в преподобном демона, которым, как он давно считал, этот человек и был.

На следующий день стало ясно, что в городе все изменилось. Если раньше преподобный оказывал на горожан косвенное влияние, то теперь его считали чуть ли не господином и владыкой. Хуже того, по бросаемым на него холодным взглядам Донни понял: люди чувствуют, что он не разделяет их любовь к новообретенному правителю города. Той ночью он решил бежать, но, обдумывая, как бы ему освободиться, он не переставал терзаться угрызениями совести. Если он уйдет, что станет с жителями Гатри? Никто кроме него не понимал, чем на самом деле является преподобный. Если Донни уйдет, что за ад здесь начнется? Наконец он понял, что никогда не простит себе, если покинет город, даже не попытавшись спасти остальных.

Собрав все мужество в кулак, Донни направился в единственный городской универмаг, где, как он знал, обычно собирается множество горожан – другими такими местами были только церковь да шахта. Безо всяких предисловий он встал в дверном проходе, прочистил горло и прочитал собственную проповедь. Донни призвал на помощь все ораторские приемы, выученные за долгие годы наблюдения за своим отцом. Он умолял открыть глаза и вышвырнуть прочь зло, которое угрожает городу, и от его слов сотрясались стены.

Его избили едва не до смерти, затем связали ему руки за спиной и отволокли в церковь, где и бросили к ногам новоявленного хозяина. Тварь, скрывавшаяся под личиной Эрнеста Кэхилла, приказала забить непутевого сына камнями сразу же после всенощной, чтобы преподать остальным урок послушания.

Донни вынесли наружу и привязали к старому дубу. Тем временем в церкви собирались верующие, чтобы вознести молитвы своему богу. Тогда Донни хотел умереть, но, услышав сквозь вопли молящихся голос преподобного, он снова ощутил всепоглощающую ненависть, праведную в своей чистоте. Избивавшие его люди едва ли заметили, что во время потасовки вывихнули ему большой палец. До крови закусив губу, чтобы не издать ни звука, Донни освободил руку из веревок, а затем вернулся в универмаг. Там он взял тяжелый молоток и несколько железных зубил, наглухо заклинил двери церкви и поджег старое здание. Пламя взметнулось ввысь, как подношение небу. Донни молился, вверяя души тех, кто оказался заперт в церкви, суровой милости Господа. Когда жители Гатри умерли, Донни понял, что в конце концов он все-таки пошел по стопам отца.

Внешность: у Донни самая обычная внешность – коротко стриженные каштановые волосы, карие глаза и неприметные черты лица, с которыми так просто затеряться в толпе. Люди, как правило, не замечают его, а на тех, кто все-таки заговаривает с ним, он редко производит сильное впечатление. Только разговоры о морали и религии могут проявить его фанатизм.

Советы по отыгрышу: Донни Кэхилл – это мятущаяся душа, преследуемая призраком воспоминаний об "отце" и массовом убийстве, совершенным для "спасения" жителей Гатри. Сейчас он – беглец, колесящий из города в город, чтобы избежать внимания закона. Его притягивают места религиозного культа, он пытается обрести успокоение и искупить свои грехи, "спасая" тех, кто попал под влияние демонов. Чем больше он узнает о падших, тем чаще задумывается над тем, мог ли обычный пожар в церкви уничтожить того, кто занял тело его отца. Боязнь неудачи и страх перед возможной встречей с Эрнестом Кэхиллом заставляют Донни изучать все, что только можно, о демонах и том, как их можно стереть с лица Земли.

Атрибуты: Сила 2, Ловкость 3, Выносливость 3, Обаяние 3, Манипулирование 2, Внешность 1, Восприятие 3, Интеллект 2, Сообразительность 3.

Способности: Бдительность 2, Осведомленность 1, Рукопашный бой 1, Уворот (Уклонение) 1, Огнестрельное оружие 3, Запугивание 1, Лидерство 2, Медицина 1, Фехтование 3, Оккультизм 2, Исполнение 2, Религия 4 (проповеди), Маскировка 3, Знание улиц 1, Хитрость 2, Выживание 4 (горы).

Дополнения: Ресурсы 1.

Добродетели: Совесть 1, Убежденность 5, Мужество 1.

Сила воли: 8.

Потенциал Веры: 2.

Имущество: Библия короля Якова, пикап.